

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1902.

№ 5.

МАРТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово о добрыхъ качествахъ истиннаго пастыря Церкви. <i>Протоіеря Н. Онисевича</i>	288—289
Ученіе Фейербаха о сущности религіи. Профессора Харьковскаго Университета, <i>Прот. Т. Буткевича</i>	240—285
Очерки изъ жизни Христа Спасителя (продолженіе). <i>Свящ. Мисаила Оивейснаго</i>	268—276
Поэтель—христіанинъ. Памяти Н. В. Гоголя. <i>Н. Протопопова</i>	277—298
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Научно-механическое міропониманіе и этика (продолженіе). <i>Свящ. Николая Липеннаго</i>	208—222
„Дарвинизмъ“ предъ судомъ философа Гартмана (окончаніе). <i>А. Кириловича</i>	223—244
III. ЛИСТОВЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Высочайшія награды.—Высочайшее повелѣніе.—Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища изъ учебно-воспитательнаго отношенія за 1900—1901 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1902.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, се, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экзemplары ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1892 г., по 8 р. за 1895—1899 годы. За 1900 г.—9 р. и 1901 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 125 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Божіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

5. Нѣсколько словъ по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“, присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Леонида Багрецова. Харьковъ 1901 года. 52 стр. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

6. Вѣнокъ на могилу Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Харьковъ 1901 г. 141 стр. Цѣна 50 коп. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Марта 1902 года.

Цензоръ Протоіерей *Павель Солнцевъ.*

С Л О В О

о добрыхъ качествахъ истиннаго пастыря Церкви ¹⁾).

„Въ вѣрѣ, и надеждѣ, и любви, и кротости, и въ чистотѣ, и въ священническомъ достоинствѣ, благочестно пожилъ еси, приснопамяте. Тѣмже ты превѣчный Богъ, Ему же и работалъ еси, самъ вчпнить духъ твой въ мѣстѣ свѣтлѣ и краснѣ, пдѣже праведнн упоковаются: и получиши на судѣ Христовѣ оставленіе и велию милость“. (Тропарь при погребеніи священниковъ).

Священная христіанская древность завѣщала намъ добрый обычай, соблюдающійся и до настоящаго времени, именно: при погребеніи усопшаго, или надъ свѣжею еще могилою его, съ любовію говорить о почившемъ, припоминая все доброе и назидательное, что было въ душѣ его и проявлялось имъ въ жизни. Тѣмъ болѣе обычай этотъ достоинъ соблюденія въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ поминовеніе добрымъ словомъ усопшаго собрата нашего, съ одной стороны, вполне естественно для насъ, а съ другой весьма назидательно и поучительно. Достоверно, что смерть близкихъ къ намъ людей, пробуждая въ душѣ нашей горестныя чувства утраты, въ то же время можетъ имѣть и благотворное вліяніе на нашу жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, самый внѣшній видъ бездыханнаго, недвижимаго и безпомощнаго тѣла умершихъ, смущая насъ скорбію, въ то же время набрасываетъ покровъ на всѣ ихъ человѣческія слабости и несовершенства, если только они имѣли ихъ, а вмѣстѣ съ этимъ на поверхность нашего сознанія изъ сокровеннѣйшей

---

¹⁾ Произнесено въ церкви Харьковскаго городского кладбища 23 февраля н. г. при погребеніи протоіерея Г. И. Волобуева.

глубины нашего сердца и нашей совѣсти вызываетъ чувства доброжелательства и любви къ нимъ и мы, смущенные и умиленные, ищемъ умиротворенія и отрады въ молитвѣ о нихъ. Въ то же время видъ покончившаго съ житейскою суетою и готовящагося предстать къ Всевышнему Судии нашего брата властно и неотразимо напоминаетъ намъ объ ожидающей и насъ, можетъ быть даже и въ скоромъ времени, кончинѣ и судѣ. А при такомъ настроеніи въ насъ съ силою пробуждается совѣсть, мы невольно и нелицемѣрно начинаемъ припоминать свою жизнь, сравнивать ее съ жизнью умершаго, укорять себя, давать себѣ обѣтъ исправить наши недостатки, однимъ словомъ, хотя на нѣкоторое время очищаемся, просвѣтляемся. Не сіе ли разумѣетъ и св. Церковь, когда говоритъ намъ устами умершаго: „Мысленно молю, услышите, съ труды бо сія и вѣщаю; васъ бо ради сотворихъ рыданіе, негли имѣти кому къ пользѣ“ (Аллилуія при погребеніи священниковъ). Да будетъ же позволено и мнѣ, бывшему въ теченіе почти тридцати лѣтъ сослужителемъ усопшаго и предъ престоломъ Божиимъ, и въ дѣлѣ поученія волѣ и закону Божиимъ дѣтей, по мѣрѣ моего пониманія и силъ, для общаго назиданія, раскрыть такъ тщательно скрываемаго покойнымъ отъ всѣхъ сокровища свѣтлой его души. Это священный и непремѣнный долгъ моего сердца; это, думаю, будетъ и исполненіемъ искренняго желанія, безмолвно своимъ присутствіемъ здѣсь выражаемаго, многочисленнаго сонма его ученицъ и духовныхъ чадъ, его сослужителей и сомолитвенниковъ.

Стараясь воспроизвести нравственный образъ усопшаго, мысль наша невольно останавливается на приведенныхъ нами въ началѣ настоящаго слова выраженіяхъ погребальной церковной пѣсни, какъ бы нарочито составленной для настоящаго случая: „Въ вѣрѣ, и надеждѣ, и любви, и кротости, и чистотѣ, и въ священническомъ достоинствѣ, благочестно пожилъ еси, приснопамятне“, взываетъ эта священная пѣснь.

Господу угодно было, чтобы усопшій родился въ благочестивомъ священническомъ семействѣ и воспитывался въ столь удаленные отъ насъ, не столько по продолжительности времени, сколько по разности духа и настроенія, сороковые и отчасти пятидесятые годы прошлаго столѣтія. Мнѣ лично

пришлось близко узнать всю благочестивую семью его родныхъ: и кротчайшую, смиреннѣйшую его мать, и благоговѣйныхъ іереевъ, его братьевъ, и благочестивую и приверженную къ Церкви его сестру. Съ другой стороны, одни изъ насъ по преданію, а другіе по личному опыту, знаютъ, какъ различенъ былъ отъ нынѣшняго духа духъ указаннаго уже нами періода времени, когда высоко стоялъ въ сознаниіи и всецѣло господствовалъ въ жизни духъ вѣры и благочестія христіанскаго, не угашенный и не извращенный еще тѣмъ шатаніемъ и вольномысліемъ, которыя, начиная съ конца пятидесятихъ годовъ, такъ смущаютъ и развращаютъ умы, сердца и совѣсть многихъ. Самое воспитаніе почившаго въ мѣстномъ духовно-учебномъ заведеніи оказало сильное вліяніе на развитіе и укрѣпленіе въ немъ этого благочестиваго направленія жизни. Онъ находился здѣсь подъ сильнымъ вліяніемъ воспитателя—аскета (извѣстнаго въ мѣстной семинаріи инспектора, архимандрита Іакова). Аскетическимъ направленіемъ души именно этого воспитателя онъ проникнуть былъ, какъ въ учебномъ заведеніи, такъ и по выходѣ изъ него. Изъ этихъ то благихъ сокровищницъ усопшій вынесъ все благое для своего ума и сердца. Отсюда, прежде всего, онъ почерпнулъ чистое познаніе Бога и Спасителя нашего и вѣру въ Него; отсюда воспринялъ онъ и тотъ духъ церковности, объ упадкѣ котораго мы такъ скорбимъ въ настоящее время,—и то благочестіе, которое выражалось въ полнѣйшемъ повиновеніи его Церкви, въ любви къ Богослуженію, къ церковнымъ праздникамъ и постамъ, въ расположеніи всей своей жизни по уставамъ и заповѣдямъ Церкви. Основанныя на такихъ прочныхъ началахъ, вѣра и благочестіе усопшаго, развиваясь и совершенствуясь потомъ многолѣтнимъ преподаваніемъ Закона Божія, служеніемъ предъ престоломъ Божиимъ и внутреннею работою самоуглубленія и самоиспытанія, образовали въ немъ въ высшей степени цѣльный христіанскій характеръ. Можетъ быть, нынѣшнему сѣмудрію міросозерцаніе усопшаго могло казаться нѣсколько одностороннимъ, такъ какъ онъ мало былъ знакомъ съ современными отрицательными, или вольнодумными ученіями, не интересовался почти тѣмъ духомъ пылкости и совопросничества, который, подъ ложнымъ именемъ науки, вторгается въ самое религіозное ученіе. Но его вѣра, рождая, какъ плодъ,

истинно-христіанское благочестіе, въ свою очередь благочестіемъ же совершенствовалась, и такимъ образомъ, развиваясь и укрѣпляясь этой силою, посредствомъ этого же древлеотеческаго опытнаго способа богопознанія, приобрѣла такую глубину и крѣпость, что отъ вѣянія ея могущественнаго духа, какъ мякина отъ чистаго зерна, отвѣвались и отметались всѣ прираженія вольномыслія,—и къ чистому золоту этого его духовнаго сокровища не могла пристать никакая ржа плотскихъ мудрованій.

Вѣра и благочестіе вызывали въ душѣ усопшаго и поляѣйшую надежду на Бога. А надежда эта давала силу переносить тяжкія испытанія, которые Господь посылалъ ему, а именно: раннее вдовство, несчастную судьбу и неожиданную смерть единственнаго сына, преждевременную разлуку со всѣми своими братьями и сестрами, полное одиночество и, наконецъ, продолжительную и тяжкую предсмертную болѣзнь. Во всѣхъ этихъ испытаніяхъ онъ никогда не падалъ духомъ и ни одного слова ропота не исходило изъ устъ его. Лишившись постепенно всѣхъ радостей семейныхъ и родственныхъ, онъ всѣ свои чаянія устремивъ къ жизни будущей, къ ней всегда готовился, особенно во время послѣдней своей болѣзни, когда онъ и сподобился таинства елеосвященія, во исцѣленіе недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ, и многократно соединялся со Христомъ въ таинствѣ причащенія, чтобы, по Его обѣтованію, пребывать съ Нимъ неразлучно и въ царствіи небесномъ. Онъ благочестиво готовился къ христіанской кончинѣ. Молитвенникъ и святыя иконы всегда находились при его болѣзненномъ одрѣ. Его мысли и помятованіе о непостыдной и праведной кончинѣ выразились и въ предсмертномъ завѣщаніи его о вкладахъ на сорокадневное и вѣчное поминовеніи о немъ и на помощь бѣднымъ.

Возвышенное религіозное настроеніе усопшаго возбуждало въ душѣ его и высокую христіанскую любовь. Эта любовь простиралась прежде всего на его родныхъ, для которыхъ его домъ былъ какъ бы общимъ семейнымъ центромъ, какъ бы ихъ собственнымъ домомъ, дѣтей которыхъ онъ воспитывалъ и устроивалъ ихъ жизнь. Эта же любовь проявлялась и по отношенію къ бѣднымъ и нуждающимся, для которыхъ рука его всегда была открыта, какъ бы ни была сомнительна ихъ нужда. Эта же любовь обнимала и всѣхъ его воспитанницъ и уче-

ницъ, для которыхъ у него не было мѣры снисходительности и ласки, которая никогда не видѣли на лицѣ его, а тѣмъ болѣе не замѣчали въ словахъ и голосѣ его малѣйшаго даже признака раздраженія и гнѣва, и на дѣтскія удовольствія и развлеченія которыхъ онъ неоднократно и не мало жертвовалъ отъ своихъ трудовъ. Любовь эта высказывалась и по отношенію ко всѣмъ, съ кѣмъ только онъ входилъ въ сношенія: и къ прислугѣ, которой онъ не забылъ въ своемъ завѣщаніи, и къ подчиненнымъ и къ сослуживцамъ, и ко всѣмъ вообще людямъ, что всегда выражалось у него ласковымъ обращеніемъ, благоволительностію, участливостію, услужливостію, снисхожденіемъ къ человѣческимъ слабостямъ; никому онъ никогда не говорилъ ничего непріятнаго, ни о комъ не произносилъ слова осужденія, всѣхъ старался извинить, всѣмъ прощать. Оттого-то не было человѣка, который относился бы къ нему враждебно, равно какъ не было и такого, къ которому онъ самъ питалъ бы непріязненные чувства.—Такая любовь естественно сопровождалась въ усопшемъ, въ его настроеніи и обращеніи, христіанскою кротостію, потому что, по Апостолу, истинная любовь долготерпѣть, не гордится, не мыслить зла, все терпѣть (I Кор. XIII, 4—8). Неоднократно приходилось мнѣ лично быть свидѣтелемъ самыхъ тяжелыхъ оскорбленій, причиняемыхъ усопшему,—и что же? если это многихъ другихъ могло бы довести до самаго сильнаго взрыва негодованія, у него вызывало только возгласъ: „Богъ съ нимъ!“ И такая кротость объясняется не однимъ только свойствомъ его темперамента—въ молодости онъ не обладалъ этимъ истинно христіанскимъ настроеніемъ,—его кротость постепенно выработалась въ немъ непрерывною борьбою съ самимъ собою и, по его собственнымъ словамъ, съ трудомъ пріобрѣтена имъ.

То же религіозное настроеніе, то же устремленіе всѣхъ своихъ чаяній къ будущему загробному воздаянію сообщили особенную чистоту жизни усопшаго. Праведно и цѣломудренно соблюдалъ онъ свое вдовство, хотя оно поразило его въ самомъ расцвѣтѣ силъ и здоровья, такъ что даже и самая клевета, столь злонамѣренная и злобная, не осмѣливалась коснуться его въ этомъ отношеніи самымъ легкимъ намекомъ. Незапятанною также осталась и слава его, какъ человѣка безую-

ризенно честнаго, справедливаго, безкорыстнаго, въ высшей степени исполнительнаго и усерднаго труженика и благопокорнаго начальству.

Всѣ указанная качества усопшаго развили въ немъ мудрость христіанскую. Онъ ясно сознавалъ истинную цѣль человеческой жизни—блаженную вѣчность, сознавалъ и то, какъ ея достигнуть, и осуществлялъ это знаніе на дѣлѣ. Никогда не позволялъ онъ себѣ дѣйствовать подъ вліяніемъ увлеченія, минутнаго впечатлѣнія и настроенія, но всякій поступокъ и,—что еще труднѣе,—всякое его слово были въ высшей степени обдуманны и предусмотрительны,—и все это главнымъ образомъ для того, чтобы никого не обидѣть, никого не оскорбить, никого не соблазнить, никому не причинить и малѣйшей даже неприятности.

Эти же качества, наконецъ, сообщали усопшему особенное, священническое достоинство, выражавшееся въ его любви къ Богослуженію, каковая любовь проявлялась особенно ясно въ великіе праздники, когда онъ весь оживлялся и лицо его какъ бы сіяло какимъ то, можно сказать, священнымъ благоговѣніемъ—затѣмъ въ благоговѣйномъ возношеніи молитвословій, въ важности самой поступи, въ торжественности внѣшняго вида, въ умиленности голоса: онъ весь тогда проникался кикимъ-то особеннымъ, церковнымъ благолѣніемъ. Оттого то духовныя его чада такъ любили его, какъ истиннаго пастыря своего и духовника, такъ дорожили возможностью присутствовать при совершеніи имъ Богослуженія, предъ нимъ открывали свою совѣсть, его приглашали для совершенія нарочитыхъ молитвословій. Это благоговѣйное настроеніе его и его торжественныя богослужебныя дѣйствія сильно дѣйствовали на молящихся, какъ бы передавая имъ и возбуждая въ ихъ сердцахъ умиленіе, успокоеніе, отраду.

Если мы, въ заключеніе, соединимъ всѣ черты нравственнаго образа усопшаго въ одно краткое опредѣленіе, то должны будемъ сказать, что онъ представлялъ собою одинъ изъ выдающихся образцовъ того идеала пастыря Церкви, который завѣщала Россіи христіанская древность, который нашъ народъ, воспринявши изъ житій святыхъ, изъ святоотеческихъ твореній, изъ богослужебныхъ книгъ,—такъ полюбилъ, а за-

тѣмъ еще ярче и опредѣленнѣе развилъ и облагодѣнилъ въ своемъ сознаніи, соотвѣтственно особенностямъ своего религиозно-нравственнаго характера, какъ пастыра смиреннаго, кроткаго, любвеобильнаго, усерднаго и умилительнаго молитвенника, твердаго въ вѣрѣ и чистаго по жизни. Конечно, нужды Церкви всегда выдвигали и выдвигаютъ и другого рода пастырей, по преимуществу учительныхъ, обладающихъ глубокимъ умомъ, сильнымъ словомъ, могучимъ перомъ, при помощи которыхъ они изъясняли истины вѣры, двигали сердцами вѣрныхъ, поражали враговъ Церкви. Но Духъ Божій раздаетъ не всѣмъ одни и тѣ же дарованія, но одному даетъ слово премудрости, другому слово разума, иному вѣру, а иному дѣйствія силу (1 Коринѳ. XII, 7—10), и въ великомъ дому Божіемъ, какъ и во всякомъ благоустроенномъ хозяйствѣ, не всѣ сосуды золотые, но есть и серебряные и скудельные, однакоже даже и скудельный сосудъ, если онъ *счищаетъ себя, будетъ сосудъ въ честь, освященъ и благопотребенъ Владыцѣ, на всякое благое дѣло уготованъ* (2 Тимое. II, 20—21). И если достойны великой чести и славы пастыри Церкви, служащіе ей словомъ и писаніями своими, то не менѣе почтенны и тѣ, которые назидаютъ вѣрныхъ главнымъ образомъ жизнію своею, молитвеннымъ настроеніемъ и духовною красотою всего своего существа.

Если и были какія-либо несовершенства и въ усопшемъ, ибо кто же изъ потомковъ Адама можетъ быть свободенъ отъ нихъ? все же мы уповаемъ, что Всевышній Пастыреначальникъ, по любви Своей къ Своему вѣрному служителю, благоволилъ ему еще въ этой жизни искупить ихъ многими страданіями, чтобы онъ могъ непостыдно явиться предъ страшнымъ судищемъ Христовымъ. Вѣримъ, что глубокопочитаемый и возлюбленный собратъ нашъ по пастырству, милостію Божіею, съ радостію примѣнитъ къ себѣ и послѣднія слова приведенной нами въ началѣ сего поученія церковной пѣсни: „Тѣмъ же ты Превѣчный Богъ, Ему же и работалъ еси, вчинитъ въ мѣстѣ свѣтлѣ и краснѣ, идѣже праведніи упоковаются: и получиши на судѣ Христовѣ оставленіе, и вслію милость. Аминь.“

Протоіерей Н. Оникевичъ.

Ученіе Фейербаха о сущности религіи.

Ученіе Фейербаха о религіи и ея сущности принято называть *антропологизмомъ*, а его общее философское міровоззрѣніе—*натурализмомъ*. Самъ Фейербахъ въ одно и то же время былъ и самымъ послѣдовательнымъ ученикомъ и самымъ непримиримымъ и открытымъ противникомъ своего учителя—Гегеля. Это явленіе можетъ показаться страннымъ; но оно было совершенно естественно. Послѣдователи Гегеля, какъ извѣстно, раздѣлились на двѣ школы: правую и лѣвую. Представители первой (Габлеръ, Гешель, Рустъ, Конради, Маргейнеке и Даубъ) въ своихъ сочиненіяхъ отличались консервативнымъ направленіемъ, стремленіемъ къ догматизму, схоластицизму и даже къ примиренію съ ученіемъ католической церкви; отъ этой школы, по крайней мѣрѣ на почвѣ политическихъ воззрѣній и отношенія къ католичеству, отвернулся и самъ Гегель. Лѣвая школа напротивъ припяла направленіе односторонняго радикализма и показала всю изнанку гегелевскаго міровоззрѣнія. Первымъ, выдающимся и самымъ энергичнымъ представителемъ ея былъ *Людвигъ Фейербахъ*. (1804—1872), слушавшій Гегеля въ берлинскомъ университетѣ (1824—1828) и затѣмъ самъ читавшій лекціи въ Эрлангенѣ. Долгое время онъ не рѣшался переступить границы собственно гегелевскаго міровоззрѣнія. Рѣшительнымъ приверженцемъ Гегеля и пантеистическимъ мыслителемъ онъ является еще въ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ отъ 1828 до 1840 года ¹⁾. Но Гегель, какъ извѣстно, въ своемъ философ-

¹⁾ Къ числу такихъ философскихъ сочиненій Фейербаха принадлежатъ: 1) *De ratione una, universali, infinita*, 1828; 2) *Gedanken über Tod und Unsterb-*

скомъ міровоззрѣніи остановился на полупути. Фейербахъ не могъ примириться съ такимъ поведеніемъ своего учителя. И вотъ въ 1840 году онъ переступаетъ границы гегельянскаго міровоззрѣнія; но тѣмъ не менѣе идетъ только по пути, предназначенному Гегелемъ, и такимъ образомъ, отъ пантеизма переходитъ къ антропологизму, отъ абсолютнаго идеализма—къ натурализму, отъ Бога, какъ абсолютнаго духа—къ человѣку, отъ абсолютной идеи—къ внѣшней природѣ. Фейербахъ самъ указываетъ тотъ путь, которымъ онъ изъ приверженца гегелевской спекуляціи превратился въ матеріалистическаго агенста: „Богъ былъ моею первою мыслию, разумъ—второю, человѣкъ—третьею и послѣднею; субъектъ божества есть разумъ, а субъектъ разума человѣкъ“. Впрочемъ, собственно говоря, и въ самыхъ крайнихъ своихъ воззрѣніяхъ Фейербахъ не переставалъ быть послѣдовательнымъ ученикомъ Гегеля, ибо и въ своихъ сочиненіяхъ, принадлежащихъ къ этому (второму) періоду его жизни и литературной дѣятельности, онъ изложилъ только тѣ выводы, которые сами собою вытекаютъ изъ общаго міровоззрѣнія Гегеля, и которые, конечно, долженъ былъ бы сдѣлать самъ Гегель, еслибы онъ высказался до конца.

Такъ именно поступилъ Фейербахъ въ своемъ ученіи о религіи и ея сущности. Это ученіе онъ изложилъ въ двухъ своихъ сочиненіяхъ: 1. „*Сущность христіанства*“¹⁾ и 2. „*Сущность религіи*“²⁾, хотя взглядъ его на сущность религіи уже довольно опредѣленно былъ отмѣченъ въ двухъ его сочиненіяхъ, издавшихся раньше указанныхъ: 1. „*Пьеръ Бейль по его интереснѣйшимъ моментамъ для исторіи философіи и человѣ-*

---

lichkeit, 1830; 3) Geschichte der neueren Philosophie von Bacon von Verulam bis B. Spinoza, 1833 и 4) Darstellung, Entwicklung und Kritik der leibnizschen Philosophie, 1837.

1) Das Wesen des Christenthums, Leipzig, 1841; къ нему же нужно отнести „*Erläuterungen und Ergänzungen zum Wesen des Christenthums*, 1846.

2) Das Wesen der Religion, Leipzig, 1845. Сюда же относятся и публичныя лекціи Фейербаха о религіи—„*Vorlesungen über das Wesen der Religion*“ равно какъ и слѣдующія сочиненія: 1. Das Wesen des Glaubens in Sinne Luthers, Leipzig, 1844; 2. Theogonie nach den Quellen des classischen, hebräischen und christlichen Alterthums, 1857; 3. Gott, Freiheit und Unsterblichkeit vom Standpunkte der Anthropologie, 1866. и 4. Ursprung der Götter, 1866. (2 Aufl.).

чества¹⁾ и 2. „О философіи и христіанствѣ“ (написанномъ въ защиту Гегеля)²⁾. Уже въ этихъ сочиненіяхъ Фейербахъ явно склоняется къ атеизму, нападая на христіанское богословіе и догматы, которые будто бы ограничиваютъ свободу духа и запрещаютъ человѣку мыслить, и указывая философіи задачу—не оправдывать догматы христіанской религіи, но обнаружить иллюзію, благодаря которой они появились. Уже въ этихъ сочиненіяхъ Фейербахъ всячески старался увѣрить своихъ читателей, что „религія есть мечта человѣческаго духа“, разрушенная разумомъ и наукою, и что даже „христіанство уже исчезло не только изъ сферы мысли, но и изъ жизни человечества, что оно стало теперь только *idée fixée*, нагляднѣйшимъ образомъ противорѣчащей нашимъ первымъ жизненнымъ потребностямъ,—потребностямъ огня и воды, нашимъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, нашимъ военнымъ и промышленнымъ школамъ, нашимъ театрамъ и естественно-научнымъ кабинетамъ“.

Странное однако-же явленіе! Мыслители нашего времени—матеріалисты, позитивисты, дарвинисты и эволюціонисты—съ презрѣніемъ относятся къ „пустой“, „безсмысленной“ и „отвратительнѣйшей метафизикѣ Гегеля“, „игравшаго лишь словами, и построеніями сухой и безжизненной абстракціи“ (слова Бюхнера),—и въ то же время приходятъ въ восторгъ и энергично защищаютъ ученіе Фейербаха о религіи и ея сущности, всецѣло обязанное своимъ появленіемъ и существованіемъ той же самой „пустой метафизикѣ“ Гегеля!.. Такое поведеніе, очевидно, заключаетъ въ себѣ явное самопротиворѣчіе; тѣмъ не менѣе въ виду особенной популярности, какою пользуется взглядъ Фейербаха на религію еще и въ наше время, мы считаемъ себя вынужденными обратить на него вниманіе читателей.

Хотя вся сущность мнимо-научныхъ изслѣдованій и разсужденій Фейербаха носитъ на себѣ явно отрицательный даже разрушительный характеръ; хотя результатъ, достигнутый этимъ

1) Pierre Bayle nach seinem für die Geschichte der Philosophie und Menschheit interessantesten Momenten, 1838.

2) Über Philosophie und Christenthum in Beziehung auf der hegelschen Philosophie gemachten Vorwurf der Unchristlichkeit, 1839.

нѣмецкимъ философомъ, можетъ быть выраженъ кратко такъ: „религія есть иллюзія, ничто, безсмысліе, мечта человѣческаго духа“, а христіанство—даже явленіе, противорѣчащее потребностямъ нашего времени—нашимъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, нашимъ театрамъ и военнымъ школамъ; тѣмъ не менѣе, къ немалому нашему удивленію, самъ Фейербахъ приписываетъ своимъ выводамъ даже и *положительное значеніе*, достигнутое будто бы научною объективностію и безпристрастнымъ изслѣдованіемъ. Вотъ какъ онъ характеризуетъ свои труды: „Моя книга („Сущность христіанства“) есть не что иное, какъ вѣрный, буквальный переводъ христіанской религіи съ восточнаго библейскаго языка фантазіи на хорошій понятный языкъ нѣмецкій. Я и хотѣлъ только того, чтобы она была буквальнымъ переводомъ,—выражаясь безъ метафоръ,—эмпирически или исторически философскимъ анализомъ, рѣшеніемъ задачи христіанской религіи. Общія положенія, предпосылаемыя во введеніи къ ней, не суть апріорическій, самоизмышленный продуктъ спекуляціи, они родились изъ анализа религіи; они, какъ вообще всѣ основныя идеи моей книги, суть фактическія обнаруженія человѣческой сущности, и притомъ—сущности религіозной, сознанія религіознаго, облеченныя въ идеи, т. е., въ общія выраженія. Идеи моего сочиненія суть только заключенія, слѣдствія изъ данныхъ; онѣ собственно *не идеи, а объективированные, живые или историческіе факты*. Я вообще отвергаю безусловно-абсолютное, *нематеріальное, самимъ собою довольствующееся созерцаніе*,—созерцаніе, заимствующее свое содержаніе изъ себя самаго. Я, какъ небо отъ земли, отличаюсь отъ тѣхъ философовъ, которые вырываютъ изъ своей головы глаза, чтобы легче мыслить; для мысли служатъ у меня чувства, и прежде всего глаза, я основываю ее на *матеріи*, которую мы можемъ усвоить себѣ только посредствомъ чувственной дѣятельности, я не вывожу предмета изъ идеи, а наоборотъ идеи вывожу *изъ предмета*, для меня предметъ есть то, что есть онъ *въ моей голове*... Я не что иное, какъ *духовный естествоиспытатель*... Такимъ образомъ моя книга („Сущность христіанства“) — хотя съ одной стороны есть плоть и кровь, результатъ предшествовавшей философіи, ни-

сколько не подпадаетъ подъ категорію продуктовъ спекулятивнаго мышленія, она скорѣе есть прямой контрастъ его, уничтоженіе отвлеченныхъ созерцаній. Мышленіе спекулятивное заставляеть религію говорить то, что оно само измышляетъ и выражаетъ гораздо лучше, чѣмъ религія; оно опредѣляетъ религію, само не опредѣляясь ею, оно не выходитъ изъ себя самаго. Я предоставляю религіи право говорить самой о себѣ, дѣлаю себя ея слушателемъ и переводчикомъ, а не суфлеромъ. Не изобрѣтать, не открывать, не „снимать покрывало съ бытія“ было моею цѣлію; единственнымъ моимъ желаніемъ было смотрѣть на все правильно и вѣрно; не я, а религія обожаетъ человѣка, хотя и не признають этого наши богословы; не мое ничтожество, а сама религія говоритъ: „Богъ есть человѣкъ, человѣкъ есть Богъ“; не я, а сама религія отрицаетъ и уничтожаетъ такого бога, который есть не человѣкъ, а только *ens rationis*, заставляя Бога быть человѣкомъ, ипчѣмъ отъ него неотличнымъ, имѣющимъ человѣческой образъ, человѣческое сердце. Я разгадалъ только тайну христіанской религіи, я исхитилъ ее изъ хитросплетеній богословскихъ, исполненныхъ лжи и противорѣчій, и тѣмъ самымъ вошелъ въ святое святыхъ. Если моя книга представляется вамъ отрицательною, безрелигіозною, атеистическою, то вспомните, что атеизмъ—какъ понимается онъ въ моей книгѣ—есть тайна самой религіи, что она сама, въ истинной своей сущности, вѣритъ не въ иное что, какъ только въ истину и божественность человѣческаго существа,—истина, которую я—хотя это и лишнее—раскрою и, къ посрамленію нашихъ богослововъ и философовъ, докажу самымъ яснѣйшимъ образомъ“...

„Правда,—говоритъ Фейербахъ далѣе,—сочиненіе мое отрицательное, уничтожающее, но—замѣтьте это!—оно отрицаетъ только нечеловѣческую сущность религіи, а сущность человѣческую признаетъ и утверждаетъ. Вслѣдствіе этого оно распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая главнымъ образомъ *утверждаетъ*, а вторая—не вся, по крайней мѣрѣ, большею частію—*отрицаетъ*: но обѣ онѣ доказываютъ то же самое, только различнымъ, или даже противоположнымъ образомъ. А именно, первая есть разрушеніе религіи въ ея *сущности*, ея

истинъ, а вторая—въ ея *противорѣчїяхъ*, первая есть *развитіе*, а вторая—*полемика*. Въ первой части я показываю, что истинный смыслъ теологіи есть антропологія: во второй напротивъ я показываю, что различіе, дѣлаемое между теологическими и антропологическими предикатами, обращается въ *ничто*, въ *безсмысліе*. Вотъ нагляднѣйшій примѣръ. Въ первой части я доказываю, что Сынъ Божій въ религіи есть сынъ *дѣйствительный*, Сынъ Бога въ томъ смыслѣ, въ какомъ человѣкъ есть сынъ человѣка, и нахожу *истину, сущность* религіи въ томъ, что она глубоко-человѣчественныя отношенія понимаетъ и представляетъ отношеніями божественными, во второй, напротивъ, въ томъ, что Сынъ Божій—конечно, не по смыслу самой религіи, а по смыслу рефлексіи религіозной—не есть сынъ въ естественномъ, человѣческомъ смыслѣ, а въ какомъ-то *совершенно другомъ*, противорѣчащемъ природѣ и разуму, слѣдовательно—въ смыслѣ безсмысленномъ и непонятномъ,—въ такомъ отрицаніи человѣческаго смысла и разума я нахожу ложь, отрицательную сторону религіи. Первая часть поэтому есть *посредственное*, а вторая—*непосредственное* доказательство того, что теологія есть антропологія, вторая необходимо приводитъ къ первой, она не имѣетъ самостоятельнаго значенія, цѣль ея—доказать только то, что смыслъ, въ какомъ понимается религія въ первой части, *долженъ быть* смысломъ правильнымъ, *потому что противоположный смыслъ есть безсмысліе*. Однимъ словомъ: въ первой части я имѣю дѣло главнымъ образомъ (говорю *главнымъ* потому, что какъ въ первой части нельзя было обойтись безъ теологіи, такъ и во второй—безъ религіи)—съ религіею, а во второй—съ богословіемъ“...

„Если бы моя книга (продолжаетъ Фейербахъ) состояла только изъ одной второй части, то, конечно, вы имѣли бы полное право приписать ей лишь отрицательныя тенденціи,—и положеніе: религія есть ничто, безсмысліе,—считать ея существеннымъ содержаніемъ; но я не говорю: „Богъ есть ничто, Троица—ничто, Слово Божіе—ничто“ и т. д.; я показываю только, что они не то, чѣмъ ихъ представляютъ намъ богословскія иллюзіи, что они не чужія, а родныя намъ мисте-

рін, мистеріи человѣческой природы; я показываю лишь, что призрачную, поверхностную сущность природы и человѣчества религія принимаетъ за ихъ истинную, внутреннюю сущность, а потому истинную, эзотерическую ихъ сущность представляетъ другимъ, особеннымъ существомъ, что, слѣдовательно, въ тѣхъ опредѣленіяхъ, которыя она относитъ къ Богу, напр., Слову Божію, объектируется ею или опредѣляется только истинная сущность человѣческаго слова. Съ религіею, какъ и съ спекулятивною философіею или богословіемъ, я дѣлаю не что иное, какъ только открываю имъ глаза, или—лучше—заставляю ихъ смотрѣть на то, что есть внѣ ихъ, а не на то, что внутри ихъ, т. е., предметъ представленія или воображенія я дѣлаю предметомъ дѣйствительности“.

Въ этихъ словахъ Фейербаха, которыя мы привели изъ его предисловія къ сочиненію „Сущность христіанства“, уже ясно предуказанъ тотъ путь, которымъ Фейербахъ пришелъ къ разрѣшенію взятой имъ на себя нелегкой задачи, равно какъ кратко предначертанъ и самый отвѣтъ на вопросъ о сущности религіи вообще и христіанства въ частности. Въ самомъ сочиненіи Фейербахъ только старается полнѣе и обстоятельнѣе раскрыть свои мысли, высказанныя уже въ „Предисловіи“.

Религія,—говоритъ Фейербахъ,—основывается на *существенномъ различіи* человѣка отъ животнаго; у животныхъ *нѣтъ* религіи; даже религія слоновъ принадлежитъ къ области сказокъ. По наблюденіямъ великаго знатока животнаго царства, Кювье, за слонами столько же слѣдуетъ признавать высшихъ, духовныхъ степеней жизни, сколько и за собаками. Существенное отличіе человѣка отъ животнаго состоитъ *въ сознаніи*, но—сознаніи—говоритъ Фейербахъ—въ строгомъ смыслѣ этого слова, ибо сознаніе въ строгомъ смыслѣ этого слова можетъ быть только у такого существа, которое способно дѣлать предметомъ его свой *родъ*, свою *сущность* (Wesenheit). Человѣкъ мыслить, т. е., онъ обращается, говоритъ *съ самимъ собою*. Онъ въ одно и то же время самъ для себя есть „я“ и „ты“, онъ можетъ поставять себя на мѣсто другаго именно потому, что предметомъ его сознанія служатъ его собственный родъ, собственная сущность, а не одна лишь его индивидуальность, какъ у животнаго.

Религія вообще, какъ *тождественная съ сущностью* чело-
вѣка, тождественна, говоритъ Фейербахъ, и съ *самосознаніемъ*,
съ *сознаніемъ* челоуѣка своей *сущности*. Но она, выражаясь
вообще, есть *сознаніе* безконечнаго, слѣдовательно, она есть
не что иное, какъ *сознаніе* челоуѣкомъ своей не конечной,
ограниченной, а *безконечной сущности*. Сознаніе въ самомъ
строгомъ или собственномъ смыслѣ и *сознаніе безконечнаго*
тождественны; ограниченное сознаніе не сознаніе; сознаніе,
по самой своей сущности, безконечнаго свойства. Сознаніе
безконечнаго есть не что иное, какъ *сознаніе безконечности*
сознанія; или: въ сознаніи безконечнаго для сознанія служить
предметомъ *безконечность собственной своей сущности*. Сущ-
ность челоуѣка составляютъ *разумъ, воля и сердце*. Къ совер-
шенству челоуѣка принадлежитъ сила мысли, сила воли, сила
сердца. Разумъ, любовь и сила воли—продолжаетъ Фейербахъ
—суть *совершенства*, совершенства челоуѣческой сущности,
даже абсолютныя совершенства. Воля, любовь, мысль суть
высшія силы, абсолютная сущность челоуѣка какъ челоуѣка
и *основаніе* его бытія. Челоуѣкъ существуетъ для того, чтобы
мыслить, любить и хотѣть; а что составляетъ конечную цѣль,
то есть истинное основаніе и первоначало сущности. Та-
кимъ образомъ разумъ, воля и сердце заключаютъ цѣль
въ себѣ и существуютъ для себя. Истинное, совершенное,
божественное есть то, что существуетъ *для себя самого*.
А такова любовь, таковъ разумъ, такова воля. Божествен-
ная троичность, существующая *въ челоуѣкѣ* и сущая *выше*
индивидуальнаго челоуѣка есть единство разума, любви и
воли. Разумъ, воля, любовь не суть силы, составляющія пред-
метъ владѣнія челоуѣка,—потому что безъ нихъ онъ ничто,
то, что онъ есть, онъ есть благодаря лишь имъ,—они, какъ
элементы, опредѣляющіе его сущность, которая челоуѣкомъ
не дѣлается и не составляетъ предмета владѣнія, суть *одушев-*
ляющія его, *опредѣляющія, господствующія надъ нимъ власти*—
божественныя, абсолютныя власти, которымъ не можетъ оказы-
вать онъ никакого противодѣйствія.

Далѣе,—челоуѣкъ—учитъ Фейербахъ—*ничто безъ предмета*.
Но такой предметъ, къ которому субъектъ относится *суще-*

своимъ, необходимымъ образомъ, есть не что иное, какъ собственная,—но объективированная сущность этого субъекта. Въ предметѣ, слѣдовательно, человекъ, сознаетъ *себя самого*: сознаніе предмета есть *самосознаніе* человека. Изъ предмета узнаешь ты человека, въ немъ *является* предъ тобою его сущность: предметъ есть его *открывшаяся* сущность, его *истинное, объективное я*. Абсолютное существо человека есть его *собственная сущность*. Власть предмета надъ нимъ есть поэтому *власть собственной его сущности*. Такъ сила предмета чувства есть сила самого чувства, сила предмета разума—самого разума, сила предмета воли—самой воли. И насколько широка *твоя сущность*,—говоритъ Фейербахъ далѣе,—настолько широко твое *неограниченное самоощущеніе*, настолько ты—*богъ*. Слѣдовательно, если ты мыслишь безконечное, то мыслишь и утверждаешь *безконечность способности мысли*, если чувствуешь безконечное, то чувствуешь также и утверждаешь *безконечность способности чувства*. Предметъ мысли разума есть *объективированный разумъ*, предметъ чувства—*объективированное чувство*. Поэтому все то, что по смыслу гиперфизической, трансцендентальной, спекулятивной философіи и религіи имѣетъ значеніе *второстепеннаго, субъективнаго, средства, органа*, по смыслу истины имѣетъ значеніе *первостепеннаго, сущности, самого предмета*. Если, напр., чувство есть *существенный органъ* религіи, то *сущность Божія* выражаетъ собою не что иное, какъ *сущность чувства*. Истинный, но сокровенный смыслъ словъ „чувство есть органъ божественнаго“ таковъ: чувство есть *самое благородное, прекрасное, т. е., божественное въ человекѣ*. Какъ могъ бы ты воспринимать чувствомъ божественное, если бы само чувство не было божественной природы? Божественное познается только божественнымъ, Богъ познается только чрезъ самого себя. Божественное существо, ощущаемое чувствомъ, на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ *восхищающаяся сама собою, сама собою увлекающаяся сущность чувства, чувство блаженствующее въ себя самомъ*. И тутъ для Бога у тебя нѣтъ другого опредѣленія, кромѣ слѣдующаго: *онъ есть чистое, безграничное, свободное чувство*, ибо чувство является религіознымъ

не отъ опредѣленнаго предмета, а отъ самой природы своей, проявляющейся въ каждомъ чувствѣ безъ различія предмета. Чувство признается святымъ потому только, что оно чувство; основаніе его святости, религіозности заключается въ немъ самомъ. Чувство—*атеистъ* въ смыслѣ православной вѣры, привязывающей религію къ внѣшнимъ предметамъ; оно отрицаетъ *предметнаго*, внѣшняго Бога,—оно само для себя есть *богъ*. Только отрицаніе чувства, съ точки зрѣвія чувства, есть *отрицаніе Бога*. Чувство есть твоя внутреннѣйшая и въ то же время отличная отъ тебя, независимая сила,—оно въ тебѣ *выше тебя*: оно само объективно въ тебѣ, твоя собственнѣйшая сущность, дѣйствующая на тебя какъ другое существо, однимъ словомъ: твой богъ!

На чувство здѣсь Фейербахъ указываетъ однако-же только какъ на примѣръ. Но то же самое онъ утверждаетъ и о всякой другой силѣ, способности, потенціи, реальности, дѣятельности, признаваемой *существеннымъ* органомъ предмета, въ особенности же—о человѣческомъ разумѣ и человѣческой волѣ.

Такимъ пониманіемъ „сущности человѣка“ Фейербахъ подготовилъ себѣ путь и къ изложенію своего взгляда на „сущность религіи вообще“. Какъ всякій предметъ субъекта, такъ и религія для Фейербаха есть не что иное, какъ *объективированная сущность самого субъекта*. Поэтому каковы мысли человѣка, каковы расположенія его,—думаетъ Фейербахъ,—таковъ его и Богъ: сколько достоинства въ самомъ человѣкѣ, столько же—не болѣе—имѣетъ достоинства и Богъ его. *Сознаніе Бога есть самосознаніе человека, познаніе Бога—самопознаніе человека*. Изъ его Бога узнаешь ты человѣка, и наоборотъ—изъ человѣка—его Бога, оба они тождественны. Что есть для человѣка *Богъ*, то—его *духъ, душа* и что есть *духъ человека, его душа, сердце*,—то есть его *Богъ*. Богъ есть *откровенная* внутренняя природа человѣка, *выразившая себя* его самость; религія—торжественное откровеніе сокрытыхъ въ человѣкѣ сокровищъ, проявленіе внутреннѣйшихъ его мыслей, *открытое исповданіе его тайнъ любви*. Впрочемъ, говоритъ Фейербахъ, когда мы называемъ религію, сознаніе Бога самосознаніемъ человѣка, то это надо не такъ понимать какъ будто

религіозный человѣкъ непосредственно сознаетъ, что его сознание Бога есть самосознание собственной сущности, потому что на отсутствіи то этого сознанія и основывается собственная сущность религіи. Чтобы не дать повода къ такому ложному пониманію нашихъ словъ,—продолжаетъ Фейербахъ,—мы лучше такъ скажемъ: религія есть *первое*, хотя и не *непосредственное самопознаніе* человѣка. Она всегда предшествуетъ философіи, какъ въ исторіи человѣчества, такъ и въ исторіи индивидуума. Человѣкъ сначала полагаетъ свою сущность *внѣ* себя, прежде чѣмъ находитъ себя въ ней. Собственная сущность первоначально является ему другою сущностью. Религія есть *дѣтская сущность* человѣчества, а дитя видитъ свою сущность, человѣка внѣ себя,—въ періодъ дѣтства человѣкъ кажется себѣ самому другимъ человѣкомъ. Историческій прогрессъ въ религіи состоитъ именно въ томъ, что считавшееся въ предшествовавшихъ религіяхъ чѣмъ-то объективнымъ становится потомъ субъективнымъ, т. е., на что прежде смотрѣли какъ на Бога и чему поклонялись сначала какъ Богу, то теперь уже признается *человѣческимъ*. Предшествующія религіи для позднѣйшихъ становятся идолопоклонствомъ: человѣкъ начинаетъ обожать *свою собственную сущность*. Сначала онъ объективировалъ себя, но объекта не считалъ своею сущностью, позднѣйшая религія дѣлаетъ этотъ шагъ впередъ: каждый дальнѣйшій ея шагъ есть моментъ болѣе глубокаго самопознанія человѣчества. Но всякая опредѣленная религія, считающая старшихъ сестеръ своихъ идолопоклонницами, исключаетъ *саму себя*—и притомъ необходимо,—иначе она больше не была бы религіею,—изъ общей судьбы, общей сущности религіи; она обвиняетъ *другія* религіи въ томъ, что составляетъ вину—если только это есть вина—религіи вообще. Такъ какъ она имѣетъ у себя *другой* предметъ, *другое* содержаніе, такъ какъ она возвысилась надъ содержаніемъ предшествовавшихъ религій, то и думаетъ возвыситься надъ необходимыми и вѣчными законами, опредѣляющими сущность религіи, думаетъ, будто ея предметъ, ея содержаніе есть нѣчто вышечеловѣческое. Но самая сокровенная сущность религіи открывается предъ взоромъ мыслителя, для котораго религія составляетъ

предметъ мысли, чѣмъ самой для себя она быть не можетъ. И наша задача (говоритъ Фейербахъ) состоитъ въ томъ, чтобы показать, что противоположность между божественнымъ и человѣческимъ элементомъ въ религіи есть противоположность иллюзорическая, что она есть не что иное, какъ противоположность между человѣческою сущностью и человѣческимъ индивидуумомъ, что, слѣдовательно, предметъ и содержаніе даже христіанской религіи суть чисто человѣческіе.

Установивъ такимъ образомъ путь своего изслѣдованія, Фейербахъ, наконецъ, приходитъ къ слѣдующему заключенію: Религія есть *отношеніе чловѣка къ себѣ самому* или—точнѣе—*къ своей* и—притомъ къ субъективной—*сущности*, но только какъ къ сущности другой. Божественная сущность есть не что иное, какъ сущность человѣческая или—лучше—*сущность чловѣка*, очищенная, освобожденная отъ ограниченій чловѣка индивидуальнаго, объектированная, т. е., созерцаемая и почитаемая какъ другая, отличная отъ него, собственная сущность—всѣ опредѣленія божественной сущности суть поэтому опредѣленія сущности человѣческой.

Что въ религіи чловѣкъ боготворитъ вообще чловѣка и, поклоняясь Богу, поклоняется собственно самому себѣ, доказательство этого Фейербахъ усматриваетъ въ особенности въ тождествѣ божескихъ и человѣческихъ предикатовъ, т. е., въ антропоморфизмѣ религіи. При этомъ на антропоморфизмъ онъ не хочетъ смотрѣть, только какъ на субъективный и случайный способъ представленія о Богѣ, а въ немъ-то именно онъ и полагаетъ сущность религіи. Далѣе Фейербахъ не знаетъ никакого различія между субъектомъ и предикатомъ; а предикатъ, какъ опредѣленіе, есть ограниченіе предмета; поэтому Богъ въ религіи есть существо вообще конечное, а въ частности—чисто человѣческое. Отрицаніе субъекта, говоритъ онъ, считаютъ безрелигіозностию, даже атеизмомъ, но не считаютъ атеизмомъ отрицаніе предикатовъ. Но что не имѣетъ никакихъ опредѣленій, то не имѣетъ и никакого дѣйствія на меня, то и не существуетъ для меня. Отрицать всѣ опредѣленія значитъ то же, что и отрицать самую сущность. Существо, лишенное всѣхъ опредѣленій, есть существо, не имѣющее

объективнаго бытія, а существо, не имѣющее объективнаго бытія есть существо—не существующее. Когда человѣкъ удаляетъ отъ Бога всѣ опредѣленія, тогда для него Богъ есть существо *отрицательное*. Для истинно-религіознаго человѣка Богъ вовсе не есть какое-нибудь лишенное опредѣленій существо, потому что онъ для него—существо *извѣстное, дѣйствительное*. Отсутствіе всякаго опредѣленія и тождественная съ нимъ непостижимость Божія есть поэтому плодъ временъ новѣйшихъ, продуктъ новаго безвѣрія. Догматомъ непостижимости Божіей—продолжаетъ Фейербахъ—человѣкъ хочетъ только извиниться предъ своею, еще остающеюся религіозною, совѣстію въ своемъ забвеніи Бога. На самомъ дѣлѣ, отрицаніе опредѣленныхъ, положительныхъ предикатовъ Божественной сущности есть не что иное, какъ отрицаніе религіи, прикрывающееся *маскою религіи*, такъ что его нельзя будто бы узнать, что оно есть отрицаніе,—такое отрицаніе есть не что иное, какъ subtilный, прехитрый атеизмъ. Различеніе между тѣмъ, что такое Богъ *самъ въ себѣ* и что такое онъ *для меня*, разрушаетъ миръ религіи. Я не могу знать, есть ли Богъ самъ въ себѣ или самъ для себя что-нибудь *другое*, чѣмъ онъ есть *для меня*; *каковъ* онъ для меня, *таковъ* онъ *все* для меня. Въ тѣхъ предикатахъ, подъ которыми онъ существуетъ для меня, заключается его бытіе въ себѣ самомъ, самая его сущность. Какъ можно еще спрашивать,—недоумѣваетъ Фейербахъ,—что онъ есть самъ въ себѣ? Если бы Богъ могъ быть предметомъ для птицъ, говоритъ онъ, то онъ былъ бы для нихъ непременно существомъ крылатымъ: птица не знаетъ ничего болѣе высшаго, болѣе блаженнаго, кромѣ бытія съ крыльями. Какъ смѣшно было бы, если бы птица начала разсуждать такъ: мнѣ представляется Богъ птицей; но что такое онъ самъ въ себѣ,—этого я не знаю. Высочайшее существо для птицы есть существо птичье. Если ты отнимешь у нея *представленіе существа птичьяго*, то отнимешь и *представленіе существа высочайшаго*. Какъ могла бы она еще спрашивать: *крылатъ ли Богъ самъ въ себѣ?* Спрашивать, *таковъ ли Богъ самъ въ себѣ*, какимъ онъ кажется мнѣ, значитъ спрашивать о томъ, есть ли Богъ—*Богъ?* значитъ—возвы-

шаться надъ своимъ Богомъ, возставать противъ Него. И такъ, доказано теперь,—утверждаетъ Фейербахъ,—что то, что есть субъектъ, содержится въ его *опредѣленіяхъ*, т. е., доказано, что предикатъ есть истинный субъектъ; а вмѣстѣ съ этимъ уже доказано и то, что если божественные предикаты суть опредѣленія человеческой сущности, то и *субъектъ* ихъ—той же *человѣческой сущности*. Но божественные предикаты суть съ одной стороны общіе, а съ другой—личные. Предикаты общіе суть предикаты метафизическіе, но они служатъ для религіи только вѣншимъ пунктомъ соединенія, они не суть *характеристическія опредѣленія религіи*. Только предикаты *личные* опредѣляютъ сущность религіи, въ нихъ только божественное существо служитъ предметомъ поклоненія. Таковы эти предикаты, что Богъ, напр.,—лицо, что онъ—отецъ людей; святой, правосудный, благой, милосердый. Но изъ этихъ и другихъ опредѣленій, говоритъ Фейербахъ, видно, что они, именно какъ личные опредѣленія, суть опредѣленія *чисто человѣческія*, и что, слѣдовательно, въ религіи отношеніе человѣка къ Богу есть отношеніе его къ *своей собственной сущности*, такъ какъ для религіи эти предикаты не суть лишь образы или представленія, дѣлаемые человѣкомъ о Богѣ, отличные отъ того, что такое Богъ самъ въ себѣ, а истины, самыя вещи, реальности. Религія не знаетъ антропоморфизма: антропоморфизмъ для нея не—антропоморфизмъ. Сущность религіи именно въ томъ и состоитъ, что эти опредѣленія ея выражаютъ собою божественную сущность.

Вотъ тотъ взглядъ на религію и ея сущность, который изложенъ Фейербахомъ въ его сочиненіи „Сущность христіанства“. Кратко выразить его можно въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: въ религіи человѣкъ боготворитъ и почитаетъ какъ Бога самаго себя, но не какъ индивидуума, а какъ человѣка вообще. Въ свое время этотъ взглядъ на религію взволновалъ всѣхъ выдающихся западно-европейскихъ богослововъ и философовъ, хотя, собственно говоря, онъ не представлялъ ничего новаго или оригинальнаго въ школѣ тогдашнихъ гегельянцевъ. Если, по Гегелю, абсолютная идея или—что то же—Богъ яснѣйшимъ образомъ познаетъ себя только въ человѣческомъ самосознаніи,

то не оставалось ничего болѣе, какъ сдѣлать заключеніе, что она есть непосредственный продуктъ того же самаго человѣческаго самосознанія. У Фейербаха оказалось много защитниковъ; но не было недостатка и въ противникахъ ¹⁾. Возникла ожесточенная полемика, продолжающаяся еще и въ настоящее время. Впрочемъ, хрестіанскимъ апологетамъ было не трудно доказать, что ученіе Фейербаха о сущности религіи вообще научно несостоятельно и ложно. Фейербахъ не сдержалъ своего слова: онъ обѣщаль своимъ читателямъ представить разрѣшеніе вопроса съ полнымъ безпристрастіемъ, быть не суфлеромъ, а только переводчикомъ религіи, которая должна была говорить сама за себя; онъ увѣряль, что будетъ вести дѣло не какъ метафизикъ, а какъ „духовный естествоиспытатель“; онъ утверждалъ, что не будетъ подтасовывать фактовъ подъ какую либо предвзятую идею, а наоборотъ—идею будетъ выводить изъ существующихъ на лицо фактовъ и опыта. Въ дѣйствительности же оказалось, что онъ въ своей книгѣ придерживался именно тѣхъ приемовъ, которые имъ осуждены какъ ненаучные и ни къ чему негодные. Въ дѣйствительности онъ рассуждалъ о религіи не какъ „духовный естествоиспытатель“, а какъ чистый метафизикъ и именно—гегельянецъ, смотрящій на вещи чрезъ призму предвзятой идеи. Прежде всего у него ясно проглядываетъ повсюду гегельянское положеніе о тождествѣ бытія и мышленія, вслѣдствіе чего онъ часто смѣшиваетъ пониманіе предмета съ самымъ предметомъ. Такъ, напр., онъ говоритъ: „Каковы мысли чело-вѣка, каковы расположенія его, таковъ его и Богъ. Изъ его

¹⁾ Особенно ревностнымъ защитникомъ Фейербаха и самымъ преданнымъ последователемъ его былъ нашъ гельсингфорскій профессоръ В. Болингъ; онъ написалъ сочиненіе „Ueber L. Feuerbachs Briefwechsel und Nachlass“,—въ которомъ прославляетъ Фейербаха какъ величайшаго ученаго, недостижимаго мыслителя и неустрашимаго проповѣдника истины, не измѣнявшаго своимъ убѣжденіемъ, не смотря на то стѣснительное положеніе, въ которое онъ себя поставилъ своимъ сочиненіемъ и публичными лекціями.—Во главѣ противниковъ Фейербаха сталъ Даумеръ; еще въ 1844 году онъ написалъ сочиненіе „Der Anthropologismus und Kriticismus der Gegenwart in der Reife seiner Selbstoffenbarung“,—въ которомъ онъ основательно раскрылъ всѣ существенные недостатки ученія Фейербаха о религіи и ея сущности.

Бога узнаешь ты человека и наоборот". Въ этой фразѣ пониманіе предмета или представленіе о немъ ясно отождествляется съ самымъ предметомъ. *Представленіе* о Богѣ дѣйствительно создаетъ человекъ; а потому мы и встрѣчаемъ у людей разнообразныя религіозныя вѣрованія и различныя представленія о Богѣ; но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, что человекъ измышляетъ и самаго Бога. У людей существуютъ различныя представленія о самыхъ простыхъ и обыденныхъ предметахъ; но людьми создаются не самые эти предметы, существующіе несомнѣнно внѣ насъ, а только *представленія* объ нихъ.

По той же самой причинѣ отождествленія бытія и мышленія Фейербахъ не могъ сдержать своего слова и относительно того, чтобы не факты выводить изъ идеи, а наоборотъ. Всѣ его разсужденія не выходятъ за границы его собственной фантазіи; онъ говоритъ не о дѣйствительной религіи, а о какой-то измышленной имъ самимъ и существующей развѣ только въ его фантазіи. Въ самомъ дѣлѣ,—Фейербахъ хочетъ насъ увѣрить, что въ религіи человекъ боготворитъ себя самаго, но не какъ опредѣленное лицо, а какъ человека вообще и что сущность религіи поэтому чисто человѣческая. Стоптъ только это положеніе провѣрить съ дѣйствительностію и мы тотчасъ увидимъ всю его нелѣпость. Древніе египтяне поклонялись Серапису—быку; евреи—однажды захотѣли приносить жертвы золотому тельцу; многіе дикари боготворятъ камни, деревья, небесныя свѣтила, рыбу кость и т. п. Неужели же можно допустить, что человѣческій разумъ въ образѣ тельца объектировалъ сущность человечества,—разума, воли, сердца? Неужели же можно думать, что древній египтянинъ въ образѣ быка боготворилъ *себя самаго*, но только какъ *другое* существо? Ясно, что Фейербахъ говоритъ не о дѣйствительной религіи, а о существующей лишь въ его воображеніи.

Къ чести Фейербаха нужно, впрочемъ, сказать, что онъ не отличался тѣмъ страннымъ упорствомъ и слѣпымъ высокомеріемъ, которыя часто не позволяли многимъ одностороннимъ мыслителямъ отказываться отъ своихъ заблужденій и ложныхъ воззрѣній. Есть писатели, которые даже съ гордостію объявляютъ, что они никогда не читаютъ критическихъ отзывовъ о сво-

ихъ трудахъ. Фейербахъ не принадлежалъ къ такимъ мыслителямъ. Онъ читалъ своихъ критиковъ и относился къ нимъ справедливо. Когда противники Фейербаха съ ясностію доказали ему, что его ученіе о сущности религіи вообще ложно и научно несостоятельно, онъ самъ отказался отъ него въ значительной степени и рѣшился замѣнить его инымъ, по его мнѣнію, болѣе правильнымъ. Въ 1845 г., т. е. четыре года спустя послѣ напечатанія своего сочиненія „Сущность христіанства“, онъ пишетъ новое сочиненіе „Сущность религіи“. Въ этомъ сочиненіи Фейербахъ уже высказываетъ такой взглядъ на религію и ея сущность, на которомъ ясно замѣтны слѣды вліянія съ одной стороны Шлейермахера, а съ другой германскихъ матеріалистовъ; свой же взглядъ онъ удерживаетъ только для религій, достигшихъ высшей ступени своего естественнаго развитія. Въ краткихъ словахъ онъ выражаетъ такой „исправленный и дополненный“ взглядъ уже въ самомъ началѣ сочиненія. „Чувство *зависимости* въ человѣкѣ—говоритъ онъ—есть *основаніе* религіи; предметъ же этого чувства то, отъ чего онъ зависитъ и чувствуетъ себя зависимымъ, первоначально не что иное, какъ природа. *Природа—первый, первоначальный предметъ религіи*, что достаточно доказываютъ исторіи всѣхъ религій и народовъ“. Это общее положеніе Фейербахъ и силится доказать на послѣдующихъ страницахъ своего новаго сочиненія. Утвержденіе, что религія естествена или врождена человѣку, Фейербахъ признаетъ ложнымъ въ томъ случаѣ, когда подъ религіей разумѣютъ деизмъ, т. е., вѣру въ Бога, но онъ объявляетъ его безусловно истиннымъ, когда подъ религією разумѣютъ только чувство зависимости, т. е., чувство или сознаніе человѣка, что онъ не существуетъ и не можетъ существовать безъ другаго, отличнаго отъ него существа, что онъ не себѣ обязанъ своимъ существованіемъ. Въ этомъ случаѣ—говоритъ Фейербахъ—религія для человѣка то же, что свѣтъ для глаза, воздухъ—для легкихъ, пища для желудка. Религія есть уваженіе и признаніе того, что я есмь. Но я прѣжде всего существо не живущее безъ свѣта, безъ воздуха, безъ воды, безъ земли, безъ пищи,—существо зависимое отъ природы. Въ животныхъ и въ животномъ человѣкѣ эта зависимость лишь бессознательна, неосмысленна; возвы-

сильно это чувство до сознанія, представлять его себѣ, признавать, уважать—значитъ возвыситься до религіи.

Внѣшній ходъ развитія естественной религіи Фейербахъ хочетъ уяснить своимъ читателямъ такимъ образомъ. Каждый человѣкъ, взятый отдѣльно, какъ и народъ и племя, зависятъ не отъ природы или земли вообще, но отъ *этой* почвы, отъ *этой* земли, и не отъ воды вообще, а именно отъ *этой* воды, отъ *этой* рѣки, отъ *этого* источника. Поэтому древніе народы, ограниченные духомъ и тѣломъ, привязанные къ своей землѣ, народы, полагавшіе свою сущность не въ ихъ человѣчности, но въ томъ, что они извѣстный народъ, извѣстное племя,—поклонялись горамъ, деревьямъ, звѣрямъ, рѣкамъ, и источникамъ своей земли, какъ безжественнымъ существамъ, ибо вся ихъ жизнь, все существо ихъ основывались только на свойствахъ ихъ земли, ихъ природы.

Легкимъ дѣломъ кажется Фейербаху уяснить и то, какимъ образомъ отъ боготворенія горъ и рѣкъ люди перешли къ боготворенію животныхъ. Совершенно наивно положеніе,—говорить онъ,—что человѣкъ возвысился надъ животнымъ состояніемъ, благодаря провидѣнію, помощи „сверхъестественныхъ“ существъ, напр., боговъ, духовъ, гениевъ, ангеловъ. Конечно, человѣкъ не самъ по себѣ и не *черезъ себя одного* сталъ тѣмъ, что онъ есть; для этого онъ нуждался въ помощи другихъ существъ; но эти другія существа вовсе не были сверхъестественными, воображаемыми созданіями,—но дѣйствительными и совершенно естественными существами,—существами не выше человѣка, а ниже его, какъ и вообще все, что поддерживаетъ человѣка въ его сознательномъ и произвольномъ, въ такъ называемомъ собственно-человѣческомъ поведеніи его. Этими помощниками, этими *ангелами*—*хранителями* человѣка были въ особенности *животныя*. Этимъ значеніемъ животныхъ для человѣка, именно во времена зачинающейся культуры, (будто бы) совершенно оправдывается (?) религіозное почитаніе ихъ. Животныя были для человѣка неизбѣжнымъ, *нужнымъ* твореніемъ, отъ нихъ зависѣло его существованіе; а то, отъ чего зависитъ жизнь, бытіе человѣка, то для него *Богъ*.

На высшей ступени своего развитія человѣкъ перестаетъ

почитать горы, рѣки и животныхъ, т. е., природу, эмпирически данную, а начинаетъ чтить особенное существо, обнаруживающееся въ природѣ. Но это божественное существо, обнаруживающееся въ природѣ, не что иное, какъ *природа сама*, которая открывається, представляется и навязывается человѣку какъ божественное существо. Вѣра, что и въ природѣ обнаруживается какое-то иное существо, чѣмъ сама природа, что будто природа наполнена и обладаетя какимъ-то отличнымъ отъ нея существомъ, въ основаніи своемъ,—продолжаетъ Фейербахъ,—одного корня съ вѣрою, что духи, демоны, черти обнаруживаются, по крайней мѣрѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ человѣкѣ, обладаютъ имъ; на самомъ дѣлѣ, это—вѣра, что природа занята постороннимъ, духовнымъ существомъ. Впрочемъ, и дѣйствительно, съ точки зрѣнія этой вѣры, природа занята духомъ, только духъ этотъ—духъ самаго же человѣка, его фантазія, его характеръ,—которымъ невольно проникается природа и который дѣлаетъ природу символомъ и зеркаломъ человѣческаго существа. Такимъ образомъ, природа есть не только первый, первоначальный предметъ, но и *непреложное основаніе*, постоянный, хотя и скрытый задній фонъ религіи. Если христіане не почитаютъ болѣе природу, какъ Бога, то это только потому, что, по ихъ вѣрѣ, существованіе ихъ зависитъ не отъ природы, а отъ воли одного существа, отличнаго отъ нихъ по природѣ, и притомъ они потому только смотрятъ на это существо, какъ на божеское, т. е., высшее существо, и исповѣдуютъ его, что считаютъ его виновникомъ и хранителемъ своего бытія, своей жизни. Такъ богочитаніе зависитъ только отъ самопоклоненія человѣка и есть не болѣе, какъ его проявленіе.

Здѣсь, какъ видитъ читатель, Фейербахъ снова возвращается къ тому взгляду на сущность религіи, который имъ былъ высказанъ уже раньше—въ сочиненіи „Сущность христіанства“. Впрочемъ, здѣсь Фейербахъ высказывается нѣсколько полнѣе и откровеннѣе: онъ указываетъ здѣсь и тѣ факторы, которые побудили человѣка создать свою религію. Такими факторами онъ объявляетъ съ одной стороны—эгоизмъ человѣка, его высокомеріе, гордость, заносчивость и безконечность его желаній,

съ другой—его безграничную фантазію. Человѣкъ только тогда пересталъ боготворить природу, окружающую его, и только тогда сталъ почитать какъ Бога себя, когда призналъ, что выше его въ природѣ нѣтъ ничего, что онъ—вѣнецъ творенія и что природа по отношенію къ нему имѣетъ лишь значеніе служебное и подчиненное. Собственный теизмъ или монотеизмъ, говоритъ Фейербахъ, возникаетъ лишь тамъ, гдѣ человѣкъ только къ себѣ относитъ природу потому, что она невольно и *безсознательно* позволяетъ употреблять себя не только для его необходимыхъ, органическихъ, жизненныхъ отправленій, но и для его *произвольныхъ, сознанныхъ* цѣлей, дѣлъ и наслажденій, и *это отношеніе* полагаетъ ея сущностью, а себя объявляетъ конечною цѣлію, центральнымъ *пунктомъ, точкою единства* природы. Гдѣ природа имѣетъ свою *цѣль внѣ себя*, тамъ необходимо и *основаніе и начало* ея находятся также *внѣ ея*; гдѣ она *только для другого существа*, тамъ она необходимо *отъ другого* существа, и притомъ существа, котораго намѣреніемъ или цѣлію при созданіи природы былъ человѣкъ, какъ существо наслаждающееся природою и употребляющее ее въ свое благо. Поэтому начало природы только тамъ сводится къ Богу, гдѣ конецъ ея сводится къ *человѣку*, или ученіе: „Богъ есть *творецъ міра*“ имѣетъ свое *основаніе и смыслъ* только въ ученіи: „человѣкъ—*цѣль* творенія“. Если вѣру въ человѣка, какъ въ цѣль природы, вы считаете *человѣческимъ* высокоуміемъ, говоритъ Фейербахъ, такъ смотрите же и на *вѣру въ творца природы* какъ на *человѣческое* высокоуміе!

Главнымъ побужденіемъ, заставившимъ человѣка создать религію и измыслить божественное существо, Фейербахъ объявляетъ наши грубо-эгоистическія желанія, вытекающія изъ нашихъ чувственныхъ потребностей, ограниченія, зависимости. Религія, говоритъ онъ, имѣетъ своимъ предположеніемъ *противоположность* или *противорѣчіе* между *волею* и *возможностію*, *желаніемъ* и *достиженіемъ*, *намѣреніемъ* и *сдѣланіемъ*, *представленіемъ* и *дѣйствительностію*,—между *мыслію* и *бытіемъ*. Въ желаніи, стремленіи, представленіи человѣкъ *неограниченъ, свободенъ, всемогущъ*—богъ; но въ способности, въ

достиженіи, въ дѣйствительности—обусловленъ, зависимъ, ограниченъ—*человѣкъ*, и притомъ—человѣкъ въ смыслѣ конечнаго, противоположнаго Богу существа. „Человѣкъ *предполагаетъ*, а Богъ *располагаетъ*“. „Человѣкъ задумаетъ что-либо, а Зевсъ окончитъ это иначе“. Мышленіе, желаніе—это *мое*; но то, что я желаю и мыслю,—*не мое, вѣдь* меня, не отъ меня зависитъ. Устраненіе этого противорѣчія или противоположности—главная тенденція, цѣль религіи; а то именно существо, въ которомъ устранено это противорѣчіе, которому возможно или—скорѣе дѣйствительно то, что для меня возможно по моимъ желаніямъ и представленіямъ, но невозможно по моимъ силамъ,—и есть Богъ. То, что не зависитъ отъ человѣческой воли и знанія, есть первоначальное, собственное, характеристическое дѣло религіи—дѣло Бога. „Я насадилъ, говоритъ апостоль Павелъ, Аполлосъ оросилъ, а *плодъ даровалъ Богъ*. И такъ, ни тотъ, кто сажаетъ, ни тотъ кто орошаетъ, значить что-либо, но Богъ, *который даетъ плодъ*“. Но что же такое Богъ?—спрашиваетъ Фейербахъ далѣе и отвѣчаетъ: Первоначально не что иное, какъ природа или существо природы, но вмѣстѣ и предметъ молитвы, умиловливаемое, слѣдовательно, *желающее* существо. Предметъ религіи есть только то, что составляетъ предметъ человѣческихъ цѣлей и потребностей. То же, что составляетъ предметъ человѣческихъ потребностей и цѣлей, именно по тому самому есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предметъ *человѣческихъ желаній*. Но чего я желаю, то я заколдовываю, одушевляю своими желаніями. Въ одушевленіи—и только въ одушевленіи, въ чувствѣ заключается начало религіи,—человѣкъ ставитъ свое существо внѣ себя, съ безжизненнымъ обращается какъ съ живымъ, съ произвольнымъ—какъ произвольнымъ, одушевляетъ предметъ своими вздохами, ибо невозможно ему, въ порывѣ страсти, обращаться къ существу безчувственному. Чувство, продолжаетъ Фейербахъ, не остается въ предѣлахъ, предписанныхъ ему разумомъ; оно бьетъ черезъ край у человѣка; въ груди слишкомъ тѣсно чувству; оно должно явиться внѣшнему міру и тѣмъ безчувственное существо природы сдѣлать существомъ сочувствующимъ. Заколдованная человѣческимъ чувствомъ, соотвѣт-

ствующая чувству и приобщенная ему, слѣдовательно сама воспріимчивая природа есть именно природа, какъ предметъ религіи, какъ божественное существо. Желаніе есть начало, самая сущность религіи; сущность боговъ не что иное, какъ сущность желанія. Правда, говоритъ Фейербахъ, боги—существа вышечеловѣчскія и сверхъестественныя; но развѣ и желанія не вышечеловѣчскія и не сверхъестественныя существа? Напр., человекъ ли я въ моемъ желаніи и въ моей фантазіи, если желаю быть бессмертнымъ существомъ, разрѣшеннымъ отъ оковъ земнаго тѣла? Нѣтъ! кто не имѣетъ никакихъ желаній, тотъ не имѣетъ и никакихъ боговъ. Боги—это тучныя, воплощенныя, осуществленныя желанія человека. Такъ какъ границы, какими человекъ представляетъ ихъ себѣ съ точки зрѣнія религіи, какъ, напр., ограниченіе, вслѣдствіе котораго онъ не знаетъ будущаго, не вѣчно живетъ, не постоянно и не безъ усилій счастливъ, не имѣетъ тѣла безъ вѣса, не можетъ летать какъ боги, ни гремѣтъ подобно Іеговѣ, не можетъ по произволу увеличить или сдѣлать невидимымъ свой образъ, не можетъ, какъ ангелъ, жить безъ чувственныхъ потребностей и влеченій,—короче,—не въ состояніи сдѣлать того, чего желаетъ,—суть границы только для представленія и фантазіи, а на самомъ дѣлѣ не границы, потому что онѣ основаны на *существомъ*, лежатъ въ *природѣ* вещей; такъ и свободное отъ этихъ границъ, безграничное божеское существо есть только существо представленія, фантазіи, зависящихъ отъ фантазіи, чувства или духовнаго настроенія. Слѣдовательно, что бы ни было предметомъ религіи, будь это хоть скорлупа улитки или камень,—они будутъ предметомъ религіи только какъ *существа духа, предствленія, фантазіи*. „Каково твое сердце, такой твой и Богъ“. Каковы желанія людей, таковы ихъ и боги. Греки имѣли *ограниченныя* боговъ—это значитъ: они имѣли *ограниченныя* желанія. Христіане не имѣютъ ограниченнаго Бога; они имѣютъ только Бога неограниченнаго, вознесеннаго, выше всякой естественной необходимости, вышечеловѣческаго, поставленнаго виѣ міра, сверхъчувственнаго; это значитъ: они имѣютъ *неограниченныя, сверхъчувственныя, выходящія изъ предѣловъ міра, природы, человеческого суще-*

ства, т. е., абсолютно фантастическія желанія. Христіане хотятъ быть безконечно болѣе и счастливѣе, чѣмъ боги Олимпа; ихъ желаніе—небо, въ которомъ уничтожены всѣ границы, всякая необходимость природы, всѣ желанія исполнены, небо, въ которомъ нѣтъ никакихъ потребностей, никакихъ страданій, никакихъ ранъ, никакихъ битвъ, ни страстей, ни помѣхъ, нѣтъ мѣны дня и ночи, свѣта и тѣни, радости и горя, какъ это бываетъ на небѣ грековъ. Послѣ этого Фейербахъ въ третій разъ повторяетъ свою любимую фразу: Кто не имѣетъ сверхъестественныхъ желаній, тотъ не имѣетъ болѣе и сверхъестественныхъ существъ, и этимъ заканчиваетъ свою книгу.

Итакъ, боги суть воплощенные желанія людей, воплощенное ихъ высокомеріе, эгоизмъ. Сила, которая создаетъ эти образы или воплощенія, есть безграничная фантазія человѣка: „Богъ, говоритъ Фейербахъ, это—глубокій и прекрасный колодезь фантазіи, въ которомъ содержится все живущее“. Область религіи есть область фантазіи, не знающей никакихъ логическихъ предѣловъ. Содержаніе религіи можетъ быть воспринимлемо только *върою*, какъ и всѣ другіе фантастическіе вымыслы. Предметъ религіи, *насколько* онъ предметъ ея, въ дѣйствительности не существуетъ, скорѣе стоитъ въ противорѣчій съ ней, потому что онъ есть только предметъ фантазіи, чувства и вѣры. Такъ, напр., безсмертіе человѣка, или чело-вѣкъ, какъ существо безсмертное—предметъ религіи, но именно потому только онъ и предметъ вѣры, что дѣйствительность показываетъ какъ разъ противное—смертность человѣка. Вѣрвать, по опредѣленію Фейербаха, значитъ *вообразать себя*, что *есть* то, чего *нѣтъ*, значитъ, напр., вообразить, что эта картина—живое существо, что этотъ хлѣбъ—мясо, это вино—кровь, т. е., вообразить эти вещи *тѣмъ, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ не бываютъ*. Слѣдовательно, говоритъ Фейербахъ, ты обнаруживаешь величайшее незнаніе религіи, когда надѣешься найти Бога съ телескопомъ на небѣ астрономіи, или съ лупой въ ботаническомъ саду, или съ минералогическимъ молотомъ въ рудникахъ геологіи, или съ анатомическимъ ножомъ и микроскопомъ во внутренностяхъ животныхъ и людей,—ты найдешь Его только въ вѣрѣ, только въ воображительной спо-

собности, только въ сердцѣ человѣка, потому что Самъ Онъ не что иное, какъ существо фантазіи или воображенія.

Но и фантазія изъ ничего творить не можетъ. Необходимый матеріаль она находитъ въ природѣ и изъ него уже создаетъ предикаты божества. Свойства, основывающія и выражающія различіе божескаго существа отъ существа человѣческаго или, по крайней мѣрѣ, отъ человѣческаго индивидуума, первоначально или въ основаніи своемъ, говоритъ Фейербахъ, суть только свойства природы. Богъ—могущественнѣйшее или—болѣе—всемо-
ущее существо, т. е., Онъ можетъ, чего не можетъ человѣкъ, и болѣе—что бесконечно превосходитъ человѣческія силы и потому внушаетъ человѣку покорное чувство своей ограниченности, своего безсилія, своей ничтожности. „Можешь ли ты, говоритъ Богъ Іову, связать связи семи звѣздъ? Или развязать связь Оріона? Можешь ли ты извергать молніи, чтобъ онѣ падали и говорили: мы здѣсь? Можешь ли ты дать силы коню? По твоему ли разуму летаетъ ястребъ? Имѣешь ли ты такую руку какъ Богъ и такъ ли подобенъ грому гласъ твой, какъ Его?“ Нѣтъ! отвѣчаетъ Фейербахъ. Этого человѣкъ не можетъ; съ громомъ нельзя сравнивать человѣческаго голоса. Но чье же могущество обнаруживается въ силѣ грома, въ силѣ коня, въ полетѣ ястреба, въ неудержимомъ бѣгѣ семизвѣздія? *Сила природы.* Далѣе,—Богъ есть существо *вѣчное*. Но въ самой Библии сказано: „одно поколѣніе проходитъ, другое приходитъ, земля же остается *вѣчно*“. Въ Зендъ—Авестѣ солнце и мѣсяцъ по ихъ непреходимости положительно называются *безсмертными*. И одинъ перуанскій инка сказалъ однажды доминиканцу: „ты молишься Богу, который умеръ на крестѣ, а я молюсь солнцу, которое *никогда не умираетъ*“. Богъ,—разсуждаетъ Фейербахъ далѣе,—есть существо *всеблагое*, „ибо солнце Его восходитъ надъ злыми и добрыми и дождь Онъ посылаетъ на правыхъ и неправыхъ“; но существо не дѣлающее различія между добрымъ и злымъ, правымъ и неправымъ, которое раздаетъ блага жизни не по нравственнымъ заслугамъ, и потому именно производитъ на человѣка впечатлѣніе существа *благаго*, ибо дѣйствія его, какъ, напр., оживляющій солнечный лучъ и дождевая туча—источники самыхъ благодѣтельныхъ

ощущеній,—это именно и есть природа. Богъ,—продолжаетъ Фейербахъ,—есть существо *всеобъемлющее, міровое, одно и то же* существо; но и солнце *одно и то же*, которое свѣтитъ всѣмъ людямъ и тварямъ земли или міра,—ибо первоначально и во всѣхъ религіяхъ земля и есть самый міръ,—*одно и то же* небо, которое всѣхъ ихъ покрываетъ, *одна и та же* земля, которая всѣхъ ихъ носитъ. Что Богъ *одинъ*, говоритъ *Амвросій*, въ этомъ убѣждаетъ вся природа, *ибо только одинъ* міръ. Солнце, мѣсяцъ, небо, земля и море *всѣмъ общи*, говоритъ *Плутархъ*, но называются у однихъ такъ, у другихъ иначе, почему и Духъ, управляющій міромъ, *одинъ*, но у него разныя названія и культы. Богъ „не есть существо, живущее въ храмахъ, сдѣланныхъ человѣческими руками“; но не такова ли,—спрашиваетъ Фейербахъ,—и природа? Кто можетъ свѣтъ или небо или море заключить въ ограниченныя человѣческія пространства? Древніе персы и германцы поклонялись только природѣ, но никакихъ храмовъ у нихъ не было. Поклоннику природы слишкомъ тѣсно, слишкомъ душно въ сдѣланномъ, въ отмѣренномъ пространствѣ какого нибудь храма или церкви; ему привольно только подъ открытымъ, безграничнымъ небомъ умственного созерцанія. Богъ не есть существо измѣряемое по человѣческому масштабу,—Онъ *неизмѣримое, великое, безконечное* существо; но вѣдь Онъ таковъ потому, что міръ, его твореніе, великъ, неизмѣримъ, безконеченъ, или, по крайней мѣрѣ, такимъ кажется человѣку. Богъ—существо *неземное, вышечеловѣческое, высочайшее*; но и это высшее существо, по своему началу и основанію, не что иное, какъ по пространству или оптически высшее существо,—небо съ его чудными явленіями. Всѣ сколько нибудь нескудныя фантазіей религіи, помѣщаютъ своихъ боговъ въ нѣдра облаковъ, въ эфиръ и въ солнце, въ мѣсяцъ или въ звѣзды, *наконецъ всѣ боги теряются въ синевѣ неба*. Даже спиритуальный Богъ христіанъ имѣетъ свое пребываніе, свой базисъ наверху, въ небѣ. Богъ—*таинственное, непостижимое* существо; но вѣдь только потому, объясняетъ Фейербахъ, что для человѣка, и именно религіознаго, природа есть существо *таинственное, непонятное*. Наконецъ, Богъ есть существо, возвышенное надъ

человѣческимъ произволомъ, непричастное человѣческимъ потребностямъ и страстямъ, вѣчно себѣ равное, которое править по неизмѣннымъ законамъ, то что оно однажды установило, на всѣ времена оставляетъ неизмѣннымъ. Но и это существо,— что же оно, какъ не остающаяся при всѣхъ перемѣнахъ самой себѣ равною, строго—законная, неизмѣнная, безпристрастная, произвольная природа? Правда, во всѣхъ религіяхъ Богъ представляется виновникомъ природы и существомъ отличнымъ отъ нея; но то, что это существо содержитъ и выражаетъ, истинное содержаніе его,—говоритъ Фейербахъ,— есть только природа. И что мы имѣемъ въ природѣ, то мы *представили себѣ* въ Богѣ, какъ виновникѣ или причинѣ природы, слѣдовательно, не нравственное, духовное, но *естественное*, физическое существо. Положимъ, виновнику природы приписываются разумъ и воля; но то именно, гдѣ воля хочетъ, гдѣ этотъ разумъ мыслить, есть какъ разъ то, для чего не требуется никакой воли, никакого разума, для чего достаточно просто механическихъ, физическихъ, химическихъ, растительныхъ и животныхъ силъ и пружинъ.

Вотъ взглядъ Фейербаха на религію вообще и ея сущность. Въ приведенныхъ выдержкахъ заключается все, то, что заслуживаетъ наибольшаго вниманія въ сочиненіи Фейербаха „Сущность религіи“. Чтобы не подать кому либо повода дѣлать намъ упрекъ за неполноту изложенія или за невѣрную передачу ученія Фейербаха о сущности религіи, мы старались излагать его съ полнотою, быть можетъ, большею, чѣмъ какой оно заслуживаетъ, и притомъ, по возможности, даже собственными словами Фейербаха. Что мы были вполне безпристрастны и совершенно объективны, это легко увидитъ каждый знакомый съ сочиненіями Фейербаха или хотя только съ общимъ міровоззрѣніемъ его. Такою же объективною и безпристрастіемъ будетъ отличаться и нашъ критическій разборъ всего ученія Фейербаха о религіи и ея сущности. Этого мы желаемъ и объ этомъ мы будемъ заботиться.

Профессоръ Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевичъ.*

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ.

(П О Э Д Е Р Ш Е Й М У).

(Продолженіе *).

Утромъ послѣ Преображенія.

(Матѣ. XVII. 9—21; Марк. IX. 9—29; Лук. IX. 37—43).

Равнимъ утромъ слѣдующаго лѣтняго дня, на разсвѣтѣ, Учитель и Его ученики начали спускаться обратно въ равнину. Ученики видѣли Его славу; имъ дано было весьма торжественное свидѣтельство о Немъ, какое только они могли получить, какъ іудеи; и имъ сдѣлался понятенъ болѣе, чѣмъ прежде, глубокой смыслъ ученія о Христѣ въ священномъ писаніи ветхаго завѣта. Послѣдній весь свидѣтельствовалъ о Христѣ и говорилъ объ Его исходѣ. Можетъ быть въ наступившее утро еще лучше, чѣмъ въ предыдущую ночь, ученики поняли смыслъ бывшаго имъ видѣнія, и почувствовали, какое получается отъ него спокойствіе и счастье. Видѣніе походило для ихъ душъ на тотъ утренній воздухъ, который они вдыхали въ себя на горѣ.

Было совершенно естественно, если спутники Христа думали о своихъ спутникахъ и товарищахъ—ученикахъ, которыхъ въ предыдущій вечеръ оставили въ нижней долині. Какъ много нужно было сказать имъ, какъ они обрадуются вѣстямъ, которыя будутъ имъ сообщены! Въ эту единственную ночь брошенъ былъ вѣчный свѣтъ на многія изъ самыхъ труднѣйшихъ изреченій Спасителя, именно—относительно Его отвер-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1902 г. № 3.

женія и насильственной смерти въ Іерусалимѣ; въ это время небеснымъ свѣтомъ освѣтился страшный мракъ. Ученики, по крайней мѣрѣ трое изъ нихъ, сначала просто подчинились тому, что говорилъ Христосъ, потому что говорилъ именно Онъ, хотя они и не понимали Его словъ. Но теперь они узнали, что слова Христа слѣдуетъ разсматривать совершенно въ иномъ свѣтѣ. Какъ сильно желали ученики сообщить объ этомъ людямъ, затрудненія которыхъ по крайней мѣрѣ были столь же велики, какъ и затрудненія ихъ, и даже, можетъ быть, отличались еще большею силою,—людямъ, которые, можетъ быть, еще и не оправались отъ сильнаго удара, недавно нанесеннаго ихъ мессіанскимъ помысламъ и надеждамъ. Разумѣемъ здѣсь въ особенности тѣхъ учениковъ, которыхъ, соотвѣтственно особенностямъ ихъ образа мыслей, мы могли бы назвать тремя противоположными представителями трехъ избранныхъ апостоловъ: Филиппа, который искалъ твердой точки опоры для своей вѣры; Θому, который нуждался въ доказательствахъ для своей вѣры; и Іуду, горячая іудейская ревность котораго къ іудейскому мессіи уже начала разжигать его душу,—какъ будто сильный вѣтеръ обратилъ на него всепожирающее пламя. На всѣ вопросы Филиппа, на всѣ сомнѣнія Θомы, на всѣ отчаянныя и дикіе порывы Іуды можно вѣдъ было отвѣтить тѣмъ, что ученики имѣли рассказать ученикамъ.

Но случилось совершенно иное. Очевидно, преображеніе не принадлежало къ числу событій, которыя слѣдовало предавать гласности, сообщать о нихъ народу и ученикамъ въ обширномъ смыслѣ и народъ, и ученики не могли понять дѣйствительнаго смысла событія. Народъ и ученики могли понять событіе ошибочно и по своему невѣжеству примѣнить его небесную поучительность къ плотскимъ іудейскимъ цѣлямъ. Но даже и апостолы ничего не должны были знать о событіи. Если они не удостоились быть его свидѣтелями, то это доказываетъ, что они не были къ нему подготовлены. Мы не должны ни на минуту воображать, будто только избранные апостолы—фавориты привлечены были къ участію въ томъ, чего остальные не могли быть свидѣтелями. Три апостола взяты были на гору не потому, что ихъ больше другихъ любилъ

Спаситель, а потому, что они лучше другихъ были приготовлены ¹⁾; были способны къ болѣе полному воспріятію, къ болѣе полному званію, къ болѣе совершенному самопожертвованію. На приближенныхъ ко Христу людей мы смотримъ слишкомъ часто ошибочно, именно какъ на апостоловъ, а не какъ на учениковъ; какъ на нашихъ учителей, а не какъ на учениковъ Христа, со всѣми ихъ ошибками, свойственными людямъ, со всѣми ихъ іудейскими предразсудками и невѣріемъ, свойственными и всѣмъ намъ, но принимающими въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ особенныя формы и характеризующими наши особенныя слабости.

Такимъ образомъ, когда молчаніе во время утренняго схождения съ горы было прервано, то Учитель заповѣдалъ ученикамъ никому не говорить о бывшемъ видѣніи, пока Сынъ Человѣческій не воскреснетъ изъ мертвыхъ. Тайственное Повелѣніе молчать опять служить вѣскимъ оплотомъ противъ миѣнія, будто исторія о преображеніи была вымышлена, противъ рационалистическихъ ея объясненій, или противъ предположеній о миѣическомъ ея происхожденіи. Въ разсказѣ о событіи мы находимъ для себя еще и дальнѣйшіе уроки. Молчаніе, которое Спаситель заповѣдалъ ученикамъ сохранять, было первою ступенью при спускѣ въ долину уничиженія. Это молчаніе было также повѣркой, дѣйствительно ли ученики поняли духовный смыслъ видѣнія. Строгое исполненіе данной имъ заповѣди, при чемъ они не спрашивали даже объ ея основаніяхъ, доказало, что они поняли этотъ смыслъ. Такъ совершенно было ихъ повиновеніе, что они не осмѣливались даже и спрашивать Учителя о новомъ и, повидимому, еще болѣе великомъ таинствѣ въ сравненіи съ тѣмъ, о которомъ они слышали:—о значеніи словъ, что Сынъ Человѣческій воскреснетъ изъ мертвыхъ (Марк. IX. 10). Относились ли эти слова вообще къ воскресенію? Предстояло ли Мессіи первому воскреснуть изъ мертвыхъ и пробудить другихъ умершихъ, или же это было только фигуральное выраженіе, обозначающее, что Онъ восторжествуетъ и будетъ защищенъ? Очевидно, уче-

¹⁾ Излагая это, мы хорошо помнимъ, что Іоаннъ былъ ученикъ, „котораго любилъ Іисусъ“ преимущественно, даже въ этомъ внутреннѣйшемъ и ближайшемъ кругу.

ники какъ будто не знали еще ничего о личномъ воскресеніи Христа, отдѣльномъ отъ воскресенія другихъ и имѣющимъ совершиться на третій день послѣ Его смерти. И однако событіе—воскресенія было такъ близко. А ученики были еще такъ невѣжественны и неприготовлены къ нему. И Учителя своего они не осмѣливались спрашивать о немъ. Они уже знали, что имъ не слѣдовало спрашивать о таинствахъ будущаго, а только въ простотѣ сердца принимать сообщенія о нихъ. Но въ самой глубинѣ своего сердца они думали, что изреченіе, которое,—подобно словамъ, которыя Дѣва Матерь скрывала въ сердцѣ своемъ,—они „удержали“, походило на драгоценную живую вѣтвь, имѣющую скоро распуститься и принести плодъ, или, иначе, имѣющую скоро разгорѣться яркимъ пламенемъ и разогнать всякую тьму. Но какъ тогда, такъ и много разъ послѣ, въ тайномъ разговорѣ между собою, ученики все-таки спрашивали, что должно было означать это воскресеніе изъ мертвыхъ (Марк. IX. 10).

Быль у учениковъ и еще вопросъ и они могли его предложить Иисусу Христу, потому что этотъ вопросъ относился не къ таинственному будущему, а къ урокамъ прошедшаго. Размышляя о бывшемъ имъ видѣніи, объ явленіи Іліи и его словахъ относительно смерти Мессіи, ученики спрашивали, почему книжники говорятъ, что сначала придетъ Ілія, и именно, какъ всѣ думали, съ цѣлію возстановить все. Ученики видѣли, что Ілія пришелъ, но только на короткое, а не на вѣчное время, вмѣстѣ съ Моисеемъ; ученики страстно желали, чтобы Ілія и Моисей остались навсегда и предложили воздвигнуть имъ кущи: они видѣли, что Ілія пришелъ не къ народу, а ко Христу, и явился только тремъ ученикамъ; а они не должны были даже и говорить объ этомъ. Явленіе Іліи совершилось не ради духовнаго возстановленія, а ради рѣчи о томъ, въ чемъ подразумѣвалось совершенно противоположное: объ отверженіи и насильственной смерти Мессіи. Тогда правильно ли учили книжники и въ чемъ заключался дѣйствительный смыслъ ихъ ученія? Вопросъ этотъ давалъ благопріятный поводъ не только разрѣшить ученикамъ ихъ затрудненія, но и предложить имъ истинный взглядъ на необ-

ходимость отверженія и смерти Спасителя. Ученики не могли провести различія между пришествіемъ Иліи и двойными слѣдствіями этого событія. Истинно „Илія долженъ придти прежде“—и Илія „уже пришелъ“ въ лицѣ Іоанна Крестителя. Божественное намѣреніе при посольствѣ Иліи заключалось въ томъ, чтобы „устроить все“. Здѣсь, конечно, подразумѣвался нравственный элементъ—подчиненіе людей Богу и ихъ готовность принять посланника Божія. Иначе была изображена эта альтернатива въ пророчествѣ Малахіи: „чтобы Я, пришедъ, не поразилъ землю проклятіемъ“ (*херемъ*). Илія *пришелъ*; если народъ принялъ его, то онъ, согласно обѣщанію, устроитъ все. Такъ Господь сказалъ и въ одномъ предыдущемъ случаѣ (Мате. XI. 14): „если хотите принять *его* ¹⁾, онъ есть Илія, которому должно придти“. Подобнымъ же образомъ, если бы Израиль принялъ и Христа, то Онъ могъ бы собрать его, какъ птица собираетъ птенцовъ подъ свои крылья; Онъ не только былъ бы, но и видимо явился бы царемъ. Но Израиль не узналъ своего Илію; съ нимъ поступили, какъ хотѣли; также, въ силу логической послѣдовательности, и Сынъ Человѣческой пострадаетъ отъ Израиля. И такимъ образомъ и другая часть пророчества Малахіи исполнилась; и страна Израиля была поражена проклятіемъ ²⁾.

Во время этого разговора окончилось схождение съ горы. Скоро совершилось событіе, которое ясно доказало неспособность учениковъ присутствовать при небесномъ видѣніи предшествующей ночи рассказанномъ выше. Потому что при различіи въ подробностяхъ между рассказами евангелистовъ Маттея, Марка и ев. Луки, насколько послѣдній передаетъ объ этихъ событіяхъ, есть одинъ пунктъ, въ которомъ всѣ евангелисты почти съ буквальною точностію согласуются. Этотъ пунктъ заключается въ томъ, что Господь говоритъ объ ученикахъ языкомъ горькаго недовольства и скорби, какъ о людяхъ

¹⁾ Смыслъ будетъ существенно одинаковъ, оставимъ ли мы здѣсь „его“ или „это“.

²⁾ На вопросъ, должно ли произойти новое явленіе Иліи предъ вторымъ пришествіемъ Христа, не можемъ отвѣтить въ настоящемъ мѣстѣ. Можетъ быть попросъ съ намѣреніемъ былъ оставленъ безъ отвѣта.

съ недостаточной вѣрой, которую, несмотря на все, что они видѣли и чему научились, Онъ долженъ былъ еще терпѣть въ нихъ, ясно приписывая (Матѳ. и Маркъ) ихъ неудачу въ исцѣленіи лунатика ихъ „невѣрію“¹⁾.

Дѣйствительно, между тѣмъ, что происходило внизу, и видѣніемъ Моисея и Или, когда они говорили объ псходѣ Христа и когда божественный голосъ свидѣтельствовалъ о Немъ изъ свѣтлаго облака, существовалъ страшный контрастъ. Возбужденный народъ, и среди него опять „книжники“, слѣдившіе за Господомъ и напавшіе на Его учениковъ въ часъ ихъ величайшей слабости, собрались около человѣка, который напрасно привелъ своего сына для исцѣленія. Человѣка этого жадно спрашиваетъ толпа, а онъ скромно отвѣчаетъ. Или, какъ это почти ясно обнаруживается изъ евангелія Матѳея, (ст. 14), отецъ оставляетъ толпу и тѣхъ, у кого онъ напрасно искалъ помощи. Это было для книжниковъ временемъ торжества. Учитель отказался отвѣтить на вызовъ въ Далмануѣ; а ученики, принявъ его, потерпѣли полную неудачу. Господь увидѣлъ теперь „книжниковъ, спорящихъ съ ними“ (учениками) шумно во время разсужденій какъ о настоящемъ, такъ и обо всѣхъ остальныхъ явленіяхъ, но главнымъ образомъ о могуществѣ, власти и о томъ, заслуживаетъ ли довѣрія ихъ учитель. Это напоминаетъ намъ объ искушеніи Израиля въ пустынѣ и для насъ едва ли покажется удивительнымъ обстоятельствомъ, что народъ подвергалъ сомнѣнію даже возвращеніе Иисуса, какъ въ древности—Моисея.

Въ этотъ-то именно моментъ и показался Спаситель съ тремя учениками. Нисколько не удивительно, что „тогда увидѣвъ Его, весь народъ изумился“²⁾ и, подбѣгая къ Нему, привѣтствовали (ъ) Его“ (Маркъ). Онъ пришелъ, какъ приходитъ и всегда,—и къ намъ также, неожиданно, благовре-

1) Чтеніе „маловѣріе“ вмѣсто „невѣріе“, хотя и сильно подтверждается, слѣдуетъ однако считать поправкой, сдѣланной въ древности. На внутреннихъ основаніяхъ вѣроятно, что выраженіе „маловѣріе“ есть поправка позднѣйшаго апологета, а не „невѣріе“. Последнее соотвѣтствуетъ также выраженію „родъ невѣрный“.

2) Въ текстѣ совсѣмъ нѣтъ никакого намека на то, что ихъ удивленіе происходило по поводу свѣта, исходящаго отъ лица Спасителя.

менно и для дѣйствительнаго рѣшенія возникшаго вопроса. Все тотчасъ же стихло, и тишина была преддверіемъ побѣды. Прежде, чѣмъ успѣли отвѣтить на вопросъ Учителя о причинахъ сильнаго спора ¹⁾, человекъ, подавшій къ нему поводъ, выступилъ впередъ. Смиренно („преклоняя предъ Нимъ колѣна“) (Маттеей), Онъ обратился къ Иисусу Христу. Наконецъ-то онъ нашелъ Того, котораго прибылъ разыскивать; и если есть возможность помочь, то о! пусть Онъ преподастъ эту помощь. Описывая симптомы болѣзни своего сына, которые были симптомами эпилепсіи или маніи,—хотя и отецъ отрока, и Иисусъ Христосъ справедливо приписывали эту болѣзнь вліянію демоновъ,—отецъ разсказалъ, какъ онъ пришелъ искать Учителя, но нашелъ только девять учениковъ, и какъ они смѣло пытались и не могли совершить исцѣленія.

Почему не могли? По той же причинѣ, по которой не были взяты на гору Преображенія, потому что были „невѣрны“, „по невѣрію“ своему. Ученики обладали внѣшней вѣрой въ то, что *probatum est* („доказано“); они вѣрили въ то, что видѣли; и они приблизились ко Христу,—по крайней мѣрѣ почти всѣ изъ нихъ, хотя и въ разной мѣрѣ,—болѣе какъ къ такому лицу, которое, и которое одно, говорило „глаголы вѣчной жизни“, которое съ удивительною силою утолило жажду ихъ души или сообщило имъ небесное спокойствіе. Но болѣе глубокой, болѣе истинной вѣры, которая состояла въ духовномъ созерцаніи того, что было невидимо во Христѣ, и той высшей силы, которая проистекаетъ изъ такого пониманія, ученики не имѣли. Съ вѣрой, какою они обладали, они произнесли нѣсколько разъ формулы заклинанія, пытаясь подражать своему Учителю. Но они потерпѣли неудачу, подобно семи священническимъ сыновьямъ въ Ефесѣ. Такая неудача учениковъ случилась не безъ намѣренія. Последнее заключалось въ томъ, чтобы и для учениковъ, и для насъ, обнаружился высшій смыслъ вѣры въ ея противоположности съ только внѣшнимъ могуществомъ, внутренняя наша пригодность для религіи въ противоположность съ пригодностью только внѣшней. Въ критическій мо-

¹⁾ Въ Марк. IX. 16 лучшее чтеніе: „Онъ спросилъ ихъ“, а не „книжниковъ“, какъ въ Т. Р. (и русск.).

ментъ, въ присутствіи вопрошающихъ княжниковъ, удивляющагося народа и при отсутствіи Христа, только одна сила и могла имѣть значеніе,—сила духовной вѣры; „сей же родъ“ не могъ быть изгнанъ иначе, какъ „только молитвою“¹⁾.

Таковъ урокъ, если его разсматривать въ органической связи со всѣмъ, что случилось со времени великаго искушенія въ Далмануеѣ, дающаго объясненіе всей настоящей исторіи. Мы можемъ на мгновеніе проникнуть взглядомъ въ душу Спасителя: Онъ преисполненъ былъ мучительной скорби и недовольства на невѣріе этого „рода невѣрнаго“ и „разерашеннаго“²⁾, которое Ему такъ много {приходилось терпѣть; беконечнаго терпѣнія и снисходительности, божественной „нужды“ терпѣть даже Своихъ, вмѣстѣ съ глубокимъ униженіемъ и сильнымъ мученіемъ, которыя при этомъ подразумѣвались; и почти тоской по родинѣ, какъ нѣкто называетъ это³⁾, Его души. Это таинства, предъ которыми намъ слѣдуетъ только преклоняться. Въ слѣдующій моментъ Иисусъ Христосъ обращается къ отцу. Лунатикъ приведенъ былъ, согласно повелѣнію Спасителя, къ Нему. Въ присутствіи Его и предъ началомъ борьбы между свѣтомъ и тьмою, начинается, подъ вліяніемъ демоновъ, одинъ изъ пароксизмовъ, какіе мы наблюдаемъ въ подобныхъ случаяхъ. Это совершилось на виду у всѣхъ. Но вопросъ о продолжительности страданій лунатика, вмѣстѣ съ отвѣтомъ, и сдѣланное отцомъ описаніе опасностей, которымъ сынъ его подвергался, очевидно, были направлены къ тому, чтобы дать урокъ о надобности высшей вѣры. Для отца же, который не зналъ, какъ обходился съ людьми небесный Врачъ, всѣ эти вопросы показались вопросами земного цѣлителя, обсуждавшаго симптомы болѣзни предъ ея лѣченіемъ. „Если что можешь, сжался надъ нами, и помоги намъ“.

Это было только естественно. И однако здѣсь именно самая сущность настоящаго разсказа, какъ относительно исцѣленія

1) Прибавка слова „пуста“ въ евангеліи Марка, вѣроятно, неподлинна. Она походитъ на позднѣйшую глоссу. Не невѣроятно, что Мате. XVII. 21 есть только неподлинная выставка изъ евангеліи Марка. Впрочемъ см. объ этомъ у *Мейера*.

2) Выраженіе: „родъ“ хотя и есть нарицаніе, обращенное ко всему народу, спеціально обращено однако къ ученикамъ.

3) *Годд*.

лунатика, такъ и относительно руководства, даннаго отцу, и урока для учениковъ, народа и княжниковъ. Тутъ все отличается спокойнымъ величіемъ божественнаго самосознанія, и однако тутъ нѣтъ и слѣда какого-либо самохвальства. Иисусъ Христосъ, совсѣмъ не обращая вниманія на слова „если что можешь“, обращается къ стоящему предъ Нимъ человѣку и говоритъ ему, что если въ присутствіи божественнаго Помощника и есть надежда на всякую помощь, то возможность ея полученія условливается однако внутреннимъ состояніемъ человѣка, его воспріимчивостью, его вѣрой. Не то важно, что Христосъ можетъ сдѣлать что-либо или даже все; а—то, что Онъ творить Свои чудеса на основаніи вѣры: „если сколько нибудь можешь вѣровать ¹⁾, все возможно вѣрующему“ ²⁾. Вопросъ не заключается и не можетъ заключаться въ томъ, о чемъ думалъ человѣкъ; на такой вопросъ не нужно и отвѣчать, не нужно обращать на него вниманія. Всегда слѣдуетъ спрашивать не о томъ, что Христосъ можетъ, а о томъ, что мы можемъ. Когда изливается безконечная полнота, какъ она всегда есть во Христѣ, то не въ ней бываетъ недостатокъ, а въ сосудѣ. Христосъ преподаетъ изобильно, источникъ неиссякаемъ, однако тутъ нѣтъ ничего механическаго. Единственное условіе при такомъ преподаваніи—нравственное, присутствіе въ насъ абсолютной вѣры, наша воспріимчивость. И такимъ образомъ вотъ какія слова сдѣлались навѣки поучи-

¹⁾ Доказательства изъ манускриптовъ, принятія большинствомъ современныхъ критиковъ (хотя и не каноникомъ *Лукомъ*, который представляется очень разсудительнымъ комментаторомъ) клонятся въ пользу чтенія и перевода: если только можешь. Все возможно и проч. Но мнѣ кажется, что такого рода отвѣтъ со стороны Христа не только не имѣетъ никакой параллели въ евангеліяхъ, но и отличается большою искусственностью,—если можно такъ выразиться, носятъ на себѣ слишкомъ западный характеръ. Древность манускрипта или манускриптовъ представляетъ изъ себя, конечно, одно изъ основаній, которыми нужно принимать во вниманіе при критикѣ текста. Я признаюсь, что придерживаюсь мнѣнія, по которому, не принимая древности и неповрежденности за одно и то же, толкователь долженъ заботиться о тщательномъ взвѣшиваніи и внутреннихъ основаній, говорящихъ за или противъ принятія такого или иного чтенія. Кроме того, въ настоящемъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, есть нѣкоторое затрудненіе относительно члена *тѣ*, если вычеркнуть *πιστεύσαι*, а это не такъ легко сдѣлать, какъ предполагаетъ *Мейеръ*.

²⁾ „Omnipotentiae Divinae se fides hominis, quasi organon, accommodat, ad recipiendum. vel etiam ad agendum“.—*Bengel*.

тельными для всякаго отдѣльнаго борца въ его борьбѣ за высшую жизнь, равно какъ и для Церкви въ ея цѣломъ: *in hoc signo vinces* ¹⁾),—слова, написанныя надъ крестомъ. Побѣда; побѣждающая мѣртъ, есть наша вѣра.

Таковъ былъ урокъ, истинность котораго засвидѣтельствована тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли слова Христа на пришедшаго къ нему человѣка. Онъ преодолѣлъ все однимъ порывомъ своей души и остановился на одномъ фактѣ выступившемъ предъ нимъ, почувствовалъ еще больше, чѣмъ прежде, что позади него находится мрачная бездна невѣрія. Но онъ также и прилѣпился ко Христу, ученіе котораго о вѣрѣ показало ему, вмѣстѣ съ ея возможностью, и ея источникъ. Такимъ образомъ, почувствовавъ чрезъ свою вѣру свое невѣріе, онъ получилъ истинную вѣру, и положился на божественнаго Спасителя, когда воскликнулъ и сказалъ ²⁾): „вѣрую, Господи! помоги моему невѣрію“ ³⁾). Эти слова сдѣлались историческими. Они начали обозначать всякую истинную вѣру, которая, именно какъ вѣра, сознаетъ свое невѣріе и даже подразумеваетъ его, но представляетъ его Христу, прося Его помощи. Какъ наиболѣе смѣлый порывъ вѣры, такъ и боязливое пребываніе у ногъ Спасителя, первый—начало, и второе—конецъ вѣры, одинаково имѣютъ эти слова своимъ девизомъ.

Такой вспль не могъ быть и никогда не бываетъ неслышаннымъ. Не подлежащее сомнѣнію вліяніе демона, продолжаясь въ больномъ человѣкѣ съ самаго дѣтства, почти уничтожило въ немъ всякую индивидуальность. Въ нѣкоторые свѣтлые промежутки въ теченіе минувшихъ многихъ лѣтъ больной никогда не стремился сбросить съ себя наложеннаго на него ига и снова овладѣть своею нравственною индивидуальностію; онъ не пришелъ бы даже и теперь, если бы его не привелъ отецъ его. Въ разсказѣ обнаруживается взглядъ, котораго держались на „бѣсноватыхъ“ евангелисты. Тутъ обнаружилась самая дѣйствительность, а не приспособленіе къ іудей-

1) „Спль побѣдильш.“—надпись надъ крестомъ, будто бы вилѣпнымъ императоромъ Константиномъ предъ его великой побѣдой и обращеніемъ въ христіанство.

2) Слова: „со слезами“ въ Т. Р. (п русск.) суть, очевидно, неподлинная прибавка.

3) Толкованіе *Мейера*: „не лишай мени Твоей помощи, несмотря на мое невѣріе“, представляется столь же безсодержательнымъ, какъ и толкованіе другихъ: „помогн мнѣ въ моемъ невѣрїи“.

скимъ взглядамъ, когда Спаситель, видя, что „сбѣгается народъ, запретилъ духу нечистому, сказавъ ему: духъ нѣмый и глухій! Я повелѣваю тебѣ, выйди изъ него, и впредь не входи въ него“.

Еще одинъ и самый сильный пароксизмъ, такъ что предстоящіе думали, что отрокъ мертвъ. Но духъ нечистый вышелъ изъ него. Спаситель Своею сильною рукою и кротко поднялъ отрока, и съ полнымъ любви движеніемъ, отдалъ его отцу.

Все было возможно для вѣры; не для внѣшней вѣры учениковъ, которые не могли справиться съ „симъ родомъ“, и не могутъ никогда справиться съ нимъ, но для истинной духовной вѣры во Христа. Такъ бываетъ во всякое время и съ каждымъ изъ насъ въ отдѣльности; такъ—и со всею Церковію. „Сей родъ“¹⁾, происходитъ ли онъ отъ грѣха, похоти, міра, или отъ ложной науки, искушеній, матеріализма, не выходитъ при помощи готовыхъ формулъ или мертвыхъ догматовъ. Не прекращаютъ такимъ образомъ плоть и діаволъ своей дѣятельности; не побѣждается такъ міръ. Сей родъ изгоняется не иначе, какъ только молитвою: „вѣрую, Господи! помоги моему невѣрію“. Тогда, хотя бы наша вѣра и была чрезвычайно мала или, по народному выраженію, была подобна „зерну горчичному“, а то, чего намъ нужно достигнуть, представлялось бы подвигомъ величайшимъ, труднѣйшимъ, повидимому превосходящимъ человеческую способность, тѣмъ, что на народномъ языкѣ называется „отодвиганіемъ горъ“²⁾ „ничего не будетъ невозможнаго“ для насъ. Это доказываютъ минувшіе девятнадцать вѣковъ страданія во Христѣ, освобожденія чрезъ Христа и дѣятельности ради Христа. Ибо все принадлежитъ намъ, если Христосъ—въ насъ.

Свящ. Михаилъ Оивейскій.

(Продолженіе будетъ).

1) Евеймій Зигабенъ (одинъ изъ великихъ византійскихъ богослововъ двѣнадцати вѣковъ) и другіе толкуютъ: „родъ всѣхъ демоновъ“. Но это—слишкомъ широкое приложеніе словъ Спасителя.

2) Объ употребленіи равнинами выраженія: „горчичное зерно“ было замѣчено раньше. Выраженіе: „вырывать“ или „отодвигать“ „горы“ было также proverbially у равниновъ. Такъ, одного равнина называли „вырывающимъ горы съ корнемъ“ (Бер., послѣдн. стр., строчка 5 снизу; и Горай. 14a) или превращающимъ ихъ въ прахъ (Санг. 24a). Выраженіе употребляется также для обозначенія явно невозможнаго, напр. того, что заставляло человѣка дѣлать какое-нибудь лзыческое правительство. (Баба Б. 36).

ПИСАТЕЛЬ—ХРИСТИАНИНЪ.

ПАМЯТИ Н. В. ГОГОЛЯ ¹⁾.

„При мысли о всякомъ поэтѣ представляется больше или меньше личность его самого“—говоритъ Гоголь въ своей статьѣ о русской поэзіи. Эти слова особенно примѣнимы къ поэту съ лирическимъ настроеніемъ, какимъ и былъ самъ Гоголь. Попытаемся-же прослѣдить развитіе литературной дѣятельности великаго писателя и въ связи съ этимъ опредѣлить основныя черты его міросозерданія.

Первые свои литературные опыты Гоголь посвящаетъ изображенію быта и природы Малороссіи. Быстрое разочарованіе въ боготворимой прежде столицѣ, съ которой его юношескія мечты соединяли столько свѣтлыхъ надеждъ и ожиданій, заставили Гоголя оглянуться назадъ, и въ немъ снова вспыхнуло чувство горячей любви къ родной Украинѣ со всею непосредственностію пылкаго молодого увлеченія. Плодомъ этого обращенія къ родинѣ, съ ея богатой народной поэзіей, фантастическими преданіями и повѣрьями, съ оригинальнымъ бытомъ ея жителей, являются „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. Это были еще юношескія, свѣжія вдохновенія поэта, свѣтлыя, какъ украинское небо: все въ нихъ ясно и весело, самый смѣхъ простодушенъ и свѣтелъ; еще не слышать того грустнаго смѣха, который послѣ является „единственнымъ честнымъ лицомъ“ въ поэтическихъ произведеніяхъ Гоголя. Оттого здѣсь

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ актовомъ залѣ Харьковской Духовной Семинаріи 19-го февраля, на литературномъ вечерѣ въ память Н. В. Гоголя.

легко и свѣтло на душѣ читателя, какъ свѣтло и легко на душѣ самого поэта: „надъ нимъ какъ будто еще развернулось—говорить Аполлонъ Григорьевъ ¹⁾—синимъ шатромъ его родное небо, онъ еще вдыхаетъ благоуханіе черемухъ своей Украйны“. Все, что можетъ имѣть природа прекраснаго, сельская жизнь простолюдина увлекательнаго; все, что народъ можетъ имѣть оригинальнаго, типическаго,—все это, по словамъ Бѣлинскаго, радужными цвѣтами блеситъ въ этихъ первыхъ поэтическихъ созданіяхъ Гоголя ²⁾. Все это еще свѣтло и чудно, какъ лепетъ ребенка, какъ сказка народа. Обаятельная веселость автора имѣла тогда своимъ источникомъ безграничную вѣру въ собственныя силы, въ свѣтлую звѣзду счастья, манившую его въ безпредѣльный просторъ жизни. Охлаждающія юношескій пылъ неудачи, дразги и мелочи обыденной колеи жизни еще не успѣли подорвать въ Гоголѣ его лучшія мечты. Напротивъ, въ часы горя и грусти, когда на него „находили—какъ онъ самъ говоритъ ³⁾—припадки тоски“, онъ еще сохранялъ счастливую способность находить убожище отъ мрачной дѣйствительности въ неистощимомъ колейдоскопѣ чудныхъ созданій своего генія. Гоголь находилъ наслажденіе погружаться на нѣкоторое время въ поэтическую музыку очаровательныхъ видѣній, и пока беззаботно рисовалъ въ своемъ представленіи очаровательныя картины природы, плѣнительныя образы, дорогія, при всемъ своемъ комизмѣ, стороны родного украинскаго быта ⁴⁾.

Но годы шли, и жизнь налагала на Гоголя свою тяжелую руку. Онъ пріѣхалъ изъ Петербурга домой уже не тѣмъ счастливымъ, исполненнымъ свѣтлыхъ надеждъ юношей, какимъ полетѣлъ въ столицу три года назадъ съ своимъ другомъ Данилевскимъ. За этотъ промежутокъ времени его постепенно оставило дорогое въ жизни увлеченіе радужнымъ царствомъ молодыхъ мечтаній, которыми такъ украшается юность, пред-

¹⁾ Соч. А. Григорьева. 1876 г. I т. 15—16.

²⁾ Сочин. Бѣлинскаго. 1888 г. I ч. 225.

³⁾ „Авторская Псалтырь“. Сочин. Н. В. Гоголя. Редакція Н. С. Тихонравова. Изд. Маркса. 1900 г. VIII т. 24.

⁴⁾ В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. II т. 101.

ставляющая міръ въ своемъ пылкомъ воображеніи усыпаннымъ цвѣтами триумфальнымъ путемъ. И когда эта розовая пелена спала, во всей ужасающей наготѣ сталъ раскрываться передъ поэтомъ страшный омутъ житейской пошлости. Онъ глубоко, по словамъ Шенрока ¹⁾, почувствовалъ трагизмъ жизни, всегда скрытый подъ ея будничной монотонностью, и многое изъ знакомаго ему съ ранняго дѣтства предстало его вдумчивому взору въ иномъ свѣтѣ, а въ близкомъ будущемъ Гоголя ожидалъ тотъ же Петербургъ, но уже лишенный прежняго обаянія. Данный ему отъ Бога, по его собственному признанію, драгоценный даръ слышать душу человѣка; необыкновенная чуткость въ пониманіи свойствъ человѣческой натуры, поразительное умѣнье схватывать эти свойства и мѣткими штрихами выливать ихъ въ живой цѣлостный образъ—эти рѣдкія творческія способности скоро обращаются на изображеніе отрицательныхъ явленій жизни. И какъ нѣкогда пѣвецъ слова о полку Игоревѣ, вмѣсто дорогихъ ему свѣтлыхъ замышленій Баяна, долженъ былъ пѣть „по былинамъ сего времени“, т. е. какъ подсказывала печальная дѣйствительность, такъ и Гоголю скоро пришлось разстаться съ безпечной радостью художника. „Вечера на хуторѣ“ ²⁾—это пѣсни Баяна; отголосокъ ихъ слышится и въ „Миргородѣ“: въ эпопеѣ о Тарасѣ Бульбѣ и въ повѣсти „Вій“, гдѣ, по словамъ Аполлона Григорьева, вся природа говоритъ съ поэтомъ шелестомъ травъ и листьевъ въ прозрачную лѣтнюю ночь. Но и въ „Тарасѣ Бульбѣ“ беззаботный смѣхъ читателя, возбужденный особенно началомъ повѣсти, постепенно переходитъ въ тяжелую сосредоточенную грусть, уступающую лишь по временамъ мѣсто поэтическому восторгу, при описаніяхъ напр. степи, Запорожской Сѣчи. И въ легендѣ о Вій въ безвыходной тоскѣ, въ замираніи сердца мчащагося съ вѣдьмой по безбрежной степи философа Хомы Брута несомнѣнно слышится тоска самого поэта и невольно переходитъ на читателя. „Простодушно, какъ и прежде, говоритъ тотъ же критикъ, принялся было онъ чертить фигуры Аѳанасія Ивановича и Пуль-

¹⁾ Тамъ же 123.

²⁾ За исключеніемъ развѣ пов. „Страшная Местъ“.

хери Ивѣковны и остановился въ тяжеломъ раздумьи предъ страшнымъ трагическимъ *fatum*, лежащимъ въ самой непосредственности этихъ отношеній; съ гиперболически-веселымъ юморомъ изобразилъ бесплодна существованія Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича и, кончая свои картины, вынужденъ былъ однако воскликнуть: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“¹⁾ Съ этой минуты уже обильно потекли „сквозь видимый міру смѣхъ“ „незримыя, невидимыя слезы“. Онѣ чуются и далѣе: въ Петербургскихъ повѣстяхъ (напр. въ повѣсти „Шинель“—въ судьбѣ смиреннаго Акакія Акакіевича) и въ знаменитой комедіи „Ревизоръ“, гдѣ, по словамъ автора, грустный смѣхъ выступаетъ единственнымъ честнымъ и карающимъ лицомъ, и наконецъ, въ великой, по своимъ замысламъ, поэмѣ „Мертвыя Души“.

Весьма любопытенъ процессъ творчества Гоголя въ только-что указанныхъ произведеніяхъ и поучительны основы его міросозерцанія, постепенно раскрывающіяся въ его литературной дѣятельности.

Ключъ къ пониманію Гоголя даютъ намъ его статьи и письма, особенно „Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ и „Авторская Исповѣдь“. Онѣ говорятъ намъ, что міросозерцаніе Гоголя было *строго-христіанское міросозерцаніе*, что въ основѣ изображенія отрицательныхъ явленій жизни лежало глубокое христіанское смиреніе, строгое проникновеніе въ свою душу, беспощадное самоосужденіе, съ одной стороны, и горячая братская любовь къ падшему человѣку—съ другой. Въ своихъ герояхъ Гоголь видѣлъ отраженіе чувствъ и настроеній, жившихъ и въ его великой душѣ. Объ этомъ онъ такъ свидѣтельствуется въ своей „Перепискѣ“: „Герои мои—пишетъ онъ—потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія—исторія моей собственной души. А чтобы лучше все это объяснить, опредѣлю себя самого какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирали кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что ни у одного еще писателя не было этого дара—выставлятъ такъ ярко

¹⁾ Сочин. А. Григорьева. I т. 16—17.

пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула-бы крупно въ глаза всѣмъ“. Признавая, что въ этомъ заключается сущность его таланта, Гоголь говоритъ: „этотъ талантъ остался-бы бесплоднымъ, если бы съ нимъ не соединилось мое душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія“. Раскрывая это душевное обстоятельство, Гоголь пишетъ слѣдующія многозначительныя слова: „Никто изъ читателей моихъ не зналъ, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мной. Во мнѣ не было какого-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока—продолжаетъ онъ—который высунулся бы виднѣе прочихъ моихъ пороковъ, все равно какъ не было также ни одной картинной добродѣтели, которая могла-бы придать мнѣ какую-нибудь картинную наружность; но, вмѣсто того, во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу. Онъ поселилъ мнѣ также въ душу уже отъ рожденія моего нѣсколько хорошихъ свойствъ, но лучшее изъ нихъ было желаніе быть лучшимъ. Я сталъ—говоритъ Гоголь—надѣлать своихъ героевъ, сверхъ ихъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ“¹⁾. „Обстоятельство“, которое дало возможность развиться таланту Гоголя, его способности выставить „пошлость пошлаго человѣка“, именно и заключалось въ такомъ покаянномъ настроеніи его души. Въ высшемъ христіанскомъ смиреніи—вотъ гдѣ, по словамъ одного публициста и цѣнителя сочиненій Гоголя²⁾, нужно искать разгадку его творчества. Трудно гордому, высоко цѣнящему себя человѣку стать на одну доску съ заурядными, въ его глазахъ, мелкими людьми; трудно пережить ихъ жизнь, переболѣть ихъ язвами, перестрадать ихъ страданіемъ; трудно признать ихъ равными себѣ людьми; трудно найти въ своей душѣ

1) Сочин. Н. В. Гоголя, VII т. 85—87.

2) Ю. Николаевъ (Говоруха-Отрокъ). См. его статью: „Чему насъ учить Гоголь?“ въ одномъ изъ февральскихъ №№ „Моск. Вѣд.“ за 1892 годъ.

тѣ же язвы, тѣ же недостатки, тѣ же несовершенства, какъ и въ душѣ этихъ людей. Для этого нужно понять и почувствовать всю безконечную ничтожность каждаго изъ насъ, и умнаго и глупаго, и добродѣтельнаго и грѣховнаго, предъ тою Высшею Правдой, которая сіяетъ вѣчною укоризною исполненной лжи и грѣха жизни; для этого надо понять, что всѣ мы безмѣрно виновны передъ Тѣмъ, Кто подъялъ на Себя грѣхи міра. И какъ тусклая свѣча и самый яркій свѣтильникъ разнятся между собою, пока вѣтъ солнца, которое сразу затмевая ихъ ничтожный блескъ, уничтожаетъ это пустое различіе; такъ и предъ солнцемъ вѣчной Правды, предъ солнцемъ лика Христова ступеваются мелкіе и ничтожные людскіе добродѣтели и пороки, сливаясь въ одномъ тонѣ достоинства и грѣховности человѣческой. Гоголь понималъ, что лишь съ такимъ чувствомъ сознанія своей грѣховности, сознанія *и своей виновности* во злѣ міра и жизни, можетъ художникъ приступить къ изображенію отрицательныхъ сторонъ жизни; ибо только тогда можетъ онъ полюбить мелкаго и пошлаго человѣка, признать въ немъ человѣка равнаго себѣ и брата своего; ибо только тогда будетъ онъ его судить не какъ гордый и самодовольный человѣкъ, своимъ судомъ, судомъ своей гордыни,—только тогда будетъ онъ судить его не во имя отвлеченной идеи, не во имя своего мнимаго превосходства, не тѣмъ судомъ, какимъ евангельскій фари́сей судилъ мытаря, но во имя правды Божіей, тѣмъ судомъ, какимъ кающійся христіанинъ судитъ самого себя, какимъ судилъ Гоголь и самъ себя въ своей „Перепискѣ“ и въ своей „Исповѣди“. И вотъ эти-то *любовь* и *смиреніе* освѣтили предъ Гоголемъ душу человѣческую, душу, на обычный взглядъ, мелкаго и пошлаго человѣка, такъ что „всѣ изгибы“ этой души „наружу вышли“. Только благодаря такому отношенію къ дѣйствительности Гоголь, какъ художникъ, „не радуется неправдѣ, но сорадуется истинѣ“ ¹⁾. Христіанская, братская любовь къ человѣку, какъ-бы ни былъ онъ ничтоженъ, помогла Гоголю найти проблески этой истины и среди непроглядной

¹⁾ Тамъ же.

тмы убожества и пошлости человѣческой. Въ этомъ отноше-
ніи особенно интересна его повѣсть „Шинель“, которою Го-
голь даетъ быть можетъ самый глубокій, самый жестокій урокъ
человѣческому высокомерию. Въ другихъ своихъ произведе-
ніяхъ онъ какъ-бы говоритъ читателю: „всмотри въ свою
душу,—и увидишь, что ты не лучше всѣхъ этихъ, на твой
взглядъ, смѣшныхъ и пошлыхъ людей, этихъ Маниловыхъ и
Поздрыхъ, Хлестаковыхъ и Бобчинскихъ“; въ „Шинели“,
по мнѣнію того же критика, дѣло поставлено иначе. Смирен-
нѣйшимъ образомъ Акакія Акакіевича великій художникъ
говоритъ: „посмотри,—ты хуже этого, на твой взглядъ смѣш-
ного, ничтожнаго, забытаго чиновника, котораго ты не хочешь
признать даже человѣкомъ“. Многія страницы этой прекрас-
ной повѣсти приводятъ на мысль евангельское изреченіе:
„Блаженны кроткіе“... Если не такъ, то какая-же—спраши-
ваетъ онъ—главная черта нравственнаго образа Акакія Ака-
кіевича? То, что онъ забитъ, то—что онъ не далекъ умомъ,
то—что онъ ничтоженъ и смѣшенъ? Но развѣ нѣтъ людей
столь же забытыхъ, столь же недалекихъ умомъ, столь же
ничтожныхъ и смѣшныхъ, но съ злымъ, дурнымъ сердцемъ,
которые злобно несутъ „бремя жизни“, которые, если по своему
безсилію не могутъ выразить дѣйствіемъ свою злобу, то пи-
таютъ ее въ сердцѣ своемъ? А Акакій Акакіевичъ несъ это
„бремя“ кротко, и не было дурного чувства въ его кроткомъ
сердцѣ. Этотъ ничтожный и забытый чиновникъ былъ „кро-
токъ и смиренъ сердцемъ“ во всемъ значеніи этихъ святыхъ
словъ. Этою кротостію онъ побѣдилъ совѣсть оборвавшаго
его генерала, благодаря этому сердечному смиренію его лицо
изъ ничтожнаго типа, въ изображеніи великаго художника,
вырастаетъ до размѣровъ лица трагическаго... Такое впечат-
лѣніе, по мнѣнію почтеннаго критика, производитъ эта повѣсть
Гоголя, въ которой заключено грозное и суровое обличеніе
всѣхъ не желающихъ или боящихся глубоко заглянуть въ
свою душу... 1)

При всемъ уваженіи къ христіанскому смиренію Акакія

1) См. тамъ же.

Акакiевича, мы все же далеки отъ признанiя его положительнымъ типомъ: пошлость и убожество интересовъ жизни слишкомъ сильно даютъ себя знать въ этой личности. Далѣе авторъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ чуднымъ дѣйствиемъ своего таланта и беспощаднаго анализа все глубже и глубже погружается въ „страшную, по его собственнымъ словамъ, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь“, и „крѣпкою силою неумолимаго рѣзца“ выставляетъ всѣ эти дѣйствительно *мертвыя души*, во главѣ съ Плюшкинымъ-возмутительною „прорѣхою на человѣчествѣ“, „выставляетъ выпукло и ярко на всенародныя очи“. Недаромъ Пушкинъ, этотъ, по словамъ Гоголя, охотникъ до смѣха, при чтенiи авторомъ своей знаменитой поэмы, съ каждой страницей становился все мрачнѣе и мрачнѣе и наконецъ голосомъ тоски произнесъ: „Боже, какъ грустна наша Россiя!“¹⁾ Что же долженъ былъ переживать самъ Гоголь съ его нещаднымъ самоанализомъ, со взятою на себя тяжелою задачей входить въ нечистыя души своихъ героевъ, принимать на себя ихъ отвратительный видъ и лицедѣйствовать за нихъ передъ читателями! Онъ изнемогалъ... Тягость подъятаго на себя подвига тѣмъ больше подавляла его, что онъ зналъ, какъ взглянетъ на автора читающее общество. Онъ зналъ, и завидовалъ писателю, который „не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не спускался съ вершины своей къ бѣднымъ ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы“. Онъ зналъ это, и жаловался на удѣлъ писателя, „дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю глубину пошлыхъ повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная, дорога“. Онъ предвидѣлъ, что современный судъ не пойметъ ни величiя его художественнаго творчества, ни высоты христіанскаго подвига; что этотъ судъ „назоветъ ничтожными и низкими лелѣянныя имъ созданiя, отведетъ ему презрѣнный уголь въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество; при-

¹⁾ Сочиненiя Н. В. Гоголя. VII т. 87.

дать ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметь у него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта“¹⁾).

Вмѣстѣ съ процессомъ творчества Гоголя совершался, по его признанію, и процессъ его духовнаго очищенія. „Я не люблю моихъ мерзостей—говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ по поводу „Мертвыхъ Душъ“—и не держу ихъ руку, какъ мои герои: я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними и буду воевать, и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ... Я уже отъ многихъ моихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними смѣяться“²⁾). Чѣмъ чище становилась душа поэта, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ онъ потребность исхода изъ этого „страшнаго, по выраженію С. Т. Аксакова, сборища человѣческихъ уродовъ“, необходимость примиренія, стремленіе къ изображенію возвышенныхъ идеаловъ христіанскихъ. Это примиреніе и эти идеалы, въ общихъ чертахъ, входили въ намѣченный планъ великой, по свой первоначальной задачѣ, поэмы „Мертвыя Души“ и уже предносились вдохновенному взору поэта въ періодъ работы надъ первымъ томомъ. Онъ говоритъ—въ VII гл.—что будетъ время, „когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенія подыметъ изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистаніе главы, и почувють, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей“. Первый томъ, по сравненію Гоголя, это еще только „сѣрое, закопченное дымомъ предмѣстье къ великолѣпному городу“, въ который онъ намѣревался ввести своего читателя.

Въ натурѣ Гоголя заключена была особенная тоска *по иной жизни*, никогда не дававшая ему покоя. И чѣмъ выше становился взглядъ его на искусство, тѣмъ строже былъ онъ къ себѣ, какъ человѣку; такъ какъ искусство было для него только средствомъ къ устремленію ближняго туда, куда онъ самъ стремился—въ міръ свѣтлыхъ христіанскихъ идеаловъ. Поэтому онъ часто оставлялъ въ бездѣйствіи свой поэтический талантъ и вмѣсто творческой работы воспитывалъ свою душу

1) Поэма „Мертвыя Души“. VII гл.

2) Сочин. Н. В. Гоголя. VII т. 89—90.

нѣ любви и разумѣ христіанскомъ ¹⁾. Поставивъ себѣ цѣлю представить въ дальнѣйшемъ продолженіи своей поэмы такія явленія русской натуры, которыя бы подвинули читателя впередъ уже не отвращеніемъ только отъ низкаго и дурнаго, но и пламеннымъ сочувствіемъ къ высокому и прекрасному, Гоголь заглянулъ въ свой внутренній міръ. Произведя анализъ своей собственной души, онъ убѣдился, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ души человѣческой нельзя по одному только воображенію. „Пока не станешь самъ—говорить онъ въ своей „Перепискѣ“—хоть сколько нибудь походить на добродѣтельнаго человѣка, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое, и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды“ ²⁾. Въ одномъ изъ писемъ къ Шереметевой, Гоголь, прося молиться о немъ, пишетъ: „мнѣ нужно быть слишкомъ чисто душой. Долгое воспитаніе еще предстоитъ мнѣ, великая, трудная лѣстница“ ³⁾. Смирновой онъ писалъ: „нужно мнѣ самому состроиться и создаться прежде, чѣмъ думать о томъ, чтобы состроились и создались другіе. Нельзя изглашать святыни, не освятивши прежде сколько нибудь свою собственную душу, и не будетъ сильно и свято наше слово, если не освятимъ самыя уста, произносящія слово“ ⁴⁾. Къ людямъ, одареннымъ высшими творческими силами, Гоголь предъявлялъ до аскетизма строгія религіозно-нравственныя требованія. Какъ избранники Божіи, поэты и художники призваны къ высшему совершенству. Въ повѣсти „Портретъ“ (во 2 й ея редакціи) Гоголь изображаетъ разившійся въ его представленіи идеаль такого художника. Цѣлымъ рядомъ аскетическихъ подвиговъ художникъ доходитъ до такого пониманія искусства: „Блаженъ избранникъ—говорить онъ—владѣющій высшею тайною созданья... Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ и по тому одному оно уже выше всего. И во сколько

¹⁾ Записки о жизни Н. В. Гоголя. 1856 г. I т. 338.

²⁾ Сочин. Н. В. Гоголя. VII т.. 90.

³⁾ Записки о жизни Н. В. Гоголя. I т. 280.

⁴⁾ В. И. Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя. IV т. 203.

разъ торжественный покой выше всякаго волненія мірскаго; во сколько разъ творенье выше разрушенья; во сколько разъ ангель одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны,— во столько разъ выше всего, что ни есть на свѣтѣ, высокое созданіе искусства... Оно не можетъ поселить ропота въ душу, но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу¹⁾. Такимъ образомъ искусство прямо становится не только дѣломъ религіознымъ, но дѣломъ подвижничества, самымъ высшимъ дѣломъ человѣка на землѣ. Такое пониманіе искусства Гоголю было неимовѣрно трудно сочетать съ его величайшимъ природнымъ талантомъ юмориста, и въ этомъ сочетаніи, въ этой борьбѣ въ личности Гоголя художника-юмориста съ христіанномъ-подвижникомъ проходитъ вся вторая половина его литературной дѣятельности. Озаренный идеей высшаго призванія, Гоголь среди постоянныхъ подвиговъ самоусовершенствованія усиленно работаетъ надъ созданіемъ свѣтлыхъ, положительныхъ типовъ. Но несвойственная природному таланту работа, не имѣвшая притомъ твердаго основанія въ дѣйствительной жизни, не удовлетворяетъ строгаго и чуткаго къ слову писателя,—и плоды пятилѣтнихъ напряженныхъ трудовъ надъ II томомъ летятъ въ огонь... Однако заботы о ближнемъ, сознаніе нравственной отвѣтственности писателя, желаніе загладить дурное вліяніе многихъ, недостойныхъ, по его мнѣнію, страницъ въ прежнихъ сочиненіяхъ, которыми быть можетъ принесено въ міръ не мало соблазну; стремленіе внести въ жизнь христіанскій свѣтъ и счастье—не оставляютъ Гоголя. Выходятъ изъ печати „Избранныя мѣста изъ Переписки съ друзьями“. Извѣстно, какъ была встрѣчена эта „Переписка“ читателями, съ нетерпѣніемъ ожидавшими художественнаго продолженія „Мертвыхъ Душъ“. Изъ среды страшно разочарованнаго въ своихъ ожиданіяхъ общества и со страницъ критики посыпался на писателя градъ тяжелыхъ упрековъ и обвиненій, крайне обидныхъ и оскорбительныхъ

1) Сочин. Н. В. Гоголя. III т. 84.

предположеній. Упрекали Гоголя въ измѣнѣ своему литературному знамени; говорили, что въ его душевномъ настроеніи произошелъ какой-то печальный переломъ, близко граничащій съ сумасшествіемъ; уличали въ ханжествѣ, укоряли во лжи и лицемеріи. Причину такихъ отношеній къ писателю отчасти можно усматривать въ трудности пониманія самой личности Гоголя современниками. „Натура Гоголя, пишетъ С. Т. Аксаковъ, лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура—въ вѣчномъ движеніи, въ борьбѣ съ человѣческими несовершенствами—ускользала не только отъ наблюденія, но даже иногда отъ пониманія людей самыхъ близкихъ Гоголю. Они нерѣдко убѣждались, что иногда не вдругъ понимали Гоголя, и только время открывало, какъ ошибочны были ихъ толкованія, какъ чисты, искренни его слова и поступки. Дѣло, впрочемъ, понятное: нельзя вдругъ оцѣнить и повѣрить тому чувству, котораго самъ дѣйствительно не имѣешь, хотя безпрестанно говоришь о немъ“¹⁾. И „вотъ надъ живымъ тѣломъ еще живущаго чело-вѣка производилась, по словамъ Гоголя, та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ“²⁾. Лишь очень немногія, единичныя личности воздали должную дань уваженія мужеству христіанина и патріота, признали въ этомъ трудѣ великій умилительный подвигъ сердечнаго раскаянія, увлекательное изображеніе истинъ Православной Церкви, выраженіе нѣжнѣйшей сыновней любви къ великому отечеству; немногіе почувствовали и оцѣнили красоту мыслей и чувствъ писателя. Не поняли современники Гоголя, не понимаютъ его многіе и въ наше время... Отголоски указанныхъ мнѣній, укоризнъ и упрекъ пережили полувѣковой юбилей его смерти, и потому позволимъ себѣ немного на нихъ остановиться.

¹⁾ Записки о жизни Н. В. Гоголя. II т. 239.

²⁾ „Авторская Исповѣдь“. Соч. Н. В. Гоголя. VIII т. 17.

Достоевскій свою прекрасную рѣчь при открытіи памятника Пушкину заканчиваетъ такими знаменательными словами: „онъ (т. е. Пушкинъ) оставплъ намъ великую тайну, и вотъ эту тайну мы теперь разгадываемъ“... Эти заключительныя слова гораздо болѣе примѣнимы къ Гоголю. Гоголь не довершилъ своего подвига: онъ оставилъ намъ лишь на-половину возведенное величественное зданіе, да и это на-половину возведенное зданіе онъ оставилъ намъ вчернѣ. И вотъ проникнуть нѣсколько въ эту тайну личности и творчества великаго писателя, намъ кажется, можно только съ христіанской точки зрѣнія. Гоголь, какъ художникъ, имѣеть достоинства и значеніе, которыя каждый цѣнитъ сообразно съ своимъ вкусомъ и понятіемъ о литературѣ; но тотъ еще немного узналъ, кто изучилъ его, какъ художника. Человѣкъ-христіанинъ, по мнѣнію Кулиша, одного изъ первыхъ его біографовъ, въ немъ былъ выше всего, и дѣйствіе его, какъ возвышеннаго христіанина, на общество—когда онъ объяснится весь, когда онъ дастъ себя почувствовать каждому свѣжему сердцу—будеть можетъ быть несравненно важнѣе по своимъ послѣдствіямъ, нежели дѣйствіе его поэтическихъ произведеній. „Значеніе писемъ моихъ, говоритъ Гоголь въ одномъ письмѣ къ матери, узнается послѣ“. Старайтесь лучше видѣть во мнѣ христіанина и человѣка—писалъ опъ къ ней-же—чѣмъ литератора“¹⁾. „Наше западничество, говоритъ ранѣе приводимый нами критикъ и публицистъ (Ю. Николаевъ), никогда не могло понять Гоголя—онъ стоялъ просто внѣ его пониманія. Все отношеніе нашего западничества къ Гоголю выразилось въ извѣстномъ письмѣ Бѣлинскаго. Въ „Перепискѣ съ друзьями“ и „Авторской Исповѣди“ видѣли не ключъ къ пониманію художественныхъ созданій Гоголя, а какъ бы актъ его отреченія отъ собственныхъ произведеній“.—Нѣтъ основанія усматривать и внезапный какой-то переворотъ въ духовномъ настроеніи Гоголя. Религіозно-нравственное начало всегда было основаніемъ духовнаго склада Гоголя. Его унаслѣдовалъ онъ отъ родителей,

¹⁾ Записки о жизни Н. В. Гоголя. I т. 339.

вынесъ изъ родного дома, хранилъ какъ святыню это наслѣдіе и пронесъ его, по словамъ профессора Лавровскаго, невредимо чрезъ всѣ стадіи своей жизни ¹⁾). Можно думать, что мысль о путешествіи въ Св. Землю не впервые возникла у Гоголя въ послѣдній періодъ его жизни. Замѣчательно, по мнѣнію того же профессора ²⁾, что въ одной изъ повѣстей, написанной еще въ 1833 году, онъ упоминаетъ о путешествіи Коробейникова ко святымъ мѣстамъ. А вотъ его поэтическое обращеніе къ Палестинѣ въ прекрасной статьѣ „Жизнь“, относящейся еще къ 1831 году, когда ему было всего 21 годъ: „Каменистая земля; презрѣнъ народъ; немногочисленная весь прислонилась къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка неровно отгнѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградой стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ Младенецъ; надъ Нимъ склонилась непорочная Мать и глядитъ на него исполненными слезъ очами; надъ Нимъ высоко стоитъ въ небѣ звѣзда и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ. Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глинула прекрасная Греція; опустили очи Римъ на желѣзные свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами-пастырями; нагнулся Араратъ-древній прапращуръ земли“ ³⁾). Припомнимъ также прекрасное изображеніе инока Григорія въ повѣсти „Портретъ“, относящейся почти къ тому же времени, изображеніе, которое, кажется, съ небольшими измѣненіями можетъ быть примѣнено къ позднѣйшему настроенію самого Гоголя: „онъ находился въ томъ состояніи души, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ испытываетъ сильныя, нестерпимыя несчастія; когда, желая собрать всю силу, всю желѣзную силу души и не находя ее довольно мощною, весь повергается въ религію, и чѣмъ сильнѣе гнетъ его несчастій, тѣмъ пламеннѣе его духовныя созерцанія и молитвы“ ⁴⁾). Такихъ проявленій глубоко-религіознаго

¹⁾ „Духовная организація Гоголя“. Ист. Хр. Шоковскаго. V вып 320.

²⁾ Тамъ же 321.

³⁾ Сочин. Н. В. Гоголя. X т. 7.

⁴⁾ IX т. 214.

настроенія души Гоголя, задолго до 40-хъ годовъ, чуть не съ самаго дѣтства, можно привести много, и они неопровержимо свидѣтельствуютъ, что это настроеніе съ каждымъ годомъ возрастало и усиливалось, пока не стало господствующимъ и не овладѣло всѣмъ его существомъ. „Намъ кажется—писать тотъ же профессоръ—нѣтъ никакой надобности отыскивать чрезвычайныя, особенныя, внезапныя причины для его объясненія. Это настроеніе было слѣдствіемъ совершенно развившагося психическаго процесса. Собственно никакого внезапнаго переворота въ духовномъ состояніи Гоголя не произошло ¹⁾. Его болѣзнь осенью 1840 года могла только содѣйствовать ускоренію давно начавшагося процесса“—²⁾. Давно пора оставить и басню о сумасшествіи Гоголя, да она, впрочемъ, кажется, уже и оставлена.—Самымъ тяжкимъ упрекомъ былъ несомнѣнно упрекъ въ лицемеріи, ханжествѣ, во лжи. „Не могу скрыть, пишетъ Гоголь въ „Авторской Исповѣди“, что меня еще болѣе опечалило, когда люди умные и притомъ нераздраженные, провозгласили печатно, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего новаго, что же и ново въ ней, то ложь, а не истина. Это показалось мнѣ жестоко. Какъ бы то ни было, но въ ней есть моя собственная исповѣдь, въ ней есть изліяніе и души и сердца моего. Я еще не признаю публично безчестнымъ человѣкомъ, которому бы никакого довѣрія нельзя было оказывать. Я могу ошибаться, могу попасть въ заблужденіе, какъ и всякій человѣкъ; могу сказать ложь, въ томъ смыслѣ, какъ и всякъ человѣкъ есть ложь. Но назвать все, что излилось изъ души и сердца моего, ложью—это жестоко“ ³⁾. Искренность въ словѣ и дѣлѣ и оправданіе слова жизнію, напротивъ, было отличительною чертою Гоголя. Всего замѣчательнѣе въ его сужденіяхъ о жизни именно то, что онъ всякую идею примѣривалъ сперва къ себѣ и потомъ уже пускалъ ее въ ходъ для служенія ближнимъ. Онъ не былъ похожъ на тѣхъ, которые заботятся о воздержаніи прочихъ, не зная никакихъ пре-

¹⁾ То же говорятъ и Пыпинъ въ своей Исторіи Русской Литературы. IV т. 487.

²⁾ „Духовная организація Гоголя“. 322.

³⁾ Сочин. Н. В. Гоголя. VIII т. 22.

дѣловъ собственнымъ прихотямъ. Онъ вѣхалъ на долгихъ и разсуждалъ объ упрощеніи помѣщичьяго быта. Онъ утверждалъ, что такія религіозныя учрежденія, какъ Оптиная пустынь, распространяютъ благочестіе въ народѣ, и подтверждалъ искренность своего убѣжденія своимъ посѣщеніемъ иноческихъ обителей и молитвами въ нихъ. Онъ говорилъ, что нѣтъ выше званія монаха,—и самъ велъ жизнь почти аскетическую. Онъ проповѣдывалъ терпѣніе и исполненіе ближайшаго своего долга, утверждая, что общество тогда только исправится, когда всякій честный человѣкъ займется собою и будетъ жить, какъ христіанинъ,—и явилъ въ себѣ образецъ терпѣнія изумительнаго. „Это была, по словамъ Кулиша, истинно-геніальная, самообразующая себя натура, въ которой передъ нашими глазами совершилась борьба добрыхъ началъ съ злыми, въ одобреніе и въ назиданіе всѣхъ созерцавшихъ ее“ ¹⁾. И новѣйшіе изслѣдователи жизни и сочиненій Гоголя, которыхъ уже никакъ нельзя заподозрить въ пристрастномъ отношеніи къ нему, отдають должную дань уваженія его искренности. „Никто изъ русскихъ писателей—говоритъ Пыпинъ въ своей Исторіи Русской Литературы ²⁾—не ставилъ такъ высоко своего идеала, какъ Гоголь, не былъ преданъ ему такъ страстно, не выносилъ для него такой мучительной борьбы. Онъ не хотѣлъ довольствоваться уступками и условными формами, съ которыми связано столько лжи, и искалъ въ жизни и въ искусствѣ настоящаго христіанства“. Не разъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и Шенрокъ въ своемъ громадномъ трудѣ: „Матеріалы для біографіи Гоголя“. Въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія онъ прямо говоритъ, что выдержанность религіознаго тона во всѣхъ письмахъ Гоголя „совершенно должна снять съ него тяжелое обвиненіе въ ханжествѣ и притворствѣ“ ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ своего труда Шенрокъ такъ пишетъ о Гоголѣ: „Рано началъ онъ задумываться надъ задачей собственной жизни и тайною земного на-

¹⁾ Записки о жизни Н. В. Гоголя. II т. 236.

²⁾ А. Н. Пыпинъ. Исторія Русской Литературы. IV т. 501.

³⁾ Матеріалы для біографіи Гоголя. IV т. 206.

значенія челоуѣка, и во всѣхъ возрасты, начиная съ отрочества, стремился къ самоусовершенствованію. На ту же дорогу онъ старался также направить и другихъ, пока наконецъ не унесъ въ могилу разбитое существованіе, надорванное нечелоуѣческими усиліями отрыть нужную истину. Каковы бы ни были его ошибки и заблужденія, онъ всегда былъ одушевленъ высокими идеалами и вполне посвятилъ себя благородному служенію родинѣ словомъ убѣжденнаго челоуѣка¹⁾. Наконецъ, защищая Гоголя отъ „безпощадныхъ“ и „совершенно несправедливыхъ“ упрековъ въ лицемѣрїи, Шенрокъ приводитъ слѣдующую характеристику „Переписки“, вылившуюся изъ-подъ пера критика Вольтынскаго. „Къ этой „Перепискѣ съ друзьями“—говоритъ Вольтынской—подходишь смущенный сомнѣніемъ, робкимъ шагомъ, какъ къ могилѣ челоуѣка, котораго потрясенная, разгнѣванная толпа, въ минуту мстительнаго аффекта, яростно заклемила именемъ изуверъ и сумасшедшаго. Подъ печальнымъ могильнымъ холмомъ покоится прахъ страсто-терпца, великомученика слова, который раскрылъ когда-то передъ людьми свои мысли, чувства, всю тайну души, раскрылъ свою могучую, вдохновенную любовь къ родинѣ то въ безсмертныхъ выраженіяхъ откровенной исповѣди, въ безутѣшномъ рыданіи, въ мучительныхъ крикахъ отчаянія, то въ немногихъ простыхъ и скромныхъ словахъ—въ глухомъ шепотѣ молитвы, на колѣняхъ передъ зажженою въ углу лампадою... Въ этой книгѣ авторъ прямо глядитъ вамъ въ душу воспаленнымъ взглядомъ религіознаго страдальца, говоритъ къ вашей совѣсти языкомъ пророческаго вдохновенія и поэтическаго энтузіазма“²⁾.

Всѣ эти обиды и неудачи Гоголь выносилъ съ мужествомъ истиннаго христіанина. Среди тяжкихъ нравственныхъ страданій и недуговъ тѣлесныхъ онъ находилъ себѣ утѣшеніе и укрѣпленіе въ мысли о предстоящемъ путешествіи въ Св. Землю, куда уже давно стремилась душа поэта. Здѣсь, у Гроба Господ-

¹⁾ IV т. 840.

²⁾ IV т. 560—561. Шенрокъ, впрочемъ, находитъ въ этой характеристикѣ много идеализаціи и преувеличенія.

ня, въ слезахъ благоговѣйной молитвы думалъ онъ излить свою тоску, свое горе, исповѣдать свои немощи и почерпнуть силы на новые подвиги. Гоголь ѣдетъ въ Іерусалимъ и въ смиренномъ сознаніи своего недостойнства, полный горячей любви къ людемъ, къ своей родинѣ, подобно древне-русскому паломнику, игумену Даниилу, молится здѣсь за себя и еще больше за Русскую землю. По возвращеніи изъ Св. Земли, онъ снова принимается за свою поэмю. „Подобно религіознымъ художникамъ старой испанской школы—говоритъ его біографъ Кулишъ—искавшимъ на колѣняхъ въ рубищѣ и со слезами на глазахъ мучениковъ за вѣру во Христа, онъ каждую страницу этого произведенія вымалывалъ у неба долгими молитвами и долгими покаяніями. Смиренномудрый въ высшей степени и постоянно одушевленный жаждою приносить пользу ближнимъ, онъ трепеталъ при мысли о „тѣхъ страшилищахъ, которыхъ сѣмена мы сѣемъ въ жизни своими дѣлами“, и только, очистивъ и какъ-бы освятивъ душу молитвами у Гроба Господня, онъ рѣшился наконецъ передать свѣту ея внушенія“¹⁾. Томимый жаждою добра, истины и свѣта, въ страшномъ напряженіи силъ душевныхъ работаетъ онъ до изнеможенія, до смерти... и снова въ одну изъ тоскливыхъ предсмертныхъ ночей, въ тяжкую минуту мрачнаго сомнѣнія въ достоинствѣ и значеніи труда своего, бросаетъ въ пламень свое твореніе... Гоголь палъ подъ тяжестью своего креста, подъ бременемъ взятой на себя колоссальной задачи призвать свою родину къ покаянію и возрожденію, палъ разбитый и сломленный, но не побѣжденный. Глубоко знаменательны начертанныя дрожащей рукой предсмертныя слова его: „Какъ поступить, чтобы вѣчно, признательно и благодарно помнить въ сердцѣ полученный урокъ“? Оставляя въ сторонѣ частный смыслъ ихъ, который быть можетъ навсегда останется необъясненнымъ, нельзя не подивиться высокому свойству души поэта—до конца жизни стогать жаждою совершенства. „Каждый изъ насъ получаетъ спасительные уроки—говоритъ Кулишъ—посреди нравственной темно-

¹⁾ Записки о жизни Н. В. Гоголя. I. т. 193.

ты, въ которой мы нерѣдко вращаемся здѣсь, на землѣ; каждый бываетъ озаряемъ внезапно, какъ молніей, яснымъ сознаниемъ грѣховной бездны, изъ которой слѣдуетъ намъ выдти, чтобъ заслужить дарованіе высшей жизни; каждый даетъ самому себѣ обѣтъ сдѣлаться лучшимъ, исправить путь свой и успокоить своего внутренняго судью. Но многіе-ли въ состояніи держаться на той высотѣ самосознанія, на которую возводятъ васъ какія-нибудь сильныя душевныя потрясенія? Многіе ли вызываютъ изъ глубины сердца умолкнувшія въ немъ благодатныя, хотя и горестныя чувства? Многіе-ли остаются вѣрны своему обѣту посреди житейскихъ заботъ, бѣдствій и суетныхъ удовольствій. Гоголь старался помнитъ въ сердцѣ полученный урокъ вѣчно, признательно, благодарно. Въ какихъ-бы формахъ ни выразились его чувства, но и самые закоренѣлыя его порицатели не могутъ отвергать, что онъ явилъ въ себѣ образецъ живой души, постоянно бодрствовавшей надъ своимъ безсмертіемъ и постоянно обращенной къ Богу ¹⁾. Писатель, возвысившійся столь быстро до первостепеннаго значенія въ литературѣ, окруженный куревомъ похвалъ, упоенный почти всеобщимъ сочувствіемъ, онъ вмѣсто беззаботнаго наслажденія жизнію, углубляется въ тайники своей души, исповѣдуетъ предъ цѣлымъ міромъ грѣхи свои, попираетъ ногами картинную маску, въ которой до тѣхъ поръ представлялся онъ ближнимъ; рыданіями предъ Господомъ очищаетъ свою душу, собираетъ всего себя, чтобы создать твореніе, дѣйствительно полезное людямъ, и умираетъ въ сознаниіи своего несовершенства, своего недостойнства быть глаголомъ истины, какъ онъ понималъ истину.... Неужели и этого еще мало отъ слабаго существа человѣческаго? Нѣтъ, мы не должны возвышать противъ него осудительный голосъ; мы должны удивляться въ немъ необычайному напряженію нравственныхъ силъ и сочувствовать великой скорби, которою скорбѣла душа его" ²⁾.

1) Въ Гоголѣ было особенно замѣчательно и прекрасно именно то, что среди житейской суеты и холожественной дѣятельности онъ непрестанно хранилъ въ душѣ „память смертную“.

2) Тамъ же. 266—267.

Въ этомъ страдальческомъ исканіи истины и судьбѣ своей Гоголь является однимъ изъ самыхъ трагическихъ русскихъ характеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ воплощеніемъ дивнаго славянскаго генія, съ его вѣчною тоской по иной жизни, съ его постояннымъ исканіемъ правды, стремленіемъ къ высшимъ христіанскимъ идеаламъ.

Н. Протопоповъ.

НАУЧНО-МЕХАНИЧЕСКОЕ МИРОПОНИМАНИЕ И ЭТИКА.

(Продолженіе *).

Между естественно-научными гипотезами происхожденія міра особеннымъ авторитетомъ пользуются космогоническія гипотезы Лапласа и Фая, съ которыми необходимо поэтому познакомиться. Затѣмъ, кромѣ того, необходимо будетъ представить взглядъ по вопросу о происхожденіи міра и организмовъ представителя монизма въ Германіи, проф. Гэккеля.

По взгляду Лапласа, всѣ элементы вещества, изъ которыхъ состоитъ вселенная, первоначально представляли туманную массу чрезвычайно малой плотности. Подъ вліяніемъ силы тяготѣнія постепенно происходила концентрація элементовъ этой туманности: образовалась центральная масса, или ядро, которое потомъ сформировалось въ нынѣшнее солнце. Ядро вмѣстѣ съ окружающею его туманностью получило отъ какой-то внѣшней силы поступательное и вмѣстѣ вращательное движеніе вокругъ своей оси съ запада на востокъ и подъ вліяніемъ центробѣжной силы, развивающейся отъ вращательнаго движенія, приняло форму эллиптическаго сфероида. По мѣрѣ постепеннаго уплотненія этой туманной массы, происходившаго подъ вліяніемъ силы тяготѣнія, и уменьшенія ея объема, вращательное движеніе ея должно было все болѣе и болѣе ускоряться, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна была увеличиваться и центробѣжная сила. Наибольшее увеличеніе центробѣжной силы происходило, разумѣется, въ частяхъ, наиболѣе удаленныхъ

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1902 г. № 4.

отъ центра, т. е., на экваторѣ вращенія, гдѣ центробѣжная сила должна была наконецъ превзойти и парализовать силу притяженія, вслѣдствіе чего должно было произойти отдѣленіе этихъ наиболѣе удаленныхъ отъ центра частей туманной массы: образовалось туманное кольцо, продолжавшее свое вращеніе вокругъ центра. Центральная масса между тѣмъ все-таки продолжала сжиматься, увеличивалась поэтому скорость вращенія, увеличивалась центробѣжная сила, снова должно было произойти отдѣленіе туманнаго кольца и т. д. Туманная кольца, при вращеніи вокругъ центра, распадаются на нѣсколько обломковъ, которые продолжаютъ вращеніе вокругъ центра по прежнему направленію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ внѣшняя сторона каждаго изъ этихъ обломковъ, какъ наиболѣе удаленная отъ центра, имѣла болѣе быстрое движеніе, чѣмъ внутренняя, то вслѣдствіе этого каждый изъ этихъ обломковъ долженъ былъ получить вращательное движеніе вокругъ своей оси. Такимъ образомъ образовались планеты съ двойнымъ движеніемъ вокругъ солнца и вокругъ своей оси. На основаніи опыта Плато, въ которомъ масло, влитое въ жидкость одинаковой съ нимъ плотности, принимаетъ шарообразную форму подъ вліяніемъ силы спѣвленія собственныхъ частицъ, мы вправѣ утверждать, что и обломки туманнаго кольца, находившагося въ газообразномъ или жидкомъ состояніи, по той же причинѣ должны были принять шарообразную форму. Подобно тому, какъ планеты отдѣлились отъ солнца по мѣрѣ уплотненія туманной массы и пріобрѣтенія болѣе скорого движенія, такъ и по той же причинѣ отъ планетъ отдѣлились ихъ спутники или луны.

„Теорія постепеннаго уплотненія, говоритъ Ланге ¹⁾, представляетъ то преимущество, что она допускаетъ вычисленіе, которое, благодаря открытію механическаго эквивалента теплоты, достигло высокой степени теоретическаго совершенства. Вычислено, что при переходѣ отъ безконечно-малой плотности до плотности современныхъ небесныхъ тѣлъ изъ одной только механической силы притяженія частицъ вещества должно бы-

¹⁾ Исторія матеріализма, т. II, стр. 139.

до получиться столько теплоты, какъ если бы вся масса планетной системы состояла изъ чистаго угля въ 3500 разъ большаго объема, и эта масса затѣмъ была бы сожжена. Далѣе вывели заключеніе, что большая часть этой теплоты должна была исчезнуть въ мировомъ пространствѣ уже прежде, чѣмъ могла возникнуть наша планетная система въ ея теперешнемъ видѣ. Найдено, что изъ этого огромнаго запаса механической силы первоначальнаго притяженія сохранилась въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ въ видѣ механической силы едва лишь одна 454-я часть. Вычислено, что толчекъ, который внезапно остановилъ бы нашу землю на ея пути вокругъ солнца, далъ бы столько теплоты, сколько горѣніе 14 земныхъ шаровъ изъ чистаго угля, и что при этой теплотѣ вся масса земли совершенно расплавилась бы, и по крайней мѣрѣ большая ея часть перешла бы въ парообразное состояніе“.

Въ недавнее время гипотеза Лапласа получила подтвержденіе въ спектральномъ анализѣ, которымъ доказывается, что всѣ тѣла нашей солнечной системы имѣютъ однообразный вещественный составъ и, слѣдовательно, могли возникнуть, какъ предполагаетъ гипотеза Лапласа, изъ однородной первоначальной массы. Сущность спектральнаго анализа въ слѣдующемъ. При помощи стеклянной призмы, свѣтъ отъ какого-либо свѣтящагося тѣла можно разложить на составляющіе его цвѣта, которые составляютъ его спектръ и располагаются подобно цвѣтамъ радуги. Изслѣдованіемъ при помощи зрительной трубы обнаружено, что въ спектрѣ, кромѣ цвѣтовъ, существуетъ значительное число темныхъ полосъ, число которыхъ а также порядокъ расположенія зависитъ отъ химическаго состава свѣтящагося тѣла: горѣніе сѣры даетъ въ спектрѣ иное количество и расположеніе темныхъ полосъ, нежели горѣніе кальція, алюминія и т. д. Подвергая изслѣдованію при помощи спектральнаго анализа солнечный спектръ, пришли къ заключенію, что солнце окружено раскаленной атмосферой, которая содержитъ въ себѣ въ газообразномъ состояніи водородъ, желѣзо, кальцій, магній, натрій, хромъ и никкель, т. е., тѣ же вещества, какія встрѣчаются и на земномъ шарѣ.

Лапласовская гипотеза принята большинствомъ естествоиспытателей, но она не объясняетъ нѣкоторыхъ космическихъ явленій, какъ напр. обратныхъ движеній въ солнечной системѣ (по гипотезѣ кольца, отдѣлившіяся отъ центра, должны имѣть вращеніе въ одномъ направленіи); не объясняетъ образованія звѣздъ изъ туманностей, такъ какъ въ туманностяхъ, состоящихъ большею частію изъ водорода и азота, нѣтъ того разнообразія химическихъ элементовъ, какое требуется для перехода въ твердое состояніе. Французскій астрономъ Гае, указавъ на эти и другіе недостатки Лапласовской гипотезы и признавъ ее поэтому несостоятельной, строить свою собственную гипотезу.

По мнѣнію Фая, первобытное вещество существовало не въ видѣ газообразной туманной массы, а въ видѣ космической пыли, находившейся въ вихребразномъ движеніи. „Вселенная, говоритъ Фай, въ началѣ представляла собою хаосъ, въ составъ котораго входили всѣ элементы земной химіи. Эти матеріалы, связанные взаимнымъ притяженіемъ частицъ, съ самаго начала находились въ движеніи по разнымъ направленіямъ, которое произвело отдѣленіе ихъ въ видѣ хлопьевъ или облаковъ. Послѣдніе сохранили быстрое поступательное движеніе въ пространствѣ и въ то же время чрезвычайно медленные внутренніе круговороты. Эти мириады хаотическихъ хлопьевъ, путемъ постепеннаго сгущенія матеріи, дали начало различнымъ мірамъ вселенной... Хаосъ не есть столь простая вещь, какъ можно было бы подумать съ перваго раза. Онъ заключаетъ въ себѣ всѣ силы, которыя въ настоящее время проявляются въ формѣ движенія, электричества, свѣта, теплоты; онъ заключаетъ въ себѣ даже и ту силу, отъ которой зависитъ дѣятельность живыхъ существъ и матеріальная сторона работы человѣческой мысли“¹⁾).

Процессъ образованія солнечной системы Фай дѣлитъ на пять періодовъ. Въ первую эпоху происходило упорядоченіе вращательныхъ движеній и образованіе колецъ, вращавшихся вокругъ центра; во вторую образовались планеты съ ихъ

¹⁾ Выписка сдѣлана изъ статьи архим. Бориса—Апологет. вземѣланіи, Прав. Обзор. 1888 г., іюль, стр. 507—508.

спутниками въ области колецъ менѣе удаленныхъ отъ центра; далѣе шло постепенное формированіе солнца и образованіе планетныхъ группъ съ обратными движеніями; въ четвертую эпоху солнце окончательно сформировалось, движенія всей системы стали устойчивыми, пятую эпоху—нынѣшнюю характеризуетъ возрастаніе плотности солнца и постепенное отвердѣваніе его поверхности.

Для ознакомленія съ міровоззрѣніемъ Гэккеля, заимствуемъ изъ его рѣчи, произнесенной въ 1893 году, главнѣйшіе догматы монистическаго символа.

1) Сохраненіе силы и сохраненіе вещества—два великихъ закона, которые можно обобщить въ одномъ философскомъ понятіи закона сохраненія субстанціи.

2) Одушевленность атомовъ ¹⁾, ибо всѣ измѣненія, какъ въ органической, такъ и въ неорганической природѣ можно разумѣть лишь при томъ условіи, если представлять атомы не мертвыми частичками вещества, а обладающими жизнью элементарными частицами, надѣленными силой притяженія и отталкиванія. Наши химическіе элементы, по всей вѣроятности, суть лишь различныя формы соединенія различнаго числа атомовъ одного первоэлемента. Эти первоатомы имѣютъ во всей вселенной одинаковую величину и свойства. Они неѣлимы, форма ихъ круглая. Они косны, неизмѣняемы и непроницаемы для ээира. Свойства нашихъ химическихъ элементовъ обуславливаются различнымъ числомъ и положеніемъ этихъ первоатомовъ. Такъ напр. атомы углерода (творца органическаго міра въ собственномъ смыслѣ), по всей вѣроятности, представляютъ тетраордъ и состоятъ изъ четырехъ первоатомовъ.

3) Ээиръ, наполняющій пространство между атомами, находящійся въ постоянномъ колебаніи, носитель свѣта, тепла, электричества; ээирная теорія, которую разумная форма религіи можетъ признать за свой „догматъ вѣры“, противоположивъ подвижной міровой ээиръ, въ качествѣ „творящаго божества“—косной матеріи, какъ матеріалу творенія.

¹⁾ Въ этомъ случаѣ Гэккель отлвчается отъ строгаго матеріализма, который приписываетъ одушевленность комплексу атомовъ, а не каждому атому въ отдѣльности.

Впереди всѣхъ другихъ завоеваній человѣческаго духа стоитъ наше современное эволюціонное ученіе, согласно которому міръ произошелъ слѣдующимъ образомъ.

Вначалѣ въ безконечномъ міровомъ пространствѣ мы не имѣемъ ничего, кромѣ подвижнаго упругаго ээира и несчетныхъ однообразныхъ дискретныхъ частичекъ, разсѣянныхъ въ немъ на подобіе пыли,—первоатомовъ. Быть можетъ, послѣдніе сами представляютъ первоначально „пункты сгущенія“ находящейся въ колебательномъ движеніи „субстанціи“, остатокъ которой образуетъ ээиръ. Изъ первоатомовъ возникаютъ атомы нашихъ элементовъ, вслѣдствіе ихъ сочетанія по группамъ въ опредѣленныхъ числахъ. Изъ находящагося въ колебательномъ движеніи „первооблака“ обновляются вращающіяся міровыя тѣла. Одно изъ многихъ тысячъ міровыхъ тѣлъ представляетъ наше солнце вмѣстѣ съ планетами, которыя возникли изъ него, выброшенные центробѣжной силой. Одна изъ планетъ нашей солнечной системы есть наша крошечная земля. Когда раскаленный земной шаръ до извѣстной степени охладился, на отвердѣвшую кору его поверхности ниспадаетъ капельножидкая вода—первое условіе органической жизни. Атомы углерода начинаютъ свою организующую дѣятельность и соединяются съ другими элементами въ плазматическія соединенія, обладающія способностью разбухать, небольшой комочекъ плазмы разрастается за границы сцѣпленія и индивидуальнаго роста и распадается на двѣ равныя половины. Съ этою первою монарой начинается органическая жизнь и ея собственная функція—наслѣдованіе. Въ гомогенной плазмѣ монары обособляется болѣе плотное ядро отъ мягкой внѣшней массы; чрезъ такую дифференціацію на ядро и протоплазму возникаетъ первая органическая клѣтка. Долгое время нашу планету населяли только такіе протисты, или одноклѣтчатые перво-существа. Изъ ценобіевъ или общежительныхъ соединеній ихъ возникли лишь впослѣдствіи низшіе гистоны, многоклѣтчатые растенія и животныя.

Міръ животныхъ имѣетъ слѣдующую исторію происхожденія. При корнѣ общаго родословнаго древа многоклѣтчатыхъ животныхъ стоятъ гастреады и губки. Затѣмъ изъ общаго

символа гельминтовъ или низшихъ червей развиваются въ качествѣ самостоятельныхъ главныхъ вѣтвей четыре отдѣльныхъ ствола—моллюски, звѣздчатые, членистые и позвоночныя животныя. Лишь послѣднія изъ нихъ во всѣхъ существенныхъ чертахъ своего сложенія и развитія соотвѣтствуютъ человѣку. Длинный рядъ низшихъ позвоночныхъ (ланцетники, миноги, рыбы) предшествуютъ появленію дышащихъ легкими амфибій. За амфибіями слѣдуютъ первыя позвоночныя, имѣющія амніонъ—древнѣйшія рептиліи; изъ нихъ развиваются позднѣе съ одной стороны птицы, съ другой млекопитающія. Человѣкъ происходитъ изъ рода обезьянообразныхъ млекопитающихъ.

Какъ естественное ученіе развитія, зиждущееся на монистическомъ основаніи, раскрыло и сдѣлало ясной всю область тѣлесныхъ явленій природы, точно также оно сдѣлало ясной и область жизни духа, не отдѣлимую отъ первой. Сравнительная психологія показываетъ намъ, какъ душа развивается рука объ руку съ развитіемъ мозга. Она показываетъ, что низшая форма душевной дѣятельности существуетъ уже у самыхъ низшихъ животныхъ—у одноклѣтчатыхъ первичныхъ формъ, инфузорій и корненожекъ. „Всякій естествоиспытатель, говоритъ Гэккель, который подобно мнѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ наблюдалъ жизненную дѣятельность этихъ одноклѣтчатыхъ протистовъ, положительнаго убѣжденія, что и они обладаютъ душою“. И эта клѣточная душа состоитъ, точно такъ же, какъ и наша, изъ суммы ощущеній, представленій и волевыхъ дѣятельностей; ощущеніе, мышленіе и воля нашей человѣческой души отличны отъ нихъ только по степени. Наслѣдственная клѣточная душа (какъ потенціальная душа) находится уже въ яйцевой клѣткѣ, изъ которой развивается человѣкъ, подобно всякому другому животному. Научная психологія есть часть фізіологій и, подобно новѣйшей фізіологій и патологій, психологія и психіатрія будущаго должна сдѣлаться целлюлярной.

Что касается безсмертія, то въ научномъ смыслѣ оно есть сохраненіе субстанцій, слѣдовательно то же самое, что физика опредѣляетъ, какъ сохраненіе силы, химія,—какъ сохраненіе

вещества. Космосъ въ Ёго цѣломъ безсмертенъ. Какъ никакая другая частица вещества или силы никогда не исчезаетъ изъ міра, такъ же точно не мыслимо противное и по отношенію къ атомамъ нашего мозга и силамъ нашего духа. При нашей смерти исчезаетъ только индивидуальная форма нервной субстанціи и личная „душа“, представлявшая ея работу.

Наоборотъ, совершенно несостоятельно представленіе личнаго безсмертія. Такое представленіе есть не что иное, какъ глубоко вкоренившійся наслѣдственный догматъ.

Для монизма или философіи единства „нематеріальный жизненный духъ“ точно такъ же немислимъ, какъ и „мертвая бездушная матерія“; въ каждомъ атомѣ то и другое связано нераздѣльно¹⁾.

Эта только—что приведенная рѣчь Гэккеля, въ которой онъ догматически излагаетъ основные пункты своей философіи, представляетъ собою характерныя существенныя черты механическаго міропониманія. Гэккель признаетъ только одну силу во вселенной—силу механическую. Эта сила, и только она одна управляетъ рѣшительно всѣмъ: и движеніемъ планетъ, и образованіемъ живой, органической матеріи, и психическими процессами животныхъ и человѣка. Все произошло и все совершается чрезъ механическія причины и не имѣетъ впереди себя какихъ-нибудь заранѣе намѣченныхъ цѣлей. Тѣми же механическими причинами объясняется развитіе органической жизни. Теорія эволюціи у Гэккеля и его школы носитъ всеобъемлющій характеръ: сю объясняются не только явленія органической жизни, но она прилагается также къ объясненію явленій соціальныхъ, нравственныхъ и т. д. Всѣ основныя положенія эволюціонизма заимствованы Гэккелемъ у Дарвина, который и есть собственно творецъ теоріи эволюціи органической жизни, получившей потомъ широкое примѣненіе и въ другихъ областяхъ знанія.

Эволюціонная теорія Дарвина произвела рѣшительный переворотъ въ біологіи (наука о происхожденіи и развитіи жизни и живыхъ существъ на землѣ), которая поэтому считаетъ

¹⁾ Изъ рѣчи Гэккеля—„Монизмъ, какъ связь между религіей и наукой“. Вопросы философіи и психологіи, 1893 г., кн. 18, стр. 103—109.

знаменитое сочиненіе Дарвина—„Происхожденіе видовъ“, появившееся въ 1859 году, эпохой для себя. До этого времени полагали, что всѣ живыя существа, распредѣляемыя по видамъ, родамъ и семействамъ, происходятъ каждое отъ предковъ одного съ нимъ вида, и что виды отнюдь не могутъ смѣшиваться: лошадь не можетъ произойти отъ коровы, щука отъ лягушки и т. д. Основная доктрина „Происхожденія видовъ“ та, что „всѣ безчисленные виды, роды и семейства органическихъ существъ, которыми населенъ міръ, всѣ произошли, каждый въ своемъ классѣ, или группѣ, отъ общихъ родичей“¹⁾).

Всѣ виды произошли путемъ развитія разновидностей изъ одного общаго ствола чрезъ превращеніе ихъ сначала въ постоянныя породы, а затѣмъ въ новые виды путемъ *естественнаго подбора*, по существу тождественнаго съ тѣмъ искусственнымъ подборомъ, который человекъ примѣняетъ, когда желаетъ совершенствовать какую-либо породу растенія или животнаго. Въ природѣ, производящей естественный подборъ, мѣсто человека заступаетъ *борьба за существованіе* и производитъ то дѣйствіе, какое при искусственномъ подборѣ производитъ человекъ.

Сельскіе хозяева весьма часто примѣняютъ способъ искусственнаго подбора, при улучшеніи породъ домашнихъ животныхъ, а равно и разнаго рода растеній. Желая улучшить породу напр. овецъ, хозяинъ выбираетъ изъ стада лучшихъ производителей, которые по наслѣдству передаютъ потомству свои лучшія свойства—болѣе крупный ростъ, болѣе мягкую, пушистую шерсть, тотъ или другой желательный для хозяина цвѣтъ шерсти и т. п. Или: хозяинъ желаетъ получить усовершенствованную породу ржи. Изъ имѣющихся у него сѣмянъ ржи онъ выбираетъ нѣсколько самыхъ крупныхъ зеренъ и высѣваетъ ихъ въ почву. На слѣдующій годъ съ полученнымъ урожаемъ онъ поступаетъ точно такъ же, т. е., снова выбираетъ для посѣва самыя лучшія сѣмена. Произведя такой отборъ сѣмянъ для посѣва нѣсколько разъ, хозяинъ въ концѣ концовъ достигаетъ желательнаго результата: получаетъ улучшенную породу

¹⁾ Origin of Species, изд. 1, стр. 457.

ржи. Садоводъ замѣчаетъ въ своемъ цвѣтникѣ случайно появившуюся особенность въ какомъ-нибудь цвѣткѣ розы, напр. желтый цвѣтъ лепестковъ, который ему понравился. Если онъ пожелаетъ, чтобы такой именно цвѣтъ розы преобладалъ въ его цвѣтникѣ, то экземпляръ розы съ желтыми лепестками онъ постарается уединить съ тѣмъ, чтобы этотъ цвѣтокъ не подвергался опыленію со стороны цвѣтковъ другого колера; станетъ употреблять искусственное опыленіе, уничтожать тѣ цвѣтки, которые уклоняются отъ желательнаго типа и т. д. Рядомъ такихъ мѣръ въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній садоводу удастся получить прочно установившійся желательный типъ растенія. Такимъ образомъ, производя подборъ лучшихъ производителей, лучшихъ сѣмянъ, устраивая худшіе или менѣе желательные экземпляры, человѣкъ достигаетъ улучшенія породъ домашнихъ животныхъ и растеній. И человѣкъ издавна и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользовался этимъ средствомъ и достигалъ весьма существенныхъ результатовъ. Припомните, въ самомъ дѣлѣ, сколько мы имѣемъ породъ лошадей, коровъ, собакъ, куръ, голубей и проч. Сравните нашу крестьянскую лошаденку съ какимъ-нибудь Орловскимъ рысакомъ, или обыкновенную крестьянскую овцу съ меринсомъ. А такъ называемыя культурныя растенія какое имѣютъ сходство съ ихъ дикими предками? Сравните лѣсную землянику съ ягодой культурной клубники величиной почти съ персикъ; или лѣсное яблоко и грушу съ культурными сортами этихъ плодовъ. Разница выйдетъ громадная.

Итакъ, несомнѣнно, что растенія и животныя 1) способны измѣняться и 2) способны передавать по наслѣдству приобрѣтаемыя измѣненія. Благодаря этому, человѣкъ имѣлъ возможность посредствомъ искусственнаго подбора совершенствовать породы растеній и животныхъ.

Не подвигается ли и природа къ совершенству путемъ такого же подбора? Съ перваго взгляда, такое предположеніе можетъ показаться въ высшей степени страннымъ, такъ такъ при такомъ предположеніи природѣ какъ—будто приписывается сознательная дѣятельность, способность выбрать. На самомъ же дѣлѣ, какъ оказывается, подборъ можетъ происхо-

дить и помимо участія какихъ-либо сознательныхъ цѣлей. Ди-кари въ голодные годы вынуждены бываютъ истреблять часть своихъ животныхъ и, конечно, сохраняютъ лучшихъ изъ нихъ. Такимъ образомъ они невольно и бессознательно содѣйствуютъ улучшенію породы домашнихъ животныхъ. Въ природѣ существуетъ бессознательный, механическій подборъ, и именно чрезъ истребленіе несовершенныхъ формъ. Такое истребленіе происходитъ постоянно, происходитъ въ громадныхъ размѣрахъ въ силу необходимости, помимо участія какой-либо сознательной силы и безъ какой либо опредѣленной ранѣ намѣченной цѣли.

Чѣмъ же, какими причинами вызывается этотъ бессознательный подборъ въ природѣ? Почему происходитъ постоянное истребленіе несовершенныхъ экземпляровъ въ средѣ растений и животныхъ?

Всѣ органическія существа растительныя и животныя, будучи поставлены въ благопріятныя условія, размножаются въ геометрической прогрессіи. Неизвѣстно ни одно органическое существо, которое въ теченіе всей своей жизни производило бы только одного потомка: напротивъ, нѣкоторые виды растений и животныхъ ежегодно способны произвести потомство въ сотни тысячъ индивидуумовъ. Такъ напр., орхидное растение „кукушкины слезки“, по вычисленіямъ Дарвина, производитъ въ годъ 180 т. сѣмянъ. Но есть орхидныя растения съ гораздо большею плодовитостію, сѣмена которыхъ нужно считать милліонами. Такою же плодовитостію отличаются такъ называемыя споровыя растенія, напр., папоротникъ. Множество примѣровъ огромной плодовитости можно найти и среди животныхъ. По вычисленіямъ ученыхъ наблюдателей, одна сельдь мечетъ 27 т. яицъ, ихъ икра покрываетъ поверхность скалистаго дна широкими слоями въ шесть футовъ толщины. Наши обыкновенныя рыбы—окунь, лיןъ, лещъ, щука мечутъ по 100 т. яицъ; у нѣкоторыхъ рыбъ, напр. камбалы, количество яицъ считается милліонами. У земноводныхъ количество яицъ уменьшается. И чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ живыхъ существъ, тѣмъ плодовитость становится менѣе значительной. Представимъ себѣ те-

перъ, что какому-нибудь изъ упомянутыхъ растеній и животныхъ было бы обезпечено безпрепятственное размноженіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Тогда оказалось бы, что черезъ только три года „кукушкины слезки“ покрыли бы сплошнымъ зеленымъ ковромъ весь земной шаръ, сельди въ теченіе такого же или немного большаго періода наполнили бы Каспійское море и лежали бы тамъ, какъ въ боченкѣ. Если этого не случается съ растеніями и животными, то благодаря борьбѣ за существованіе, въ которой погибаютъ мириады растеній и животныхъ, при чемъ остаются въ живыхъ большею частію только индивиды, наиболѣе приспособленные къ условіямъ среды, т. е., въ этомъ случаѣ происходитъ естественный подборъ. Естественный подборъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ усовершенствованіе породъ растеній и животныхъ, такъ какъ все менѣе совершенное, менѣе приспособленное къ условіямъ существованія должно погибнуть, уступить свое мѣсто на жизненномъ пиру болѣе совершенному; затѣмъ уже дѣло наследственности передать потомству тѣ особенности предковъ, которыя обезпечили имъ перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе. Иногда какое нибудь, повидимому, незначительное отличіе растенія отъ другихъ подобныхъ даетъ ему преимущество въ борьбѣ за существованіе. Такъ, напр. растенія съ сильно пахучими цвѣтками, у которыхъ опыленіе происходитъ при помощи насѣкомыхъ, имѣетъ въ борьбѣ за существованіе больше благопріятныхъ шансовъ сравнительно съ другимъ, менѣе пахучимъ, которое по этой причинѣ менѣе способно привлечь къ себѣ насѣкомое. Такую же роль можетъ играть болѣе или менѣе рѣзкая и замѣтная окраска, такое или иное устройство рыльца и т. п. Коль скоро растеніе выживаетъ, выходитъ побѣдителемъ въ борьбѣ за существованіе вслѣдствіе той или другой благопріятной особенности своего устройства, то эта особенность по наследству передается потомству и дѣлается уже прочною. То же нужно сказать относительно животныхъ.

На сушѣ, какъ и на морѣ, между живыми существами разныхъ видовъ, а равно и одного и того же вида ведется постоянная борьба за существованіе, при чемъ общая экономія природы ведетъ строгій учетъ прибыли и убыли живыхъ су-

ществѣ, поддерживая постоянное равновѣсіе. Одинъ ученый наблюдатель рассказываетъ, что въ пампасахъ Южной Америки періодически появляются огромныя количества мышей. Вслѣдъ за этимъ увеличивается въ сотни разъ количество животныхъ и птицъ, пожирающихъ мышей; они начинаютъ опустошительное истребленіе своихъ жертвъ, пока число ихъ не сократится до крайней степени. Затѣмъ наступаетъ голодное время для хищниковъ и они начинаютъ влечить жалкое существованіе и постепенно исчезаютъ. Тогда снова настаетъ благоприятное время для мышей и онѣ снова быстро размножаются. Тотъ же процессъ повторяется опять и т. д. Въ борьбѣ за существованіе погибаетъ масса живыхъ существъ; можно сказать, что въ живыхъ остается въ сотни разъ меньше, чѣмъ погибаетъ вскорѣ послѣ рожденія. Изъ милліона яицъ рыбной икры, быть можетъ, появится не болѣе десятка новыхъ рыбъ, остальное количество яицъ пожирается другими рыбами, птицами, а также вылавливается рыболовами. Затѣмъ изъ милліоновъ появившихся на свѣтъ молодыхъ рыбокъ только самое незначительное количество достигаетъ зрѣлости, остальные становятся добычею хищниковъ. Выживанію способствуютъ, конечно, разнаго рода случайности, но не малую роль въ этомъ случаѣ играетъ извѣстнаго рода ловкость, сила, такъ что остаются въ живыхъ все-таки лучшіе, т. е., болѣе приспособленные экземпляры. Нерѣдко и здѣсь, какъ и у растений, играютъ роль такія, повидимому, малозначительныя особенности, какъ напр. болѣе темная, или болѣе приближающаяся къ цвѣту водорослей окраска рыбы, которая затрудняетъ хищнику охоту за своей добычей. Разъ такая особенность оказывается полезной въ борьбѣ за существованіе, она уже имѣетъ шансы укрѣпиться въ потомствѣ. Этимъ объясняется цѣлесообразность органовъ у растений и животныхъ, напр. колючей щетки на спинѣ ерша, предохранительныхъ надкрылій на спинѣ жука и т. д. Всѣ органы у растений и животныхъ устроены такъ, что они вполне удовлетворяютъ своему назначенію, и это вполне удовлетворительно объясняется вліяніемъ естественнаго подбора: „организмы безпрестанно варьируютъ; изъ этихъ вариаций немногія оказываются подходящими къ окружающимъ

условіямъ; большинство не подходит и уничтожается: для дарвиниста организмъ существуетъ потому, что онъ только одинъ изъ множества приспособленъ къ окружающимъ условіямъ“¹⁾).

Къ вопросу о цѣлесообразности съ точки зрѣнія теоріи Дарвина намъ придется возвратиться; теперь же необходимо рѣшить слѣдующій вопросъ. Существуетъ ли предѣлъ, выше котораго измѣняемость типовъ не можетъ идти? Подводя итогъ сказанному о теоріи Дарвина, мы приходимъ къ такому заключенію. Всѣ организмы стремятся къ безпредѣльному размноженію въ геометрической прогрессіи. Какъ результатъ этого стремленія, возникаетъ недостатокъ въ средствахъ къ существованію, а отсюда борьба между организмами за эти средства, борьба за существованіе. Въ этой борьбѣ погибаетъ безчисленное множество организмовъ и остаются въ живыхъ, выходятъ побѣдителями только болѣе совершенные индивиды, т. е., происходитъ естественный подборъ, подобный искусственному, практикуемому человѣкомъ. Тѣ свойства растительныхъ и животныхъ организмовъ, которыя помогли имъ выдержать борьбу, по наслѣдству переходятъ къ ихъ потомкамъ и такимъ образомъ происходитъ естественное, необходимое и постоянное совершенствованіе организмовъ, постоянная эволюція. Можетъ ли такое измѣненіе, совершенствованіе организмовъ продолжаться безгранично, или же существуетъ предѣлъ такимъ измѣненіямъ? Дарвинъ и въ особенности его послѣдователи увѣряютъ, что предѣла такимъ измѣненіямъ указать невозможно, что весь существующій растительный и животный міръ произошелъ изъ первоначальной органической клѣточки путемъ постепенныхъ измѣненій, приспособленій, къ окружающей средѣ, путемъ постояннаго совершенствованія. Пытаются даже представить лѣстницу живыхъ существъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ эти существа слѣдовали одни за другими, восходя отъ менѣе совершенныхъ къ болѣе совершеннымъ, пока не дошли наконецъ до человѣка.

Что растительные и животные организмы способны претерпѣвать значительныя измѣненія въ своей формѣ, это не под-

1) „Гексли и современ. науч. міросозерцаніе“ въ Вопросахъ философіи, кн. XVI.

лежить сомнѣнію. Несомнѣнно, что теперешніе наши сорта культурныхъ яблонь и грушъ произошли отъ дикой яблони и груши, что Орловскій рысакъ и крестьянская кляча также имѣютъ одного предка, что, однимъ словомъ, въ предѣлахъ одного вида могутъ происходить значительныя измѣненія организмовъ, могутъ появляться и появляются разновидности. Но можетъ ли одинъ видъ возникать изъ другого? Можетъ ли дубъ произойти отъ березы, или корова отъ овцы? Послѣдователи Дарвина говорятъ: 1) не всегда можно провести рѣзкую, строго опредѣленную границу между видомъ и разновидностью; 2) невозможно, конечно, допустить, чтобы дубъ непосредственно произошелъ отъ березы, но между ними могло существовать множество промежуточныхъ ступеней, которыя когда-то существовали, но затѣмъ исчезли; 3) Дарвину удалось доказать, что современные породы голубей, различающіяся между собою настолько, что, будь онѣ найдены въ естественномъ состояніи, ихъ отнесли бы не только къ отдѣльнымъ видамъ, но даже къ различнымъ родамъ, тѣмъ не менѣе произошли отъ одного вида голубя. Отсутствіе промежуточныхъ формъ между видами теорія естественнаго подбора даже обращаетъ въ свою пользу и говоритъ, что онѣ именно должны были уничтожиться, какъ уничтожается все менѣе совершенное, уступая мѣсто болѣе совершенному. Правда, не наблюдалось случая, чтобы путемъ естественнаго или искусственнаго подбора отъ общаго родоначальника получилось потомство, настолько отъ него отличное, что его можно было бы признать отдѣльнымъ видомъ, и это существенный пробѣлъ въ теоріи Дарвина, тѣмъ не менѣе на основаніи соображеній, приведенныхъ выше, можно допустить, какъ научную гипотезу, происхожденіе одного вида отъ другого.

Самъ Дарвинъ не рѣшается утверждать происхожденіе человека отъ какой-либо другой низшей формы, но его послѣдователи не сомнѣваются въ этомъ. „Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, говоритъ Гексли ¹⁾, что, какъ по способу происхожденія, такъ и по первымъ ступенямъ своего развитія

¹⁾ „Гексли и соврем. науч. міровозрѣніе“ въ Вопросахъ философіи, кн. XVI.

человѣкъ тождественъ съ ближайшими къ нему животными, непосредственно за нимъ слѣдующими въ общей лѣстницѣ животной жизни; и въ этомъ отношеніи человѣкъ несомнѣнно гораздо болѣе приближается къ обезьянамъ, нежели обезьяны къ собакамъ. Равнымъ образомъ и въ зрѣломъ возрастѣ, въ пору своего совершеннѣйшаго сложенія, человѣкъ, какъ и слѣдовало ожидать, удивительно сходенъ съ ними по строенію. Онъ похожъ на нихъ, какъ они другъ на друга, отличается отъ нихъ, какъ и они другъ отъ друга. Анатомическія различія, отдѣляющія человѣка отъ гориллы и шимпанзе, не такъ велики, какъ тѣ, которыя отдѣляютъ гориллу отъ низшихъ обезьянъ. Задатки высшихъ способностей чувства и разума можно прослѣдить и въ низшихъ животныхъ. Развѣ благодѣтель человѣчества, или какой-нибудь святой долженъ отказаться вести святую жизнь только потому, что при простѣйшемъ изученіи человѣческой природы мы находимъ въ ея основаніи всѣ эгоистическія страсти и скотскія побужденія обыкновенныхъ четвероногихъ? Развѣ материнская любовь—низкое чувство оттого, что оно проявляется и у курицы? Или вѣрность—подлое свойство потому, что ею отличаются собаки?... Моральныя способности стоятъ на той же доскѣ, на какой и всѣ другія. Эволюція ихъ совершается при помощи естественнаго подбора“.

Вернемся теперь къ вопросу о цѣлесообразности въ природѣ съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи. Между безпрестанно варьирующими организмами случайно появляется экземпляръ, приспособленный болѣе другихъ къ условіямъ существованія и, благодаря этой счастливой случайности, онъ приобрѣтаетъ себѣ мѣсто на жизненномъ пиру. Но для того, чтобы одинъ экземпляръ могъ оказаться въ счастливыхъ условіяхъ, десятки—сотни тысячъ другихъ неудачныхъ, т. е., неприспособленныхъ къ средѣ организмовъ, должны погибнуть. Тысячи упавшихъ съ дуба желудей должны погибнуть, чтобы два—три счастливица могли случайно попасть въ благопріятныя условія и дать начало новой жизни; милліоны сѣмянъ какого-нибудь одуванчика должны безслѣдно исчезнуть, чтобы могло оказаться нѣсколько счастливецевъ. Припомнимъ, затѣмъ, какое громадное

количество рыбной икры погибаетъ и какой ничтожный процентъ ея превращается въ живыя существа и достигаетъ потомъ зрѣлости. Но такъ какъ при этомъ выживаютъ чаще всего все-таки болѣе совершенные, т. е., болѣе приспособленные къ средѣ экземпляры, то отсюда происходитъ совершенствованіе, эволюція типовъ живыхъ существъ. Ясно, что въ этихъ дѣйствіяхъ природы, въ этой постоянной, громадной гибели организмовъ, въ этомъ случайномъ выживаніи наиболѣе приспособленныхъ нѣтъ и слѣда разумной цѣлесообразности. Главнѣйшее средство, которымъ пользуется природа, можетъ быть приравнено только слѣпому случаю. „Если бы, говоритъ Ланге ¹⁾, человѣкъ, чтобы застрѣлить зайца, разбросалъ бы на большой равнинѣ по всѣмъ направленіямъ милліоны ружейныхъ снарядовъ; если бы онъ, чтобы проникнуть въ запертую комнату, накопилъ бы десять тысячъ различныхъ ключей и всѣ бы ихъ перепробовалъ; если бы онъ, чтобы построить домъ, воздвигъ бы цѣлый городъ, а лишніе дома предоставилъ бы вѣтру и непогодѣ,—то, конечно, никто такой образъ дѣйствій не назоветъ цѣлесообразнымъ, а еще менѣе будетъ искать въ немъ высшей мудрости, таинственныхъ основаній и особенной разумности. Но кто въ новѣйшемъ естествознаніи ознакомился съ законами сохраненія и продолженія видовъ, тотъ вездѣ и всюду найдетъ необычайную трату жизненныхъ сѣмянъ. Отъ цвѣточной пыли растеній до оплодотвореннаго сѣмячка, отъ сѣмячка до развитія зародыша растенія, отъ этого послѣдняго до періода полнаго роста, когда появляются новыя сѣмена, мы видимъ повторяющееся дѣйствіе одного и того же механизма, который обрекаетъ на гибель тысячи рожденій и поддерживаетъ жизнь случайнымъ совпаденіемъ благопріятныхъ условій. Гибель жизненныхъ сѣмянъ, безуспѣшность начинаній—это общее правило, а то, что называютъ „естественнымъ развитіемъ“, оказывается частнымъ случаемъ между тысячами другихъ; это—исключеніе, оно-то создаетъ ту природу, цѣлесообразному сохраненію которой удивляется близорукій приверженецъ телеологіи... То, что мы въ развитіи видовъ называемъ случайностью, не есть случайность съ точки зрѣнія за-

¹⁾ Исторія матеріализма, т. II, стр. 157.

кономѣрности природы,—такъ какъ описанный выше механизмъ дѣйствуетъ по естественнымъ законамъ,—а съ точки зрѣнія человѣкообразно предусматривающаго и рассчитывающаго разума; тамъ же, гдѣ мы въ органахъ животныхъ и растеній видимъ цѣлесообразность, мы должны принять, что вслѣдствіе вѣчнаго истребленія всѣхъ слабыхъ были уничтожены безчисленныя, менѣе цѣлесообразныя формы, и то, что существуетъ, есть только счастливый частный случай въ океанѣ рожденія и смерти“.

Было бы крайне нелѣпо и смѣшно думать, что природа въ своемъ вѣчномъ творествѣ соображается съ интересами, потребностями и вкусами человѣка, что она производитъ полезныя растенія, полезныхъ животныхъ только для того, чтобы они служили потребностямъ человѣка; благополучіе человѣка и червя для природы равно цѣнны, или равно безразличны. Прекрасно эта мысль выражена въ слѣдующемъ поэтическомъ образѣ у Тургенева.

„Мнѣ снилось, говоритъ поэтъ, что я вошелъ въ огромную подземную храмину съ высокими сводами. Ее всю наполнялъ какой-то тоже подземный ровный свѣтъ. По самой срединѣ храмины сидѣла величавая женщина въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта. Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу. Я тотчасъ понялъ, что эта женщина—сама природа, и мгновеннымъ холодомъ внѣдрился въ мою душу благоговѣйный страхъ. Я приблизился къ сидящей женщинѣ и, отдавъ почтительный поклонъ: О, наша общая мать! воскликнулъ я.—О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможности совершенства и счастья? Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные глаза. Губы ея шевельнулись и раздался зычный голосъ, подобный лязгу желѣза:—„Я думаю о томъ, какъ бы придать большую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спастись отъ враговъ. Равновѣсіе нападенія и отпора нарушено... надо его возстановить“.—Какъ? прошепталъ я въ отвѣтъ. Такъ вотъ о чемъ думаешь? Но развѣ мы, люди, не любимыя твои дѣти? Женщина чуть-чуть наморщила брови: „Всѣ твари мои дѣти,

промолвила она,—и я одинаково о нихъ забочусь и одинаково ихъ истребляю“.—Но добро,... разумъ,... справедливость,... пролепеталъ я снова.—„Это человѣческія слова, раздался желѣзный голосъ. Я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не знакомъ, и что такое справедливость? Я тебѣ дала жизнь, я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ. Мнѣ все равно. А ты пока защищайся и не мѣшай мнѣ! „Я хотѣлъ было возразить... но земля кругомъ глухо застонала и дрогнула, и я проснулся“.

Эволюціонная теорія Дарвина, принятая въ настоящее время большинствомъ естествоиспытателей, произвела коренной переворотъ во всѣхъ, соприкасающихся съ нею областяхъ знанія. Ботаника, зоологія, эмбриологія, біологія подверглись коренной передѣлкѣ по началамъ гипотезы Дарвина; эволюціонную теорію стараются примѣнить при объясненіи явленій историческихъ, соціальныхъ, религіозныхъ, прогресса въ области искусства, техники, промышленности. Словомъ, стараются придать ей характеръ всеобъемлющій, универсальный. Дарвина сравниваютъ съ Коперникомъ, произведшимъ переворотъ въ астрономіи, и съ Кантомъ, творцомъ критической философіи. Наконецъ, гипотеза Дарвина находитъ примѣненіе къ объясненію нравственныхъ проблемъ.

Для нравственнаго самосознанія не безразлично какое или иное рѣшеніе вопроса о будущихъ судьбахъ вселенной и самого человѣка: иное дѣло быть увѣреннымъ въ томъ, что нравственные идеалы получаютъ осуществленіе хотя бы въ безконечно отдаленномъ будущемъ, или за гробомъ; и иное, если держаться мнѣнія, повидимому неизбѣжно вытекающаго изъ основныхъ положеній естественно-научнаго міросозерцанія, что вселенная и человѣкъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ исчезнутъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, ни воспоминаній. Посмотримъ же, какая судьба предстоитъ нашему міру по предсказаніямъ ученыхъ.

По взгляду французскаго астронома Фая, съ космологической гипотезой котораго мы уже познакомились, солнце въ настоящее время находится въ газообразномъ состояніи. Черезъ лучеиспусканіе оно теряетъ массу теплоты, и со временемъ,

вслѣдствіе потери тепла, солнце должно перейти въ состояніе расплавленнаго—жидкое, а потомъ наконецъ и въ твердое. Съ солнцемъ случится то же самое, что уже случилось съ нѣкоторыми планетами, въ томъ числѣ и съ нашей землей. Другой ученый—Цельнеръ высказываетъ мнѣніе, что Юпитеръ и Сатурнъ, вѣроятно, находятся въ состояніи разгоряченномъ, при чемъ въ нихъ происходитъ лучеиспусканіе свѣта и тепла; между тѣмъ Нептунъ и Уранъ, равно какъ и большая часть Марса, уже покрыта свѣгомъ и льдомъ. Венера, подобно землѣ, должна быть покрыта еще водой. Есть теорія, по которой солнечная теплота поддерживается постояннымъ паденіемъ на него метеоритовъ и небольшихъ небесныхъ тѣлъ; но и въ такомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы такое явленіе продолжалось безконечное время. Гельмгольцъ объясняетъ солнечную теплоту сжиманіемъ его, при чемъ механическая сила превращается въ тепловую. Само собою разумѣется, что и этотъ процессъ долженъ когда-нибудь кончиться. Такимъ образомъ, какой-бы гипотезы относительно происхожденія солнечной теплоты мы ни держались, въ всякомъ случаѣ теплота эта рано или поздно должна изсякнуть. Слѣдствіемъ этого для нашей планеты будетъ, конечно, прекращеніе на ней всякой жизни, вся она покроется вѣчнымъ льдомъ, окаменѣетъ. Правда, такого конца можно ожидать еще не скоро,—можетъ быть, чрезъ милліоны лѣтъ,—тѣмъ не менѣе выводъ все-таки неутѣшительный. Если вселенной и вмѣстѣ человѣчеству со всей его культурой, со всѣми произведеніями науки, искусства угрожаетъ совершенная и неизбежная гибель, то къ чему тогда всѣ тѣ неимовѣрныя усилія, которыя затрачены въ теченіе вѣковъ гениями человѣчества? Къ чему эти безчисленныя жертвы, борьба, страданія, которыми неизбежно сопровождается шествіе впередъ человѣчества?

Свящ. Николай Липскій.

(Продолженіе будетъ).

„Дарвинизмъ“ предъ судомъ философа Гартманна.

(Окончаніе *).

IV.

Относительно третьяго главнаго фактора, содѣйствующаго естественному подбору, наслѣдственности, замѣчанія Гартманна коротки.—Наслѣдственность, по опредѣленію Дарвина, какъ факторъ, есть „передача потомкамъ и развитіе въ нихъ признаковъ“, возникшихъ раньше въ качествѣ уклоненія у предковъ. Значитъ, наслѣдственность состоитъ въ усвоеніи потомкомъ индивидуально пріобрѣтенныхъ измѣненій, или особенностей, въ его прямомъ генеалогическомъ роду. Таковъ фактъ, но законы, управляющіе наслѣдственностью неизвѣстны. „Никто не можетъ сказать, говоритъ Дарвинъ, почему одна и та же особенность у разныхъ особей того же вида, или у различныхъ видовъ, иногда наслѣдуется, а иногда—нѣтъ; почему дитя часто возвращается въ извѣстныхъ признакахъ къ дѣду, или бабкѣ, или къ болѣе отдаленному предку; почему извѣстная особенность часто передается отъ одного пола обоимъ поламъ или только одному“ и т. д. ¹⁾). Впрочемъ, думаетъ Дарвинъ, съ помощью гипотезы пангенезиса возможно понять и объяснить механизмъ наслѣдственности, представляя его сущность въ томъ, что каждая клѣточка живого организма рождаетъ изъ себя не развившіеся атомы зародышей, которые въ актѣ оплодотворенія передаются потомству обоихъ половъ и

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1902 г. № 4.

¹⁾ Происх. вид. 22.

размножаются дѣленіемъ. Эти-то атомы и образуютъ постоянный запасъ, или матеріальную основу, для воспроизведенія путемъ наслѣдственности всѣхъ особенностей цѣлаго фамиліаго организма.—Что подобная гипотеза совершенно неосновательна,—видно съ перваго взгляда. Гартманнъ находитъ въ ней три существенныхъ недостатка. Во-первыхъ, она вполне противорѣчитъ микроскопическимъ изслѣдованіямъ, при которыхъ ни разу не были открыты эти воображаемые организованные индивидуумы; во-вторыхъ, она лишь затемняетъ проблему наслѣдственности и, вмѣсто перенесенія наслѣдуемыхъ свойствъ въ яйцо родительскаго организма, переноситъ ихъ въ безчисленное множество клѣточекъ, и въ—третьихъ, она грубо матеріалистическая и не соотвѣтствуетъ динамическому воззрѣнію на матерію, господствующему въ новѣйшей физикѣ и нервной физиологіи ¹⁾). Несостоятельна она, думается намъ, еще и потому, что при одинаковой и равномерной передачѣ „зародышевыхъ атомовъ“ обоимъ поламъ, не объясняетъ наслѣдственности, ограниченной однимъ только поломъ. Неудивительно, что такая гипотеза не нашла ни сторонниковъ, ни защитниковъ.

Не доказавъ, какъ возможна наслѣдственность по гипотезѣ пангенезиса, Дарвинъ въ „Происхожденіи видовъ“ распространилъ наслѣдственную передачу на всѣ признаки безразлично. По его мнѣнію, правило—наслѣдственность всякаго признака, каковъ бы онъ ни былъ, а ненаслѣдственность—исключеніе. Чтобы ограничить это общее аподиктическое утвержденіе, Гартманнъ указываетъ на одно примѣчаніе, сдѣланное самимъ Дарвиномъ на основаніи статьи въ „North British Review“ (March, 1867 ²⁾); въ немъ онъ выражаетъ убѣжденіе, что „суще-

¹⁾ Das Unbewusste vom Standpunkt. d. Physiologie und Descendenztheorie. Ergänzungsband. 160—167 s.s. Тутъ же Гартманнъ при случаѣ разбираетъ гипотезу наслѣдственности Эльсберга о пластидулахъ, Геккеля о перигенезисѣ, Нэгели объ идиоплазмѣ, Вейсмана о зародышевой плазмѣ и Эймера о происхожденіи родовъ на основаніи приобретенныхъ чрезъ наслѣдственность свойствъ по законамъ органическаго роста. Общій выводъ Гартманна изъ разбора всѣхъ этихъ гипотезъ тотъ, что и наслѣдственность до сихъ поръ *сметается* надъ естественно-научнымъ объясненіемъ“. Ibid. 147 s.

²⁾ Прояск. чел. т. II, 97.

ствують огромные шансы *противъ* сохраненія какъ слабыхъ, такъ и рѣзкихъ уклоненій, если они встрѣчаются только на отдѣльныхъ недѣлимыхъ“. Тутъ же Дарвинъ сознается, что эти рѣзкія уклоненія *рѣдко* сохраняются посредствомъ естественнаго подбора, что даже сохраненіе весьма выгодныхъ измѣненій зависитъ до *извѣстной степени* отъ случая, и что уклоненія вообще, появляющіяся внезапно, передаются или безъ всякихъ измѣненій, или вовсе не передаются. Такъ-то Дарвинъ долженъ былъ отвергнуть необходимо вытекающее изъ его теоріи естественнаго подбора предположеніе о безусловномъ значеніи наслѣдственности и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить ее въ факторъ, дѣйствующій по неизвѣстнымъ причинамъ.

V.

Изъ вторичныхъ факторовъ подбора Гартманнъ разбираетъ прежде всего прямое дѣйствіе внѣшнихъ обстоятельствъ на организмъ, „слѣдствія“, по выраженію Дарвина, „измѣнившихся условій“. Принципъ этотъ несомнѣнно заимствованъ у Жоффруа Сентъ-Илера, для котораго внѣшнія обстоятельства были единственнымъ объясняющимъ факторомъ всѣхъ измѣненій. Этотъ ученый вѣрилъ, что вслѣдствіе уменьшенія, на примѣръ, углекислоты въ воздухѣ, произошли изъ ящеровидныхъ пресмыкающихся птицы, яко бы потому, что дыханіе тогда, съ увеличеніемъ кислорода, стало болѣе энергичнымъ. Конечно, подобное абсурдное мнѣніе не могло имѣть никакого кредита, хотя и нельзя отрицать извѣстнаго вліянія внѣшнихъ условій на измѣненіе (фізіологическое) организма. Споръ идетъ только о томъ, какъ далеко дѣйствуютъ эти внѣшнія условія и какъ установить предѣльную мѣру этому вліянію? Дарвинъ находитъ, что здѣсь очень трудно рѣшить что-либо *опредѣленнымъ образомъ*, и указываетъ исключенія, ограничивающія принципъ. Онъ весьма прозрачно говоритъ, что природа условій имѣетъ, по сравненію съ природою организма, второстепенное значеніе, не большес, чѣмъ искра, зажигающая массу горючаго матеріала ¹⁾. Онъ признаетъ случаи сходныхъ разновидностей

¹⁾ Происх. ввд. 20.

при совершенно различныхъ внѣшнихъ условіяхъ и несходныхъ разновидностей при тѣхъ же самыхъ внѣшнихъ условіяхъ. Онъ даже упоминаетъ „безчисленные примѣры видовъ“, которые остаются чистокровными или вовсе не измѣняются въ самыхъ противоположныхъ климатахъ, и повторяетъ снова, что такого рода соображенія побуждаютъ его „придавать меньше вѣса прямому дѣйствию окружающихъ условій, нежели стремленію измѣняться“, зависящему отъ неизвѣстныхъ причинъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе при нуждѣ Дарвинъ склоненъ преувеличивать значеніе внѣшнихъ условій. И подлинно, въ письмѣ къ Моррицу Вагнеру (опубликовано въ „Ausland“ 1879, № 17), когда послѣдній указалъ на случаи, необъяснимые путемъ естественнаго подбора (разумѣются произвольно наступившія измѣненія и сохраненныя посредствомъ разобщенія индивидуумовъ), Дарвинъ считаетъ своею „величайшею ошибкою“ умаленіе вліянія пищи, климата и т. п. условій. Но не говоря уже о томъ, что этотъ взглядъ прямо противоположенъ только что приведенному ученію о минимальномъ значеніи внѣшнихъ условій,— онъ, кромѣ того, зиждется на невѣрномъ предположеніи. Приписывая громаднѣйшее вліяніе внѣшнимъ условіямъ, Дарвинъ какъ бы забываетъ, что продолжительное постоянство вызванныхъ посредствомъ прямаго вліянія обстановки измѣненій и зависитъ всецѣло отъ продолженія одинаковыхъ обстоятельствъ, и что эти измѣненія не наследуются, если даже измѣненіе существовало тысячелѣтія, а выступаютъ только у такихъ потомковъ, которые подвержены вліянію той же обстановки; слѣдовательно ихъ свойство возникаетъ какъ бы *изъ первой руки* (Нагели). Въ новѣйшее время, свидѣтельствуетъ Гартманнъ, Эймеръ хотѣлъ защитить принципъ Ж. С. Илера, однако и онъ не привелъ никакихъ положительныхъ доказательствъ въ пользу склонности къ унаслѣдованію тѣхъ измѣненій, которыми реагируетъ организмъ на измѣненное питаніе, теплоту, влажность, давленіе атмосферы, вліяніе свѣта и проч. Общимъ правиломъ по прежнему остается, что эти измѣненія не могутъ выработать тенденціи къ наследственности даже въ весьма продолжительное время.

¹⁾ Ibid., 141.

Слѣдующимъ вторичнымъ факторомъ, т. е., учениемъ о вліяніи употребленія и неупотребленія на органы, Дарвинъ обязанъ Ламарку и его десцендентной теоріи. Безспорно, что упражненіе увеличиваетъ органы, а бездѣйствіе ихъ уменьшаетъ; но дальше этого значеніе принципа „употребленія и неупотребленія“ не простирается. Если же дарвинисты, и особенно Геккель, преувеличиваютъ его значеніе, то часто безъ всякаго основанія. Вигандъ справедливо возражаетъ, что употребленіе или неупотребленіе органа не имѣетъ никакого примѣненія въ растительномъ царствѣ, или, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть доказано. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ примѣнимость принципа несомнѣнна, и тамъ никогда нельзя забывать, что дѣйствія употребленія и неупотребленія простираются лишь на увеличеніе и укрѣпленіе органа, но не касаются его формы, и что измѣненіе величины органа остается на извѣстной границѣ, какъ, напримѣръ, неупотребленіе никогда не приводитъ къ полному исчезновенію органа, что признаетъ и самъ Дарвинъ. Но самое крупное недоразумѣніе, по Гартманну, представляютъ случаи, когда неупотребленіе органовъ зависитъ отъ измѣнившагося инстинкта, или, по выраженію Дарвина, отъ „измѣнившихся привычекъ“, производящихъ особенности въ сложеніи“ (организма) ¹⁾. Здѣсь, слѣдовательно, отношенія обратныя: не *случайныя* отклоненія въ устройствѣ организма предшествуютъ и производятъ измѣненіе инстинкта, но наоборотъ: измѣненіе инстинкта есть первичное, а модификація органа—вторичное. Точно также неупотребленіе не объясняетъ существованія рудиментарныхъ органовъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. По основному предположенію дарвинизма, если полезность образовала и укрѣпила органъ, то уменьшеніе полезности поведетъ къ остановкѣ въ его развитіи и даже къ постепенному исчезновенію. Противъ этого очевидно неправильнаго логически заключенія Гартманнъ ставитъ три возраженія. Во-первыхъ, если бесполезность сама по себѣ достаточна, чтобы, не смотря на *lex parsimoniae*, произвести упраздненіе органа, то давнымъ давно

¹⁾ Провсх. вид. 154, 170.

должны были быть уничтожены всѣ морфологически важныя, но физиологически безцѣнныя и бесполезныя различія формъ растеній и животныхъ: утверждение содержитъ больше, чѣмъ нужно. Во-вторыхъ, неупотребленіе такъ же мало объясняетъ возвратную метаморфозу органа, какъ употребленіе его первоначальное образованіе. Въ-третьихъ, существующія поврежденія въ рудиментарныхъ органахъ не только по степени таковы, что простое дѣйствіе неупотребленія не можетъ быть ихъ достаточною причиною, а тѣмъ болѣе объясняющимъ принципомъ, но и по роду. Въ качествѣ примѣра, иллюстрирующаго это положеніе, мы приведемъ одинъ случай. 28 января, 1891 года, въ Берлинскомъ медицинскомъ обществѣ Бартельсъ демонстрировалъ 26-лѣтняго юношу, надѣленнаго отъ рожденія въ области крестца опухолью, которая ясно отодвигалась отъ кончиковой кости. Опухоль имѣла твердую эластичную консистенцію, какъ волокнистая жировая опухоль (Fibrolipom). На верхнемъ концѣ опухоли видно было маленькое рубцевидное суживаніе, а самый верхній позвонокъ кончиковой кости производилъ впечатлѣніе, какъ будто онъ нѣсколько расширенъ, что служитъ признакомъ дѣйствія „извѣстныхъ эмбриологическихъ задержекъ“. Кончиковую кость можно было подъ опухолью изслѣдовать до ея вершины, и она казалась болѣе плоско вогнутою, чѣмъ обыкновенно, хотя число ея позвонковъ повидимому было нормально. Подобный случай демонстрировалъ еще проф. Вирховъ, которому былъ присланъ такой же препаратъ (только нѣсколько больше по величинѣ) изъ Бразиліи, отдѣленный отъ одного дитяти. Дарвинисты, конечно, хотѣли бы видѣть въ этихъ примѣрахъ случаи атавизма, или рудиментарнаго хвоста, но Бартельсъ опредѣленно говоритъ, что тутъ ничего нельзя подѣлать съ простымъ утвержденіемъ, будто эти случаи составляютъ простой возвратъ къ животному типу. Напротивъ, причины подобныхъ ненормальныхъ образованій, происходящихъ въ эмбриональномъ періодѣ жизни, могутъ и должны быть опредѣлены только посредствомъ гистологическихъ изслѣдованій ¹⁾).

¹⁾ Natur und Offenbarung, 1891, XXXVII т. 8-tes Heft.

VI.

Обращаемся теперь къ третьему вторичному фактору дарвинизма, *половому подбору*. Замѣчанія объ этомъ факторѣ по необходимости должны быть нѣсколько распространеннѣе, чѣмъ о прежнихъ вторичныхъ факторахъ. Дѣло въ томъ, что половой подборъ играетъ у Дарвина весьма значительную роль, и есть факторъ соравный естественному подбору. Равенство это, за исключеніемъ спеціальнаго примѣненія,—въ причинахъ дѣйствія. Половой подборъ *пользуется* видоизмѣненіями одного и того же общаго типа и увеличиваетъ ихъ по отношенію къ распространенію вида: естественный подборъ *пользуется* имъ для обычныхъ цѣлей жизни ¹⁾. Единственное только различіе между этими подборами по могуществу. Естественный подборъ, какъ самый главный, господствуетъ надъ половымъ и дѣйствуетъ болѣе сурово, чѣмъ этотъ послѣдній, „менѣе строгій подборъ“ ²⁾. Впрочемъ, у Дарвина „нѣтъ правила безъ исключенія“. Оказывается, что иногда половой подборъ побѣждаетъ естественный. Такъ, на примѣръ, по началамъ естественнаго подбора, именно по принципу полезности, потеря волосъ на тѣлѣ, защищающихъ отъ холода и сырости, положительно вредна для человѣка, но выгодна съ точки зрѣнія полового подбора, ибо увеличиваетъ красоту мужчины. Ergo, половой подборъ побѣждаетъ естественный, даже во вредъ индивидууму. А что это такъ, видно изъ того, что „волоса не могли исчезнуть на тѣлѣ человѣка путемъ естественнаго подбора“ ³⁾.

Итакъ, половой подборъ, подобно естественному, тоже представляетъ нѣчто неуловимое и неопредѣленное, подлежащее единственно описанію. Его дѣйствія не однообразны, какъ бы слѣдовало ожидать отъ закона, а различны въ разныхъ случаяхъ. Не даромъ, поэтому, Дарвинъ, во введеніи къ ученію о половомъ подборѣ, дѣлаетъ достойную вниманія оговорку: „я, пишуъ онъ, далеку отъ мысли, чтобы вліяніе полового подбора могло быть доказано съ *научною точностью*“ ⁴⁾, такъ

1) Происх. чел. II т. 302 с.

2) Ibid. т. I, 212, 225.

3) Ibid. т. II, 284—285, 294.

4) Ibid. т. I, 190.

какъ по причинѣ неполноты нашихъ знаній во многихъ отношеніяхъ, настоящій способъ дѣйствія полового подбора остается до извѣстной степени неизвѣстнымъ“¹⁾. Точно также по поводу той роли, какую игралъ этотъ подборъ въ исторіи чело-вѣка, Дарвинъ въ заключеніи своего сочиненія опредѣленно высказывается, что здѣсь недостаетъ научной точности²⁾.

Приведя эти предварительныя свѣдѣнія, необходимыя для иллюстраціи трудности при изученіи полового подбора, возвра-щаемся къ критикѣ Гартманна. Философъ, отдавши должную дань почтенія Дарвину, открывшему факторъ, содѣйствующій видоизмѣненію организмовъ, вступаетъ въ разборъ этого прин-ципа. А такъ какъ измѣнчивость, наслѣдственность и конкур-ренція, обуславливающія половой подборъ, совершенно одина-ковы съ подобными же факторами, образующими естествен-ный подборъ, то, само собою понятно, критическія замѣчанія должны относиться именно къ этимъ факторамъ. Все различіе здѣсь только въ томъ, что при естественномъ подборѣ идетъ борьба за сохраненіе жизни, индивидуальной и видовой, а при половомъ—за размноженіе, вслѣдствіе чего и конкуренція тутъ есть борьба за брачныя связи.

Объ измѣнчивости при половомъ подборѣ нужно сказать то-же, что было говорено объ измѣнчивости при естественномъ, т. е., что причины и этой измѣнчивости прежде всего неиз-вѣстны, а затѣмъ произвольны и разнообразны. „Почему, пи-шетъ Дарвинъ, различные признаки были иногда передаваемы однимъ образомъ, а иногда другимъ, неизвѣстно для большин-ства случаевъ“³⁾. А что, съ другой стороны, эти причины произвольны и разнообразны,—это мы видѣли уже выше, го-воря объ измѣнчивости вообще и роли вѣроятностей въ гипотезѣ Дарвина. Въ дополненіе къ сказанному, мы приведемъ здѣсь еще объясненіе, касающееся вторичныхъ половыхъ при-знаковъ у млекопитающихъ. „Въ тѣхъ случаяхъ, читаемъ мы, гдѣ самецъ отличается по цвѣту отъ самки, у него обыкно-

1) Ibid. 197.

2) Провсх. чел. т. II, 290.

3) Ibid. 180. „Даже въ одною случаѣ изъ ста мы не можемъ указать точной причины, почему измѣнялась та или другая часть“ Пр. вид. 170.

венно проявляются болѣе опредѣленные и рѣзче отличающіеся другъ отъ друга оттѣнки. Въ этомъ классѣ мы не встрѣчаемъ великолѣпныхъ красныхъ, голубыхъ, желтыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ..., впрочемъ, голыя мѣста кожи у нѣкоторыхъ четырехрукихъ составляютъ *исключеніе*... Въ другихъ случаяхъ цвѣта самца обусловлены *повидимому* простымъ измѣненіемъ, безъ участія подбора. Но когда цвѣта разнообразны и рѣзки, когда они не развиваются до почти зрѣлаго возраста и теряются послѣ кастраціи, мы едва можемъ избѣжать заключенія, что они были приобрѣтены путемъ полового подбора ради украшенія и были переданы *исключительно* или *почти исключительно* тому же полу“. А если *оба пола окрашены одинаково*, то, значить, *приобрѣтенные признаки перешли къ обоимъ поламъ* ¹⁾. Есть ли тутъ объясненіе рассматриваемыхъ фактовъ, или нѣтъ никакого,—нельзя сомнѣваться ни на минуту. Это тавтологія или, въ лучшемъ случаѣ, описаніе фактовъ, какое составляютъ всѣ вообще такъ называемые принципы полового подбора. Неудивительно, поэтому, что Гартманнъ назвалъ эти объясненія болѣе странными, чѣмъ объясненія измѣняемости при естественномъ подборѣ.

Еще спутаннѣе законы половой наслѣдственности. Если наслѣдственность при естественномъ подборѣ одинаково простирается на оба пола, то наслѣдственность, дѣйствующая и закрѣпляемая половымъ подборомъ, чрезвычайно разнообразна. Она или ограничивается однимъ поломъ, или обнимаетъ оба пола, и производитъ или сильныхъ или и ярко окрашенныхъ самцовъ, или же, наоборотъ, таковыхъ самокъ. Кромѣ того, есть не мало примѣровъ, гдѣ оба пола или только одинъ не отличаются блестящею окраскою, и есть много случаевъ, гдѣ измѣненія наслѣдуются въ различные возрасты, то въ одинъ извѣстный періодъ, то въ разные и даже во всѣ возрасты жизни. Въ виду такой крайней сложности и разнообразія законовъ половой наслѣдственности понятна необычайная трудность ихъ объясненія, особенно на теоріи вѣшняго и случайнаго механизма, какова доктрина Дарвина. И подлинно, у

1) Пронсх. чел. II т. 237—238.

Дарвина нѣтъ никакого объясненія этой наслѣдственности. Кто дастъ себѣ трудъ прочитать хотя бы то „общій обзоръ и заключительныя замѣчанія“ къ законамъ наслѣдованія, тотъ сразу замѣтитъ, какова тутъ странная путаница понятій и какъ каждый quasi—законъ терпитъ исключенія ¹⁾. Нѣтъ смысла, конечно, и въ такомъ объясненіи, если намъ говорятъ, что „нѣкоторыя изъ послѣдовательныхъ измѣненій передавались одному только полу, а другія обоимъ разомъ“, вслѣдствіе чего „мы находимъ въ разныхъ породахъ одного и того же вида всевозможныя градаціи отъ большаго межполоваго различія до полнаго сходства“ ²⁾. Не понятнѣе, наконецъ, и ссылка на гипотезу пангенезиса, которая будто бы весьма наглядно объясняетъ всѣ факты наслѣдственности! Но мы уже знаемъ, какова эта гипотеза. Итакъ, и половая наслѣдственность, подобно естественной, совершенно темная область, куда не проникаетъ наше знаніе. Остается рассмотреть подборъ, происходящій изъ борьбы за брачныя связи. Подборъ этотъ бываетъ или слѣдствіемъ дѣйствительной борьбы конкурентовъ—самцовъ за обладаніе самками, или слѣдствіемъ предпочтенія, оказываемаго послѣдними лучшимъ въ какомъ-либо отношеніи соискателямъ. Подборъ въ борьбѣ, соглашается Гартманнъ, на самомъ дѣлѣ даетъ преимущество сильнѣйшимъ и лучше вооруженнымъ самцамъ и можетъ быть признанъ во многихъ случаяхъ причиною неравной силы и вооруженія половъ (если, конечно, соотвѣтствующія измѣненія возникли первоначально по неизвѣстнымъ силамъ), именно тамъ, гдѣ происходитъ такая борьба за обладаніе самкой. Но есть не мало видовъ, у которыхъ нѣтъ подобной борьбы и къ которымъ, поэтому, настоящее объясненіе не примѣнимо. Сюда, напримѣръ, относятся самые низшіе классы животныхъ, т. е., какъ гермафродитные и прикрѣпленные къ одному мѣсту виды, такъ и раздѣльнополые и свободно передвигающіеся никогда не борются за обладаніе самками. Такимъ образомъ уже въ самомъ, такъ сказать, *корнѣ* жизни принципъ не дѣйствителенъ. Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, но совершенно непонятно, почему переда-

¹⁾ Ibid., I т. 225—227.

²⁾ Ibid., 216.

ются въ предѣлахъ одного и того-же пола тѣхъ измѣненій, которыя, по предположенію, возникаютъ изъ конкуренціи за брачныя связи. Гартманнъ вполне основательно сомнѣвается, чтобы такія преимущества, какъ большая драчливость, болѣе яркая окраска, болѣе длинныя рога, шпоры и т. п. имѣли какое-либо вліяніе на ограниченную однимъ поломъ наследственность. Стало бытъ, и этотъ феноменъ требуетъ объясненія. Дарвинисты обыкновенно ссылаются на естественный подборъ, по которому будто бы самки часто избѣгали яркой окраски въ виду опасностей, могущихъ имъ угрожать во время высиживанія яицъ, но это опять таки утвержденіе факта, а не объясненіе, ибо, какъ извѣстно, есть много другихъ видовъ (среди птицъ, напримеръ), „у которыхъ оба пола одинаково или почти одинаково украшены“. Значитъ, тутъ нужно предположить дѣйствіе иного принципа, нежели драчливость, поединки, продолжительное ухаживаніе, т. е., тѣ внѣшнія отличія, которыя играютъ роль при брачныхъ союзахъ; а это новое доказательство противъ случайной и механической наследственности.

Вторая форма борьбы при половомъ подборѣ—предпочтеніе со стороны самокъ однихъ соперниковъ другимъ. Основывается она на психическихъ факторахъ. По взгляду Дарвина, тутъ дѣйствуетъ на выборъ самокъ съ одной стороны *новизна*, т. е., перемѣна для перемѣны, подобно модѣ въ человѣческомъ обществѣ ¹⁾, съ другой—вкусъ и умѣнье самокъ различать самцовъ по ихъ красотѣ, силѣ и пріятности пѣнія. Первый факторъ дѣйствуетъ весьма рѣдко; второй—постоянно, причемъ вкусъ птицъ настолько *причудливъ*, что, благодаря его разнообразію, въ предѣлахъ одной группы птицъ и при одинаковыхъ почти нравахъ могутъ существовать бѣлые, почти бѣлые, точно такъ же, какъ и черные или почти черные виды“. А чтобы не оставалось сомнѣнія въ дѣйствительности вкуса и свободнаго выбора самцами самцовъ, Дарвинъ допускаетъ послѣдовательное развитіе эстетическаго вкуса у птицъ, равное въ своемъ генезисѣ съ развитіемъ его у человѣка, и находитъ тутъ полную аналогію. „Эстетическія способности самки,

¹⁾ Ibid. т. II, 176.

говоритъ онъ, *должны были развиваться* путемъ упражненія или привычки, подобно тому, какъ и нашъ собственный вкусъ совершенствуется мало по малу“¹⁾. Во-вторыхъ, для подтвержденія своего мнѣнія о вкусѣ животныхъ, Дарвинъ, не замѣчая противорѣчія, *одновременно* ссылается на единство происхожденія всѣхъ видовъ, вслѣдствіе чего будто бы эстетическій вкусъ у всѣхъ животныхъ долженъ быть одинаковымъ, и на различіе этого вкуса у разныхъ человѣческихъ расъ. Отсюда неизбѣжный выводъ, что у людей на разныхъ ступеняхъ культуры и цивилизаціи вкусъ различенъ, а у людей и птицъ одинаковъ!

Начать и намъ съ оцѣнки побужденій „новизны ради новизны“. По мнѣнію Гартманна, нужно безусловно отвергнуть эту аналогію съ „модою“. Несомнѣнно, что это такъ. Посмотримъ, однако, въ чемъ тутъ дѣло. Итенцы *Ardea asha* (изъ семейства цапель) бѣлые, а взрослые птицы—темнаго аспидно—сѣраго цвѣта; молодья и взрослые птицы родственнаго *Burhus coromandus* въ зимнемъ опереніи бѣлыя, а въ періодъ размноженія золотисто—ржавыя. Какія, спрашивается, причины произвели эту періодически измѣнчивую окраску? Дарвинъ понимаетъ, что тутъ не поможетъ ни естественный, ни половой подборъ, ибо, сознаетъ онъ самъ, невѣроятно, чтобы молодья птицы *напрѣнно* сдѣлались бѣлыми п, слѣдовательно, болѣе замѣтными для своихъ враговъ, или чтобы взрослые птицы тоже *напрѣнно* стали бѣлыми зимой въ странѣ, гдѣ никогда не бываетъ снѣга. Но мы знаемъ, продолжаетъ Дарвинъ, что бѣлый цвѣтъ былъ пріобрѣтенъ многими птицами, какъ половое украшеніе. Значитъ древніе родоначальники *Ardea asha*

¹⁾ Ibid. 304. У Дарвина перѣдко фигурируетъ этотъ непонятный *долж*. Вотъ весьма яркій примѣръ. „Низшія животныя, говоритъ онъ, *должны* измѣнить свое строеніе, чтобы остаться въ живыхъ при значительнo измѣненнхъ условіяхъ. Они *должны* были сдѣлаться сильнѣе или пріобрѣсти болѣе сильныя зубы и когти, чтобы защищаться отъ новыхъ враговъ... При переселеніи въ болѣе холодный климатъ они *должны* были покрыться болѣе густымъ мѣхомъ или измѣнить свое тѣлосложеніе“ Ibid. т. I, 118. Намъ подобное объясненіе напоминаетъ произвольныя измышленія Шопенгауэра, у котораго, соответственно его абсолютно-свободной волѣ, „звѣрь таковъ, потому что такъ хочетъ“. Но Дарвинъ, однако упустилъ изъ виду одно главное и существенное возраженіе, что отъ должнаго нѣтъ перехода въ возможному, а тѣмъ болѣе дѣйствительному.

и *Burhus* были бѣлые и выработали этотъ признакъ для половой конкуренціи. Сначала бѣлый цвѣтъ передавался всему потомству, такъ что и молодыя, и старыя птицы были бѣлыми; впоследствии же бѣлый цвѣтъ сохранился только у молодыхъ птицъ, тогда какъ взрослые перемѣнили его на болѣе рѣзкіе оттѣнки. А если еще дальше, въ глубинѣ вѣковъ, искать родоначальниковъ этихъ цапель, то окажется, что они были темными (по аналогіи съ другими птицами, темными въ молодости и бѣлыми въ зрѣломъ возрастѣ). Отсюда исторію послѣдовательнаго измѣненія въ цвѣтѣ названныхъ цапель можно представить въ слѣдующемъ порядкѣ: „во-первыхъ ихъ цвѣтъ сдѣлался темнѣе, затѣмъ чисто бѣлымъ и, въ-третьихъ, вслѣдствіе другой перемѣны моды (если я могу такъ выразиться, прибавляетъ Дарвинъ), онѣ достигли своихъ настоящихъ сѣрыхъ, красноватыхъ, или золотисто-ржавыхъ оттѣнковъ. Эти постепенныя измѣненія становятся понятны, только если допустить, что птицамъ нравилась *новизна ради новизны*“¹⁾. Читатель, конечно, понимаетъ, что подобнымъ образомъ можно объяснить все, что угодно. Не напрасно Дарвинъ заранѣе призналъ вкусъ птицъ *причудливымъ*, могущимъ произвести и такую, наиримѣръ, удивительную метаморфозу въ цвѣтѣ, какъ измѣнить лѣтомъ у многихъ породъ чаекъ (*Larus*) ихъ головы и шеи въ бѣлое опереніе, вмѣсто обыкновеннаго зимняго и въ молодомъ возрастѣ сѣраго или пятнистаго; причемъ въ другомъ родѣ (у маленькихъ чаекъ и нѣкоторыхъ крачекъ) наблюдается совершенно противоположное явленіе²⁾. Однако, не менѣе вѣрно и то, что, гдѣ начинается „причудливость“, тамъ широкая область произвола.

Теперь объ эстетическомъ вкусѣ животныхъ. Что высшія млекопитающія и птицы владѣютъ извѣстнымъ (безсознательнымъ) чувствомъ красоты,—это вмѣстѣ съ Гартманномъ можно охотно допустить, но что имъ владѣютъ низшія животныя,—это опять нужно рѣшительно отвергать. Самъ Дарвинъ не признаетъ эстетическаго вкуса у *Protozoa*, моллюсковъ и кольчатыхъ, ибо, справедливо замѣчаетъ онъ, крайне *неопроятно*

¹⁾ Ibid. 177—178.

²⁾ Ibid. 175.

восхищеніе блестящей окраской у столь низкихъ организмовъ. Поэтому и окраска ихъ не имѣетъ цѣлью привлечь самокъ, а обязана своимъ происхожденіемъ природѣ тканей, свѣту и средѣ. Такимъ образомъ самые первичные организмы составляютъ полную противоположность принципамъ полового подбора. Нѣтъ у нихъ, какъ мы видѣли, борьбы за обладаніе самками, нѣтъ и восхищенія окраскою. Первымъ животнымъ, пріобрѣвшимъ яркую окраску съ цѣлью плѣнять самокъ, Дарвинъ считаетъ ракообразныхъ, которыя стоятъ ступенью выше кольчатыхъ (морскихъ червей). Гартманнъ характеризуетъ эту границу между кольчатыми и ракообразными, какъ *произвольную*. И на самомъ дѣлѣ она произвольна. Замѣчая различіе по окраскѣ половъ у нѣкоторыхъ видовъ ракообразныхъ, Дарвинъ „подозрѣваетъ“ тутъ дѣйствіе полового подбора, не смотря на множество другихъ видовъ, сходныхъ по окраскѣ въ обоихъ полахъ, и совершенное отрицаніе вліянія подбора на окрашеніе маленькихъ щитиковъ изъ рода *Saphirina*. Сказавши, затѣмъ, что ракообразныя „очень умны“, и что самцы *повидимому* многочисленнѣе самокъ и отличаются величиною клешней, Дарвинъ приходитъ къ „вѣроятному въ высшей степени“ выводу, что самцы этихъ животныхъ пріобрѣли свои краски для привлеченія самокъ ¹⁾. Здѣсь-то и начало полового подбора и исходный его пунктъ. Что за нужда, что тутъ одна крайне сомнительная вѣроятность и самовольное *подозрѣніе*? Пробѣлы вѣдь встрѣчаются постоянно во всѣхъ рядахъ животныхъ; нѣкоторые изъ нихъ весьма значительны, а иные малаго значенія. Существуетъ, на примѣръ, пробѣлъ въ органической цѣпи между человѣкомъ и обезьянами, пробѣлъ, который не можетъ быть наполненъ ни однимъ изъ вымершихъ или живущихъ видовъ, тѣмъ не менѣе „этотъ фактъ не будетъ имѣть особеннаго значенія для тѣхъ, которыя, въ силу общихъ доказательствъ, *вѣрятъ* въ начало постепеннаго развитія“ ²⁾. Итакъ, нужно *вѣрить* Дарвину, что еще ракообразныя стали пользоваться окраскою при половыхъ связяхъ;—ибо иначе откуда взять начало подбора по окраскѣ и „постепеннаго раз-

¹⁾ Ibid. I т. 257—258.

²⁾ Ibid. 151.

витія“ эстетическаго вкуса животныхъ?! Но зато какая увѣренность дальше! „Съ высшими животными, говоритъ Дарвинъ, дѣло другаго рода; если здѣсь одинъ полъ представляетъ болѣе блестящую, рѣзкую окраску и въ образѣ жизни обоихъ половъ нѣтъ различій, которыя объясняли бы это обстоятельство, то есть причина думать о вліяніи полового подбора“ и т. п. ¹⁾. Однако и среди этихъ высшихъ животныхъ много исключеній. Разумѣемъ прежде всего рыбъ, земноводныхъ и пресмыкающихся. Есть среди этихъ классовъ случаи, гдѣ оба пола не различаются по окраскѣ (крокодилы, многія ящерицы, черепахи и др.); существуютъ многія рыбы, которыя усвоили свои цвѣта, какъ средство *безопасности* (плоскуша, морская игла, совершенно похожая на морскую траву), и также виды, у которыхъ, какъ у низшихъ животныхъ, блестящія краски—результатъ особенностей ихъ тканей и окружающихъ условій, безъ всякаго участія подбора; есть, далѣе, нѣсколько видовъ змѣй, тоже пріобрѣвшихъ окраску для обезпеченія жизни и лишенныхъ при этомъ „вкуса и умѣнья цѣнить цвѣта своихъ собратьевъ“, извѣстны, наконецъ, примѣры, гдѣ самка ярче окрашена самца (родъ *solenostoma* ²⁾). Какъ же, является вопросъ, согласовать съ теоріей эти исключенія изъ принциповъ подбора? Дарвинъ самъ отлично знаетъ, что самки тѣхъ *Pgionida* (пластинчаторогихъ), у которыхъ онѣ окрашены богаче самцовъ, составляютъ „обстоятельство“, не вяжущееся съ общимъ правиломъ относительно окраски, пріобрѣтенной путемъ полового подбора ³⁾. По этой причинѣ и, главнымъ образомъ, въ виду разворѣчиваго ученія другихъ натуралистовъ, Дарвинъ всюду, по поводу окраски всѣхъ низшихъ животныхъ до птицъ включительно, ведетъ рѣчь весьма слабымъ тономъ, сводя свою аргументацію къ предположенію, что это „наиболѣе вѣроятный взглядъ“ и къ своимъ личнымъ

1) Ibid. 247.

2) Противорѣчитъ классъ рыбъ подбору и потому, что у нихъ, какъ правило, самцы всегда меньше самокъ, и потому еще, что у нихъ нѣтъ выбора паръ, хотя и неизвѣстно, почему эти самцы, при постоянной дракѣ между собою, не сдѣлались больше и сильнѣе самокъ путемъ полового подбора.

3) Пронсх. чел. т. I, 232.

мнѣніямъ, которыя, понятно, ни для кого не обязательны. „Я, говоритъ онъ, не могу, на основаніи *нѣкоторыхъ соображеній*, отказаться отъ мысли, что самцы (рыбъ), наиболѣе привлекательные для самокъ по яркимъ цвѣтамъ или украшеніямъ, обыкновенно предпочитались ими, и что вслѣдствіе этого они должны были *въ теченіе вѣковъ* сдѣлаться болѣе красивыми“ ¹⁾.

Не доказавъ возможности полового подбора изъ эстетическихъ побужденій среди всѣхъ низшихъ животныхъ вообще, Дарвинъ за то приписываетъ громаднѣйшую роль этому принципу у птицъ. Однако и здѣсь этотъ принципъ не можетъ быть принятъ въ смыслѣ закона. Естественный законъ, или естественная причина, только тогда признается за таковую, когда удовлетворительно объясняетъ всѣ явленія, входящія въ кругъ ея дѣйствій; если же она несовмѣстна со многими явленіями, то ее нужно заподозрить, какъ слабую и сомнительную. Въ этомъ смыслѣ подобные законы только умаляютъ научное достоинство той теоріи, въ составъ которой они входятъ. Между тѣмъ и у птицъ не мало исключеній изъ принципа подбора по окраскѣ. Точно такъ же, какъ низшія животныя, однѣ птицы имѣютъ измѣненную окраску для охраны и приспособленія къ окружающей средѣ (ководой, бекасъ, куликъ и пр.), другія пріобрѣли ее вслѣдствіе прямого вліянія условій жизни (мягкоклювыя птицы); третьи и не различаются по оперенію въ обоехъ полахъ (у большинства поцугаевъ), и, наконецъ, есть виды, у которыхъ самка не только дѣлаетъ выборъ самца, но ухаживаетъ за нимъ и даже дерется изъ за обладанія имъ (у глухарей и павлиновъ первые авансы дѣлаются самками). Дарвинъ называетъ нравы этихъ самокъ, ставшихъ больше, сильнѣе, голосистѣе и ярче своихъ самцовъ „совершенно извращенными“ и объясняетъ возникновеніе подобныхъ особенностей вліяніемъ полового подбора и передачею признаковъ, ограничивною однимъ женскимъ поломъ! ²⁾.

Высшій, послѣдній классъ животныхъ—млекопитающія. По замѣчанію Дарвина, тутъ по-преимуществу преобладаетъ уже

¹⁾ Ibid., т. II, 14.

²⁾ Ibid. 180—181.

законъ боя за обладаніе самкой, такъ что нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, чтобы самцы старались выказать свою красоту передъ самками. У млекопитающихъ, слѣдовательно, привычки украшенія не дѣйствительны. Отсюда и общій выводъ Дарвина по этому вопросу крайне осторожный: „*Несъроятно*, говоритъ онъ, чтобы брачные союзы четвероногихъ въ естественномъ состояніи были предоставлены одной случайности. Гораздо болѣе *вѣроятно*, что самка бываетъ привлечена однимъ самцомъ, обладающимъ нѣкоторыми особенностями, въ большей степени, чѣмъ другими самцами. Но какія эти особенности, мы рѣдко или вовсе не можемъ рѣшить“¹⁾. Не настаиваемъ уже на томъ противорѣчіи, что и среди млекопитающихъ есть самки красивѣе самцовъ (у бундера); затѣмъ, виды, получившіе свои украшенія, какъ безполезныя, безъ помощи полового подбора (самцы нѣкоторыхъ кошекъ рыжіе, въ то время, когда самки трехцвѣтныя), потомъ виды, у которыхъ оба пола совершенно сходно окрашены (тигръ, зебра), и, наконецъ, виды, имѣющіе окраску съ цѣлью охраны (выхухоль). Такимъ образомъ, хотя окраска и можетъ вліять на половой подборъ, но не такъ безусловно, какъ это нужно Дарвину для подтвержденія его теоріи.

Еще слабѣе аргументація Дарвина о вліяніи на выборъ самками самцовъ вокальной и инструментальной музыки, выполняемой послѣдними. Гартманнъ утверждаетъ, что Дарвинъ нисколько не доказалъ своего предположенія относительно птицъ, будто бы ихъ самки даютъ предпочтеніе лучшимъ пѣвцамъ; и съ этимъ положеніемъ философа необходимо согласиться. Дѣло въ томъ, что многіе натуралисты, упоминаемые Дарвиномъ, не согласны съ его теоріей птичьей музыки и считаютъ пѣніе слѣдствіемъ соперничества и соревнованія, а не прельщенія самокъ, такъ какъ большинство самцовъ пѣвчихъ и другихъ птицъ обыкновенно не ищутъ самокъ, которыя сами прилетаютъ на ихъ пѣніе. Дарвинъ не опровергъ этого взгляда и самъ указалъ случай, гдѣ привычка пѣть была независима отъ любви (пѣль безплодный ублюдокъ канарейки), —

¹⁾ Ibid. 207.

тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ думать, что нѣтъ никакого противорѣчія между обѣими цѣлями пѣнія, т. е., пѣніемъ изъ соревнованія и пѣніемъ для плѣненія самокъ. Впрочемъ, истинное его мнѣніе въ томъ, что „часто бываетъ трудно узнать, служатъ ли различные странные крики и звуки, издаваемые самцами птицъ въ пору размноженія, средствомъ правиться самкѣ, или только призывомъ“ ¹⁾. Равнымъ образомъ онъ совершенно ничего не знаетъ относительно млекопитающихъ, приобрѣли ли они свои голоса для того, чтобы правиться самкамъ, или для того, чтобы побѣждать соперниковъ, или, наконецъ, путемъ упражненія и наслѣдованія ²⁾. Итакъ мы убѣждаемся въ справедливости замѣчанія Гартманна, что Дарвинъ не доказалъ своего положенія о значеніи пѣнія и музыки при выборѣ паръ.

Завершеніемъ всѣхъ ошибокъ относительно полового подбора служитъ признаніе *сознательнаго* выбора самками соперниковъ-самцовъ. Ошибка эта, однако, настолько была прозрачна, что самъ Дарвинъ не земедлилъ ее опровергнуть. Съ поражающею у серьезнаго мыслителя неустойчивостью во взглядѣ онъ ставитъ на ряду съ ошибочнымъ утверженіемъ и иное правильное. Вотъ эти параллели: „самки *сознательно* выбираютъ самцовъ“ (свидѣтельство нѣкоего Одюбона), ³⁾ и: „онѣ имѣютъ, по-видимому, *нѣкоторый вкусъ* къ прекрасному въ дѣлѣ цвѣтовъ и звуковъ“ ⁴⁾, или, правильнѣе, „*безсознательно* предпочитаютъ (увлекаются) самцомъ“ ⁵⁾, ибо „невѣроятно, чтобы при этомъ самка *сознательно* разсуждала; она просто возбуждается, увлекается наиболѣе красивыми, музыкальными или храбыми самцами“ ⁶⁾. Еще: „кажется, что птицы самыя эстетичныя изъ всѣхъ животныхъ, исключая конечно человѣка, и что относительно прекраснаго у нихъ вкусъ очень близокъ къ нашему“, такъ какъ мы съ наслаженіемъ слушаемъ пѣніе птицъ и наши женщины украшаютъ свои головы птичьими перьями ⁷⁾, и опять: „мы не должны судить о вкусахъ различныхъ видовъ (птицъ) по одной общей мѣркѣ,

1) Ibid. 48.

2) Ibid. 210.

3) Ibid. 90—91.

4) Ibid. 95.

5) Ibid. 40, 179.

6) Ibid. 96.

7) Ibid. 31.

а еще менѣе мѣрятъ ихъ вкусы на *человѣческій аршинъ*¹⁾. Само собою разумѣется, что подобная самокритика и самопротиворѣчіе убѣдительнѣе всякихъ постороннихъ доказательствъ ошибочности перваго предположенія Дарвина, будто самки сознательно выбираютъ самцовъ.

VII.

Послѣдній факторъ, разсматриваемый Гартманномъ, есть соотнositельное (коррелятивное) измѣненіе. По собственному опредѣленію Дарвина, подъ этимъ измѣненіемъ нужно разумѣть такую тѣсную связь и взаимную зависимость всѣхъ частей организма, что измѣненія въ одной непременно ведутъ къ соотвѣтствующему измѣненію въ другой. Конечно, эта коррелятивность не только фізіологическая зависимость и солидарность всѣхъ органовъ между собою въ общемъ жизненномъ процессѣ, но, главнымъ образомъ, морфологическое, систематическое взаимодействіе всѣхъ элементовъ организма, сколько въ отношеніи его основнаго типа, столько же и анатомическаго его устройства. Ясно, что здѣсь вопросъ касается самой глубокой проблемы натуръ-філософіи, той именно проблемы, при рѣшеніи которой нельзя ограничиться ссылкой на полезность, выработанныя привычки или случайность, а тѣмъ болѣе нельзя довольствоваться сравненіемъ съ простою приспособленностью организма. Но каковы причины управляютъ такою соотнositельностью измѣненій, Дарвинъ, по обыкновенію, не знаетъ²⁾. Однако совершенно очевидно, что безъ этого принципа ничего нельзя объяснить. И вотъ, Дарвинъ загнавши его, говоря словами Гартманна, въ задній и самый темный уголъ (и дѣйствительно объ этомъ принципѣ говорится очень коротко), постоянно пользуется имъ, если только не помогаютъ другіе принципы. Это, такъ сказать, послѣдній резервъ, который пускается въ огонь, послѣ того какъ остальные (передовыя) войска напрасно растратили свои заряды. Законъ коррелятивности, вѣрно замѣчаетъ Гартманнъ, для дарвинистовъ то же самое, что на обыкновенномъ философскомъ языкѣ называется міровой гармоніей, міровымъ планомъ творенія.

1) Ibid. 53.

2) Ibid. т. I, 96.

Разница только въ томъ, что, говоря о планѣ творенія, разумѣютъ предварительное идеальное содержаніе, осуществляющееся въ цѣлой природѣ и натуральныхъ законахъ, а, говоря о гармоніи міра, или реализирующемся въ немъ законѣ коррелятивности, разумѣютъ ту же цѣлесообразность и идеально-правильное отношеніе отдѣльныхъ частей міра къ цѣлому міру и отдѣльныхъ частей организма къ цѣлому организму, и обратно. Говоря иначе, тутъ различіе только въ словахъ, а не въ ірса ге, такъ что безразлично, учатъ ли о законахъ коррелятивнаго измѣненія организма, или о законахъ имманентнаго, внутренняго органическаго развитія. Кто принимаетъ первое, тотъ допускаетъ и второе, и наоборотъ. Только одинъ откровенно сознается, что онъ употребляетъ идеальный принципъ, не сводимый на механическія причины, а другой показываетъ видъ, что имѣетъ дѣло съ механическимъ факторомъ, хотя и никогда не доказалъ его механическаго происхожденія. Случайные толчки, получаемые организмами со стороны природы, съ естественнымъ подборомъ, закрѣпляющимъ лучшее, па что обыкновенно дарвинисты указываютъ при своихъ разсужденіяхъ о морфологическихъ и коррелятивныхъ измѣненіяхъ,—ровно ничего не объясняютъ. Какъ мы видѣли выше, случайные, неопредѣленные толчки скорѣе всего произвели бы путаницу, вмѣсто цѣлесообразности, или, по меньшей мѣрѣ, поступательное движеніе, то въ положительную, то въ отрицательную сторону, въ произвольномъ направленіи. А если не забывать при этомъ, что законъ коррелятивности простирается на весь міръ въ цѣломъ, т. е., на всю органическую и неорганическую природу, насколько измѣненія въ той и другой области стоятъ во взаимной зависимости, то уже вовсе невозможно, оставаясь на строго научной, фактической почвѣ, понять эту цѣлесообразность и коррелятивность изъ случайныхъ механическихъ толчковъ. Такъ-то дарвинизмъ, на основаніи неоспоримыхъ эмпирическихъ фактовъ, вынужденъ признать законсообразную коррелятивность во всемъ органическомъ мірѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ стать въ противорѣчіе съ своимъ механическимъ міровоззрѣніемъ, по началамъ котораго всѣ измѣненія должны происходить вслѣдствіе внѣшнихъ и случайныхъ вліяній. Организмы и ихъ типы, рассматривавшіеся первоначально

Дарвиномъ, какъ отпечатокъ внѣшней обстановки со всѣми разнообразными ея условіями, въ концѣ концовъ признаны результатомъ *какого-то* внутренняго коррелятивнаго развитія, осуществляющагося въ организмахъ.

Въ заключеніе критики, можно формулировать выводы Гартманна относительно дарвинизма въ слѣдующихъ тезисахъ. Теорія подбора, естественнаго и полового безразлично, задуманная съ намѣреніемъ чисто механически объяснить „происхожденіе видовъ“ и разнообразныя явленія въ области органической жизни, не достигаетъ своей цѣли, потому что два фактора, обуславливающіе подборъ: наследственность и измѣнчивость не выводимы изъ механическихъ причинъ, а третій факторъ, борьба за существованіе, хотя и можетъ дѣйствовать механически, однако наступаетъ не раньше происшедшей перемѣны, закрѣпленной наследственностью. Значитъ, первая ошибка теоріи подборовъ—грубое механическое міровоззрѣніе. Вторая крупная ошибка преувеличеніе значенія теоріи, такъ какъ она не объясняетъ ни морфологическаго измѣненія типа, ни способовъ возвышенія ступеней организациі. Но и въ предѣлахъ фізіологическаго приспособленія къ жизненной обстановкѣ теорія въ своемъ исполненіи стѣснена цѣлымъ рядомъ условій. Прежде всего необходимо появленіе, по какимъ бы то ни было причинамъ, лучше приспособленной формы съ склонностью къ наследственной передачѣ. Второе условіе въ томъ, чтобы измѣненіе не только совершилось въ опредѣленномъ направленіи, но и выступило въ *замѣтной* степени, дѣйствительно способной возвысить шансы одареннаго имъ индивидуума въ борьбѣ за существованіе (при несомнѣнномъ положеніи, что минимальныя и необычайно медленныя измѣненія бесполезны и могутъ быть уничтожены природою). Затѣмъ, должно быть такое отношеніе между числомъ индивидуумовъ и средствами существованія, чтобы дѣйствительно могла прійти активная или пассивная конкуренція, въ которой многіе погибаютъ. Наконецъ, четвертое условіе состоитъ въ требованіи, чтобы подборное свойство, или признакъ, не было индифферентнымъ, или просто увеличивающимъ пріятность

жизни, но подлинно полезнымъ, увеличивающимъ способность выдерживать конкуренцію, и притомъ полезнымъ съ самаго начала подборнаго процесса подъ единственнымъ предположеніемъ status quo организаціи. Но если, полагаетъ Гартманнъ, взвѣсить, какое значеніе имѣетъ естественный подборъ и борьба за существованіе при исполненіи всѣхъ названныхъ условій, то въ результатѣ получается 0. Выдавать подборъ достаточнымъ объясняющимъ принципомъ развитія органическаго царства равнозначительно тому, какъ если бы поденщикъ, обдѣлывавшій камни для Кёльнскаго собора, сталъ считать себя архитекторомъ этой величественной и искусной постройки. А думать, что борьба за существованіе между индивидуумами произвела всѣ хорошія и полезныя свойства организма, — тоже, по сравненію Ковх'а, что признавать результатомъ борьбы съ воипствеными сосѣдями не только всѣ средства обороны, но и другія государственныя учрежденія, какъ то: управленіе, извѣстное политическое устройство, законодательство, науки, искусства, торговлю, промыслы и пр., и даже всѣхъ людей, способныхъ къ этимъ занятіямъ.

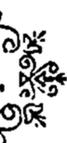
Совсѣмъ иной выводъ получится, если считать подборъ не силою, производящею самостоятельно процессъ трансмутациі, но вспомогательнымъ механизмомъ, техническимъ средствомъ къ укрѣпленію начавшагося процесса. Тогда, правда, значеніе теоріи подбора въ предѣлахъ природы будетъ безспорно и весьма велико, насколько подборъ служитъ всюду для сохраненія наступившихъ измѣненій и достигнутаго равновѣсія и приспособленія. Словомъ, подборъ то парализуетъ негодное, то закрѣпляетъ необходимое и полезное. Въ одномъ случаѣ, гдѣ быстрое теченіе измѣненій могло бы быть вреднымъ, онъ замедляетъ процессъ развитія, въ другомъ, — гдѣ являются препятствія прямолинейному развитію, онъ уравниваетъ путь процессу и ускоряетъ его. Понятно, что значеніе подбора нисколько не умалается отъ того, что его дѣйствія отрицательныя, т. е., сглаживающія и уничтожающія несовершенныхъ. Значеніе его и сейчасъ сохраняется, но только вводится въ соотвѣтствующія дѣйствительности границы.

А. Кириловичъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Марта № 5. 1902 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Высочайшее повелѣніе.—Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1900—1901 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволивъ, 13-го текущаго февраля, на награжденіе, за 50-ти-лѣтнюю службу, золотыми медалями, *сз надписью «за усердіе»*, для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ псаломщиковъ церквей: Покровской соборной, гор. Ахтырка, Федора Сорочинскаго, Благовѣщенской, села Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, Петра Караванова, Николаевской, села Боброва, Лебединскаго уѣзда, Василя Крыжановскаго; а 22 февраля сего года—на сопричисленіе къ ордену *св. Владимира 4 степени* протоіерей села Терновъ, Лебединскаго уѣзда, Патра Краснопольскаго.

Высочайшее повелѣніе.

О предоставленіи служебныхъ правъ учителямъ церковнаго пѣнія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Закоповъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода о предоставленіи служебныхъ правъ учителямъ церковнаго пѣнія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, *мильніемъ положили:*

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Учителя церковнаго пѣнія при духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, а равно въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства п епархіальныхъ, изъ лицъ, получившихъ образованіе не ниже средняго, если они занимаютъ всѣ положенныя по нормальному росписанію уроки церковнаго пѣнія въ упомянутыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и управляютъ семинарскимъ или училищнымъ хоромъ, пользуются правами государственной службы, при чемъ имъ присвоивается X классъ по должности и X разрядъ по штату на мундиръ, а также право на утвержденіе въ чинѣ соответствующемъ классу должностей, по прослуженіи въ ней четырехъ лѣтъ, со старшинствомъ со дня вступленія въ службу, и право на производство тремя чинами выше класса должности.

2) Учителя церковнаго пѣнія при духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, а равно въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства, содержимыхъ на счетъ духовно-учебнаго капитала, если они удовлетворяютъ условіямъ, установленнымъ въ ст. 1 для полученія правъ государственной службы, пользуются правомъ на пенсію и единовременныя пособія изъ вышеупомянутаго капитала, считая полный пенсіонный окладъ въ 200 рублей.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе Государственнаго Совѣта въ 7 день мнѣняшаго января Высочайше утвердить соизволивъ и повелѣлъ исполнить.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

Министръ Финансовъ, отношеніемъ отъ 24 декабря 1901 года за № 864, сообщилъ Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода слѣдующее:

Высочайше утвержденнымъ 19 декабря 1901 г. положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено продлить срокъ обмѣна кредитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 г., и 100 рублевыхъ билетовъ, образца 1866 г., до 1 января 1903 года.

Озабочиваясь, въ интересахъ населенія Имперіи, повсемѣстнымъ и наиболѣе широкимъ оглашеніемъ сего Высочайшаго повелѣнія, статсъ-секретарь Впите проситъ сдѣлать распоряженіе о томъ чтобы объявленіе о вышеуказанномъ срокѣ было печатаемо ежемѣсячно, впродъ до истеченія срока, какъ въ церковныхъ, такъ и въ

мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и чтобы приходскимъ священникамъ, въ особенности же сельскимъ, было поручено разъяснить прихожанамъ настоящее Высочайшее повелѣніе.

При означенномъ отношеніи Министромъ Финансовъ препровождено для ежемѣсячнаго напечатанія въ Церковныхъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ нижеслѣдующее объявленіе.

Министерство Финансовъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что: Высочайше утвержденнымъ, въ 19 день декабря 1901 года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено продлить обмѣнъ кредитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 руб. билетовъ (радужныхъ) образца 1866 года

до 1 января 1903 года.

Посему означенные билеты до 31-го декабря 1902 года включительно приимаются безпрепятственно всѣми правительственными кассами.

Признаки кредитныхъ билетовъ, обмѣнъ и обращеніе коихъ прекращается 31 декабря 1902 года:

Билеты въ 5, 10 и 25 рублей.

Рисунокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою по свѣтлоряжевому фону.

Года выпуска обозначены внизу лицевой стороны билетовъ—въ 5 руб. билетѣ (съ 1887 до 1894 г.) слѣва, а въ 10 руб. (съ 1887 до 1892 г.) и 25 руб. билетахъ (только 1887 г.) посреднѣй билета.

Оборотная сторона билета содержитъ поперечный рисунокъ съ Государственнымъ гербомъ посреднѣй, крупною цифрою влѣво и взвлеченіемъ изъ Манифеста—вправо и отпечатана:

5 руб. бил.	—	синею краскою.
10 " "	—	красною "
25 " "	—	лиловою "

Сторублевый билетъ—радужный, съ портретомъ Императрицы Екатерины II.

Образцы этихъ билетовъ выставлены во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственного Банка и въ Казначействахъ.

О такомъ сообщеніи Министра Финансовъ Хозяйственное Управление, по распоряженію Синодальнаго Оберъ-Прокурора, имѣетъ честь объявить по духовному вѣдомству.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1900—1901 учебный годъ.

(Продолженіе *).

3. Число уроковъ, пропущенныхъ въ отчетномъ году преподавателями училища.

Законоучителемъ, священникомъ Іоанномъ *Котовымъ* (20 уроковъ въ недѣлю) пропущено 10 уроковъ, 6—по семейнымъ обстоятельствамъ и 4—по болѣзни. Законоучителемъ, священникомъ Николаемъ *Любарскимъ* (6 уроковъ въ недѣлю) пропущено 8 уроковъ; 4 урока по болѣзни и 4—по обязанностямъ приходскаго священника. Законоучителемъ, священникомъ Павломъ *Тимощевымъ* (3 урока въ недѣлю) пропущено 14 уроковъ—по болѣзни. Законоучителемъ, священникомъ Іоанномъ *Горанымъ* пропущенъ 1 урокъ по обязанности приходскаго священника. Законоучителемъ, священникомъ Іоанномъ *Толмачевымъ* пропущенъ 41 урокъ,—29 по причинѣ тяжелой болѣзни жены и 12—по служебнымъ обязанностямъ въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ русскаго языка М. В. *Добронравовымъ* (11 уроковъ въ недѣлю) пропущено 5 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ русскаго языка Н. В. *Гогинымъ* (11 уроковъ въ недѣлю) пропущенъ 1 урокъ, по обязанностямъ преподавателя Семинаріи. Преподавателемъ русскаго языка М. А. *Кокоревымъ* (22 урока въ недѣлю) пропущено 74 урока, по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ Я. М. *Колосовскимъ* (24 урока въ недѣлю) пропущено 15 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ В. Н. *Мощенковымъ* (16 уроковъ въ недѣлю) пропущенъ 31 урокъ по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ географіи священникомъ Андреемъ *Балановскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 45 уроковъ по обязанностямъ приходскаго священника. Учительницей географіи Л. Е. *Дьяковой* (4 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ географіи и исторіи Е. П. *Трифильевымъ* (20 уроковъ въ недѣлю) пропущено 26 уроковъ по болѣзни. Преподавателемъ гражданской исторіи А. Θ. *Верте-*

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1902 г. № 4.

ловскимъ (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 25 уроковъ по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ дидактики Н. Н. *Страховымъ* (6 уроковъ въ недѣлю) пропущенъ 21 урокъ, 17 по болѣзни и 4—по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ. Учительницей арифметики М. Д. *Дмитріевой* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 6 уроковъ, по болѣзни. Учителемъ церковнаго пѣнія свящ. І. *Петровскимъ* (24 урока въ недѣлю) пропущено 9 уроковъ, по болѣзни. Учителемъ чистописанія и рисованія А. Д. *Дмитріевымъ* (9 уроковъ въ недѣлю) пропущено 53 урока,—37 по болѣзни и 16 по обязанностямъ эксперта въ окружномъ судѣ. Учительницей чистописанія Е. А. *Ергольской* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 64 урока,—25 по семейнымъ обстоятельствамъ и 39 по болѣзни. Учительницей французскаго языка Е. Н. *Геймыъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 8 уроковъ, по болѣзни. Учительницей приготовительнаго класса Т. А. *Щелкуновой* (15 уроковъ въ недѣлю) пропущено 4 урока, по болѣзни.

Всего преподавателямъ пропущено 462 урока, воспитанницами пропущено въ продолженіе года 14822 урока.

Мѣры, принятыя и проектированныя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ.

Обстоятельства, благопріятствовавшія и препятствовавшія успѣшному веденію учебнаго дѣла.

Учебно-воспитательное дѣло въ отчетномъ году находилось въ удовлетворительномъ состояніи и велось правильно, вполнѣ согласно съ 83 § „Уст. Епарх. Жен. Уч.“. Къ числу обстоятельствъ, способствовавшихъ успѣшному веденію учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ, слѣдуетъ отнести то, что большинство преподавателей было съ высшимъ образованіемъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ путемъ долговременной службы пріобрѣли большую опытность въ преподаваніи. Всѣ преподаватели и преподавательницы относились къ своимъ обязанностямъ съ полнымъ вниманіемъ и усердіемъ; классныя занятія производились ими своевременно; содержаніе уроковъ и вообще распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ было выполняемо согласно программамъ; въ отношеніи пріемовъ и методовъ преподаванія они сообразовались съ требованіями современной педагогики. Классныя воспитательницы и ихъ помощницы весьма усердно содѣйствовали успѣшному веденію учебно-

воспитательнаго дѣла; присутствовали на урокахъ, во время вечернихъ занятій, репетировали съ воспитанницами заданные уроки, своими объясненіями способствовали успѣшному и сознательному усвоенію ихъ. Разсматривая представляемыя инспекторомъ классовъ двухмѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ воспитанницъ, Совѣтъ Училища къ возвышенію успѣховъ нѣкоторыхъ воспитанницъ принималъ въ отчетномъ году обычныя мѣры, въ цѣлесообразности которыхъ вмѣлъ возможность бѣдпѣтся въ предшествовавшіе годы, и чаще всего воспитанницъ, получившихъ неудовлетворительныя баллы по обязательнымъ предметамъ, поручалъ особенному вниманію воспитательницъ и преподавателей. Въ видахъ возвышенія учебно-воспитательной части въ училищѣ въ отчетномъ году приняты были слѣдующія мѣры:

1) Согласно предложенію Его Высокопреосвященства отъ 26 іюля 1900 г. за № 326, завѣдываніе образцовой при Училищѣ церковно-приходскою школою и руководство практическими занятіями въ ней воспитанницъ училища Совѣтомъ предоставлены Харьковскому Епархіальному Наблюдателю церковныхъ школъ В. Ѡ. Давыденко. Вслѣдствіе сего завѣдующимъ практическими занятіями воспитанницъ Училища въ образцовой школѣ былъ составленъ проектъ положенія о педагогическихъ занятіяхъ воспитанницъ Училища въ образцовой церковно-приходской школѣ, каковой проектъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ Совѣтомъ и утвержденъ Его Высокопреосвященствомъ. Принятая Совѣтомъ Училища новая система практическихъ занятій воспитанницъ училища въ состоящей при немъ церковно-приходской школѣ оказалась вполне цѣлесообразною и весьма плодотворною въ смыслѣ пріобрѣтенія ими практической опытности въ учительствѣ.

Воспитанницы 5 и 6 классовъ пріучались, каждая по очереди, къ самостоятельнымъ учебнымъ занятіямъ съ учащимися, а воспитанницы 6 классовъ одинъ урокъ въ недѣлю слушали руководственныя педагогическія бесѣды завѣдующаго школою.

Кромѣ того, по новой системѣ воспитанницы старшихъ классовъ освободились отъ послѣобѣденныхъ речетичіонныхъ занятій съ учениками школы, какъ малополезныхъ и отнимающихъ у нихъ время для собственныхъ занятій.

2) Для поднятія уровня развитія воспитанницъ въ отчетномъ году, какъ и прежде, обращалось вниманіе на внѣклассное чтеніе книгъ. Совѣтъ Училища озаботился пополненіемъ библіотекъ изда-

ніями релігіозно-нравственнаго и литературнаго содержанія, которыя одобрены для виѣкласснаго чтенія учащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Преподавателями и преподавательницами составлены особые списки книгъ съ отмѣткой противъ каждой, для какого класса рекомендуется прочтеніе ея. По предложенію инспектора классовъ нѣкоторыя ученицы въ особыхъ тетрадяхъ записывали по мѣрѣ прочтенія краткое содержаніе ихъ, съ выдержками особенно интересныхъ мѣстъ. Для того, чтобы пріохотить ученицъ къ чтенію, преподаватели русскаго языка иногда читали на урокахъ воспитанницамъ отрывки изъ образцовыхъ литературныхъ произведеній. Въ великій постъ, особенно въ дни говѣнія ученицамъ выдавались книги для чтенія исключительно—релігіозно-назидательнаго содержанія. По примѣру прежнихъ лѣтъ и въ отчетномъ году практиковались общія для всего класса чтенія книгъ, особенно во время механическихъ занятій руководіемъ. Ближайшее наблюденіе за виѣкласснымъ чтеніемъ имѣли классныя воспитательницы, подъ руководствомъ инспектора классовъ и при содѣйствіи преподавателей. Къ сожалѣнію, недостатокъ свободнаго времени у воспитанницъ, занятыхъ то уроками, то руководящими работами, мѣшалъ ученицой корпораціи поставить виѣклассное чтеніе на подобающую высоту, какъ того оно заслуживаетъ по своему важному значенію въ дѣлѣ духовнаго развитія дѣтей.

3) Для болѣе яснаго и отчетливаго усвоенія воспитанницами преподаваемыхъ наукъ, преподаватели употребляли наглядныя пособія. Кроме того, преподаватель физики Я. М. Колосовскій вмѣстѣ съ завѣдующимъ астрономической обсерваторіей при Харьковскомъ Университетѣ В. Н. Дервянко показывали воспитанницамъ 6-хъ классовъ въ сопровожденіи г. Начальницы и воспитательницы въ телескопъ небесныя свѣтила, при чемъ давали надлежащія объясненія. Воспитанницы двухъ шестыхъ и двухъ пятыхъ классовъ (9 сентября) посѣщали выставку „Садоводства и огородничества“. Въ сопровожденіи г. Начальницы, воспитательницы и нѣкоторыхъ преподавателей воспитанницы 6 классовъ съ релігіозно-воспитательною цѣлью совершили поѣздки (10 мая) въ Куряжскій монастырь, гдѣ въ соборномъ храмѣ имѣли обѣдную совершенную Преосвященнымъ Иннокентіемъ и осматривали святыни,— 21 мая—въ Спасовъ Скыть, гдѣ проѣли обѣдную въ главномъ храмѣ и осматривали мѣсто крушенія поѣзда в Спасовъ Скыть.

4) Замкнутыя въ четырехъ стѣнахъ ученицы не могутъ не пуж-

даться въ нѣкоторыхъ невинно-разумныхъ развлеченіяхъ. Къ такого рода развлеченіямъ относятся литературные и музыкальные вечера, чтенія съ туманными картинами и проч. Литературные вечера устраивались въ училищѣ съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства и обыкновенно бывають разъ или два въ теченіе учебнаго года. Чаше устраивались чтенія съ туманными картинами, въ виду несомнѣнной пользы для дѣтей подобнаго рода развлеченій. По примѣру прежнихъ лѣтъ, при помощи волшебнаго фонаря, показывались воспитанницамъ туманныя картины, имѣвшія своимъ содержаніемъ священно-историческія событія, изображенія замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, физическія явленія, замѣчательныя виды на землѣ на архитектурныя сооруженія. Показывали картины и г. г. преподаватели—Е. П. Трифилевъ, Я. М. Колосовскій и В. Н. Мощенко и классныя воспитательницы. Картины выписывались на средства училища. Чтенія по классамъ въ праздничныя дни происходили въ продолженіе почти всего 1900—1901 г. Чтенія эти разнообразились декламрованіемъ стиховъ и басенъ, въ этомъ случаѣ дѣйствующими лицами выступали сами воспитанницы. Вслѣдствіе неодинаковаго возраста ученицъ чтенія всегда велись отдѣльно: а) для ученицъ младшихъ классовъ, б) для среднихъ и старшихъ классовъ. Къ дѣятельному участию въ нихъ привлекались ученицы всѣхъ классовъ.

Иногда въ чтеніяхъ принимали участіе и начальствующія лица училища. Такъ, 4 марта Предсѣдатель Совѣта, протоіерей Т. И. Буткевичъ прочиталъ въ актовомъ залѣ училища старшимъ воспитанницамъ лекцію „О Фаустѣ“ Гете, съ реалигіозно-нравственной точки зрѣнія. Членъ Совѣта, свящ. Н. Н. Любарскій 11 мая прочиталъ всѣмъ воспитанницамъ въ актовомъ залѣ о просвѣтительной дѣятельности для Славянъ Св. братьевъ Кирилла и Мефодія.

Замѣтно чтенія вносили много оживленія въ монотонную жизнь учащихъ и усилили въ дѣтяхъ религіозно-научныя интересы.

5) 15 декабря 1900 года училище чествовало память 100 лѣтія со дня рожденія Высокопреосвященнаго Архіепископа Иннокентія (Борисова), которому принадлежитъ мысль объ учрежденіи въ Харьковской Епархіи училища для воспитанія дѣвицъ мѣстнаго духовенства. Согласно программѣ, составленной Совѣтомъ и утвержденной Его Высокопреосвященствомъ, чествованіе это носило особый торжественный характеръ. I. Въ 9 часовъ утра въ учи-

лщной церкви преосвященнымъ Иннокентіемъ, Епископомъ Сумскимъ, соборне съ Предсѣдателемъ Совѣта и о.о. членами Совѣта была совершена заупокойная литургія, а послѣ оной панихида по Архіепископѣ Иннокентіи, при пѣніи университетскаго хора И. М. Туровѣрова. На литургіи была произнесена проповѣдь Архіепископа Иннокентія „О смерти тѣла и безсмертіи душ“. II. Въ 12 ч. дня въ актовомъ залѣ чтеніе о жизни и трудахъ Архіепископа Иннокентія было предложено Прот. Т. И. Буткевичемъ по его сочиненію „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. III. 1) Въ 6 ч. вечера въ учебномъ залѣ былъ показанъ портретъ Архіепископа Иннокентія, написанный въ Харьковѣ въ 1844 году. 2) Профессоромъ Богословія Харьковскаго Университета было прочитано слово Архіепископа Иннокентія въ день Св. Троицы и по случаю бывшаго наканунѣ во время всеобщаго бдѣнія собранія въ Харьковскомъ театрѣ для слушанія иностранныхъ артистовъ въ пѣніи. 3) Хоромъ воспитаницъ 6 класса пропѣта была элегія Архіепископа Иннокентія „Не унывай“, музыка Епископа Петра, бывшаго Викарія Харьковскаго, нынѣ Епископа Пермскаго. 4) Воспитаница 6 класса * * прочитала отрывокъ изъ проповѣди Иннокентія въ Великій Четвертокъ, при чемъ была показана картина „Видъ Іерусалима“. 5) Хоръ воспитаницъ пропѣлъ кондакъ Покрову Пресвятой Богородицы изъ акаѳста, составленнаго Архіепископомъ Иннокентіемъ, музыка свящ. І. І. Волобуева, написанная по конкурсу, предложенному Архіепископомъ Иннокентіемъ. 6) Воспитаница 6 класса прочитала отрывокъ изъ сочиненія Архіепископа Иннокентія „Послѣдніе дни земной жизни Господа Нашего І. Христа“, при чемъ показана картина „Тайная Вечеря“. 7) Воспитаницы 6 класса пропѣли тріо „Покаянія ми отверзи двери“, муз. Веделя, въ первый разъ пропѣтое въ Харьковѣ по желанію Архіепископа Иннокентія. 8) Двѣ картины: „Геосіманскій садъ и Моленіе о чашѣ“. Воспитаницы 6 класса прочитали отрывки изъ соч. Архіепископа Иннокентія „Послѣдніе дни земной жизни Господа Нашего І. Христа“. 9) Элегія „Не унывай“ пропѣта была вторично. 10) Картины: „І. Христосъ предъ Платомъ“, „Се человекъ“ и „Отреченіе Петра“. Воспитаницы 6 класса прочитали отрывки изъ сочиненія Архіепископа Иннокентія „Послѣдніе дни земной жизни Господа Нашего І. Христа“ 11) Легенда—„Былъ у Христа младенца садъ“ музыка Чайковскаго. была пропѣта хоромъ воспитаницъ. 12) Картина

„Шествіе І. Христа на Голгоѳу“. Отрывокъ изъ соч. Архіепископа Инокентія „Послѣдвіе дни земной жизни Господа Нашего І. Христа“ прочтала воспитанница 6 класса. 13) Кондакъ изъ акаѳста „Страстямъ Господнимъ“, составленный Архіепископомъ Инокентіемъ, музыка свящ. І. Волобуева, пропѣлъ хоръ воспитанницъ 6 класса. 14) картина „Іосафатова долина“ и „Христосъ на крестѣ“. Отрывокъ изъ слова Архіепископа Инокентія „На Страсти Господни“ прочтала воспитанница 6 класса. 15) Слово Архіепископа Инокентія „О Всемогуществѣ и нравственномъ вредѣ моды“ прочталь Прот. Т. Буткевичъ. 16) Народный гимнъ 1).

При началѣ и окончаніи вечера воспитанницами было пропѣто „вѣчная память“. Исполненіе духовныхъ пѣснопѣній, а равно и чтеніе отрывковъ изъ произведеній Архіепископа Инокентія отличалось вполне художественнымъ характеромъ. Вечеръ удостоили своимъ посѣщеніемъ Пресвященный Инокентій, Епископъ Сумскій и многія почетныя лица изъ Харьковскаго Духовенства. Это событіе изъ училищной жизни имѣло религіозно-воспитательное значеніе для ученицъ и надолго сохранится въ памяти ихъ.

Обстоятельствъ, препятствовавшихъ успешному веденію учебно-воспитательнаго дѣла, въ отчетномъ году не было.

4. Библіотека и физическій кабинетъ.

Библіотека училища раздѣляется на три отдѣла: 1) фундаментальную, 2) учебную и 3) музыкальную.

1) Въ фундаментальной училищной библиотекѣ къ концу отчетнаго года числилось 1574 названія книгъ въ 4025 томахъ. Въ отчетномъ году библиотека увеличилась на 54 названія въ 135 томахъ, такъ что къ началу 1901—1902 учебнаго года книгъ въ фундаментальной библиотекѣ стало 4160 въ 1628 наименованіяхъ.

2) Въ учебной было 2755 томовъ въ 1387 наименованіяхъ; приобрѣтено въ теченіе года 160 томовъ въ 97 наименованіяхъ. Всѣ книги приобрѣтены на училищный счетъ. Для пополненія учебной библиотекы приобрѣтено кромѣ сего 142 книги, въ замѣнъ исключенныхъ изъ каталога за ветхостію.

3) Въ музыкальной библиотекѣ къ концу отчетнаго года состояло 480 названій нотъ въ 626 экземплярахъ; приобрѣтено въ теченіе года 13 названій въ 104 экземплярахъ.

1) Какъ портретъ, такъ и всѣ картины были показаны при волшебномъ фонарѣ.

Изъ періодическихъ изданій совѣтомъ училища выписывались слѣдующія: въ фундаментальную бібліотеку: „Церковныя Вѣдомости“, изд. при Св. Синодѣ, „Вѣра и Разумъ“, „Народное Образованіе“, „Странникъ“, съ приложеніемъ 5 и 6 выпусковъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ (Исторіи Христ. Церкви XIX в. и „Православной Богословской Энциклопедіи“), „Богословскій Вѣстникъ“, съ приложеніемъ „Твореній Св. Василія Великаго, издав. при Московской Духовной Академіи, „Труды Кіевской Духовной Академіи“, „Церковный Вѣстникъ“ съ „Христіанскимъ Чтеніемъ“ и съ „Твореніями Св. Іоанна Златоуста“, издав. при Спб. Духовной Академіи, „Русская Старина“, „Русскій Вѣстникъ“, „Историческій Вѣстникъ“, „Нива“, „Московскія Вѣдомости“, „Миссіонерское Обозрѣніе“, „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“, „Южный Край“.

Въ учебную бібліотеку: „Душенолезное Чтеніе“, „Русскій Паломникъ“, „Церковно-приходская школа“, „Дѣтскій Отдыхъ“, „Родникъ“ (безъ педагогическаго отдѣла), „Дѣтское Чтеніе“ и „Природа и Люди“.

Учебникамъ, учебными пособіями и учебными принадлежностями воспитанницы были снабжены въ достаточномъ количествѣ отъ училища, безъ взноса за это особой платы. Книжки изъ учебной бібліотеки выдавались воспитанницамъ ежедневно, при чемъ каждому классу былъ назначенъ опредѣленный день для полученія и возвращенія книгъ. Въ выборѣ книгъ для чтенія воспитанницы руководствуются особыми каталогами, заключающими въ себѣ списки книгъ изъ учебной бібліотеки, назначенныя для каждаго класса въ отдѣльности.

Въ теченіе отчетнаго года воспитанницами всѣхъ классовъ училища взято было для чтенія 6680 книгъ, а именно: воспитанницами 6 норм.—706 книгъ, 6 пар.—659 книгъ, 5 норм.—694 книги, 5 пар.—695 книгъ, 4 норм.—796 книгъ, 4 пар.—773 кн., 3 норм. 780 книгъ, 3 пар.—870 книгъ, 2 норм.—175 книгъ, 2 пар.—170 книгъ, 1 норм.—126, 1 пар.—131 книга и приготовительнаго класса—105 книгъ.

При бібліотекѣ имѣются: 1) каталоги систематическіе, 2) матеріальная книга, 3) справочная книга и, кромѣ того, правила храненія и выдачи книгъ.

Въ физическомъ кабинетѣ имѣется до 101 названія существенно-необходимыхъ приборовъ, изъ которыхъ 23 пожертвовано, а 78 приобрѣтено на училищныя средства въ разное время, предметовъ —

238. На пріобрѣтеніе матеріаловъ, необходимыхъ при производствѣ опытовъ отпускается одному изъ преподавателей 25 р. въ годъ.

Въ географическомъ кабинетѣ числилось 43 предмета на сумму 700 р. Пріобрѣтены они на средства училища, 39 предметовъ пожертвовано.

На бібліотеку, учебники, учебныя пособія и учебныя принадлежности по смѣтѣ ассигновано 1500 р. въ годъ.

5. Средства Училища.

По дѣйствовавшей въ 1900 экономическомъ году смѣтѣ училище на свое содержаніе должно было получить . . . . . 98335 р. 67 к.

Эта сумма слагалась изъ слѣдующихъ статей:

а) Проценты съ непркосновеннаго училищнаго капитала	3225 > 15 >
б) Доходъ съ принадлежащей Училищу части дома въ г. Харьковѣ	1696 > 8 >
в) Изъ Епархіальныхъ средствъ	32656 > 64 >
г) 1% съ получаемаго духовенствомъ Епархіи жалованья	1759 > 62 >
д) Изъ прибылей Епархіальнаго Свѣчнаго Завода	7071 > — >
е) Пожертвованія отъ монастырей, церквей и другихъ учреждений и лицъ	2420 > 46 >
ж) Отъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ:	
а) На содержаніе училищной образцовой-церковно-приходской школы	500 > — >
б) На покрытие 5% государственнаго налога съ капиталовъ Училища	36 > 86 >
з) Пансіонерскій взносъ за своеобитныхъ воспитанницъ	47510 > — >
а) Взносъ на первоначальное обзаведеніе со вновь поступающихъ воспитанницъ	1125 > — >
і) Отъ училищной экономіи	433 > 36 >
Расходъ той же смѣтой опредѣленъ въ	100521 > 53 >

Въ дѣйствительности въ 1900 экономическомъ году поступило на приходъ . . . . . 99985 > 78 >

Въ расходъ было въ томъ-же году . . . . . 99502 > 32 >

Примѣчаніе. Въ смѣту не вошли взносы за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ, равно какъ и расходы по этой

статья, такъ какъ на основаніи примѣчанія въ 80 § „Устава Епарх. Мѣнск. Учл.“, распоряженіе этою суммою не подвергается контролю Епархіальныхъ свѣдѣній.

Въ 1900 экономическомъ году по этой статьѣ поступило на приходъ . . . . . 7572 р. 50 к.
Въ расходъ было . . . . . 7124 » 80 »
(Окончаніе бюджета).

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ церкви Ново-Александровскаго Конскаго завода, Старобѣльскаго уѣзда, *Θома Ѳедоровскій*, награжденъ скуфьею.

— На праздное священническое мѣсто при Успенской церкви заштатнаго г. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда, перемѣщенъ священникъ Николаевской церкви, того же города *Іоаннъ Золотаревъ*, а на его мѣсто перемѣщенъ священникъ церкви сл. Ольховатки, Волчанскаго уѣзда, *Апатолий Сидсаревскій*.

— Священникъ Успенской церкви города Краснокутска, *Іоаннъ Золотаревъ* 28 февраля с. г. назначенъ исправляющимъ должность благочиннаго 2 округа Богодуховскаго уѣзда.

— Священникъ Старобѣльскаго женскаго монастыря *Александръ Татарскій* умеръ.

— Священникъ церкви слоб. Нижней Покровки, Старобѣльскаго уѣзда *Іоаннъ Касьяновъ* перемѣщенъ на священническое мѣсто при Старобѣльскомъ женскомъ монастырѣ.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи *Алексѣй Поповъ* рукоположенъ въ санъ священника къ Троицкой церкви села Апплинскаго, Сумскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи *Василій Недохлѣбовъ* рукоположенъ въ санъ священника къ Архангело-Михайловской церкви г. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.

— Діаконы села Василевки, Троицкой церкви, Лебединскаго уѣзда, *Константинъ Стефановскій*, и Иоанно-Богословской церкви села Большихъ-Проходовъ, Харьковскаго уѣзда, *Василій Корляковъ*, перемѣщены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другого.

— Псаломщикъ діаконъ Благовѣщенской церкви сл. Тростяница Ахтырскаго уѣзда *Филиппъ Приходинъ* перемѣщенъ для пользы службы на псаломщицкое мѣсто въ сл. Бѣловодъ, Сумскаго уѣзда.

— Псаломщикъ церкви села Соколова, Зміевского уѣзда, Ѳеодоръ *Чебановъ* перемѣщенъ на псаломщическое мѣсто при церкви слоб. Колядовки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Бывшій псаломщикъ, а нынѣ запасный церковникъ Иванъ *Филевскій* опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ церкви села Соколова, Зміевского у.

— Псаломщикъ Покровской церкви слободы Алексѣевки, Валковскаго уѣзда Сергій *Грабовскій* 24 февраля с. г. умеръ, а на его мѣсто 4-го марта назначенъ п. д. псаломщика сынъ его Павелъ *Грабовскій*.

— Псаломщикъ Ѳеодоро-Стратилатовской церкви слободы Нижней Дуванки, Купянскаго уѣзда Викторъ *Грековъ* 14 февраля с. г. умеръ.

— Капцелярскій чиновникъ Харьковской Духовной Консисторіи Александръ Николаевичъ *Ястремскій* волею Божіею умеръ 21 января н. г.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ духовно-учебныхъ заведеній.—Торжество православія.—Первое посѣщеніе Преосвященнымъ Стефаномъ Куряжскаго монастыря.—Посѣщеніе Преосвященнымъ Стефаномъ мужскихъ духовно-учебныхъ заведеній.—Открытіе религіозно-нравственныхъ чтеній на окраинахъ г. Харькова.—О пользѣ христіанскаго поста по научнымъ даннымъ.—Животрепещущій вопросъ.—Некрологъ о. Георгія Волобуева.—Тиражъ 2-го выпущенаго займа.

Но въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ не соблюдаютъ такъ строго церковныя постановленія о постѣ, какъ въ духовныхъ. Воспитывающіеся въ этихъ заведеніяхъ въ дни св. Четырдесятницы съ постомъ тѣлеснымъ соединяютъ и духовно-религіозныя упражненія. На первой и послѣдней седмицахъ Великаго поста они говѣютъ, посвящая на молитву въ храмъ въ это время каждый день не менѣе шести часовъ. Въ остальные седмицы св. Четырдесятницы воспитанники и воспитанницы духовныхъ школъ ежедневно, кромѣ понедѣльница, присутствуютъ при церковномъ Богослуженіи, а именно, во вторникъ на вечернемъ Богослуженіи, въ среды на литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ, въ четверги на вечернемъ Богослуженіи, въ пятницы на литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ, въ субботы на вечернемъ Богослуженіи, а въ воскресенье на литургіи Василия Великаго. При этомъ учебныя занятія на 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й недѣляхъ поста не прерываются, а идутъ своимъ чередомъ. Отсюда всякому понятно, что Великій постъ для дѣтей духовной школы по справедливости можетъ быть названъ страдною порою, временемъ усиленныхъ молитвенныхъ

упражнений. Опытные въ духовной жизни подвижники и руководители духовных чадъ своихъ находили полезнымъ и необходимымъ среди „духовнаго дѣланія“ допускать иногда послабленія и даже развлеченія для братіи. Это мы знаемъ, напр. о препод. Антоніи Великомъ. Къ нему разъ пришелъ въ пустыню, гдѣ онъ подвизался съ братіею, одинъ звѣроловъ и увидѣлъ, что великій постникъ и подвижникъ развлекался съ братіею шутками. Звѣроловъ этимъ соблазнился. Старецъ, желая убѣдить его, что подвиги по временамъ нужно прерывать послабленіями, говоритъ ему: положи стрѣлу на лукъ твой и натяни его. Звѣроловъ такъ и сдѣлалъ. Старецъ еще говоритъ ему: еще натяни. Тотъ еще натянулъ. Опять старецъ говоритъ: еще тяни. Звѣроловъ отвѣчаетъ ему: если еще я буду тянуть лукъ, онъ переломится. Тогда старецъ говоритъ ему: такъ можетъ случиться и въ дѣлѣ Божіемъ; если мы будемъ постоянно напрягать силы, они скоро разстроятся: по сему необходимо иногда такъ или иначе давать имъ отдохновеніе.— Умудренный жизненнымъ опытомъ, папшъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка Флавіанъ тоже считаетъ полезнымъ и, повидному, необходимымъ вносить разнообразіе въ однообразныя духовныя упражненія дѣтей духовныхъ школъ и этимъ облегчать и даже услаждать такія упражненія. Осмѣливаемся думать такъ, имѣя въ виду намѣреніе Владыки во дни Великаго поста иногда совершать Божественную литургію Преждеосвященныхъ Даровъ въ церквахъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній и такимъ образомъ въ качествѣ главнаго участивка входить въ молитвенный трудъ дѣтей. Свое намѣреніе Владыка уже отчасти осуществилъ. 8-го марта въ пятицу на второй недѣлѣ поста имъ совершена Божественная Литургія въ Церкви Епархіальнаго Женскаго Училища. О духовной радости, доставляемой дѣтямъ среди поста необычнымъ, торжественнымъ, благолѣпнымъ служеніемъ, говорятъ много не нужно. Сладость отъ такого служенія для благочестиво-настроенной души св. Церковію въ ея древнихъ пѣснопѣніяхъ уподобляется сладости плодовъ райскаго древа жизни, сладости древа, уничтожившаго горечь воды Мерры, и, наконецъ, сладости благосѣнопственаго древа, подѣтнію котораго ищутъ прохлады и отдохновенія утомленные путники, ведомые въ обѣтованную землю вѣчнаго наслѣдія.

— Въ воскресенье первой недѣли Великаго поста Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ совершилъ въ кафедральномъ соборѣ по особому чину „постѣдованіе въ недѣлю православія“ или такъ на-

зывается анаематствованіе еретиковъ. Напомнимъ читателямъ происхожденіе этого обряда и содержаніе его. Начало его относится къ 9-му вѣку по Рождествѣ Христовомъ. Обстоятельства, послужившія поводомъ къ его учрежденію, были слѣдующія. Въ 8-мъ вѣкѣ въ христіанской церкви возникла ересь иконоборческая, которая производила большія смуты и волненія въ церкви и была причиною смерти многихъ православныхъ защитниковъ иконопочитанія. Императоры-иконоборцы всѣми способами хотѣли уничтожить ненавистное имъ почитаніе св. иконъ. Первый изъ нихъ Левъ Исаврянинъ, считая иконопочитаніе подолслуженіемъ, въ 730 г. издалъ указъ, которымъ повелѣвалось вынести изъ храмовъ всѣ иконы, а противникамъ указа угрожалось изгнаніемъ изъ отечества, отнятіемъ имущества и даже смертію. Сынъ Льва Исаврянина Константинъ V Копронимъ, хотѣлъ даже уничтожить иконопочитаніе торжественно, съ соблюденіемъ законности, для чего въ 754 году созвалъ соборъ. На этомъ соборѣ, иконопочитаніе было отвергнуто, какъ подлоклонство. Началось жестокое преслѣдованіе иконопочитанія: повсюду изъ церквей были выношены св. иконы; книги, украшенныя изображеніями священныхъ предметовъ, были предаваемы огню; священныя изображенія на стѣнахъ храмовъ были закрашиваемы и замѣняемы изображеніями животныхъ, охотничьихъ сценъ, плодовъ и т. п., защитники иконопочитанія подвергались различнымъ варварскимъ мученіямъ: у однихъ изъ нихъ вырывали бороды, у другихъ выкалывали глаза, отсѣкали руки и другія части тѣла, иныхъ отправляли въ изгнаніе. Но наконецъ, на седьмомъ вселенскомъ соборѣ (787 г.), въ присутствіи 367 отцевъ, былъ торжественно утвержденъ догматъ объ иконопочитаніи въ томъ смыслѣ, чтобы воздаваемое иконамъ поклоненіе и молитвы относились не къ самымъ иконамъ, а къ изображаемымъ на нихъ лицамъ, а на всѣхъ иконоборцевъ была наложена анаема. Тѣмъ не менѣе иконоборческая ересь еще болѣе 50 лѣтъ возмущала миръ святой церкви Христовой!.. Иконоборчество въ Византійской имперіи кончилось только со смертію императора Теофила (829—842). За малолѣтствомъ сына Теофила Михаила III-го государствомъ стала управлять Теодора, жена Теофила, бывшая ревностною иконопочитательницею. Съ согласія ея новозбранный патріархъ Меодій, тоже ревностный иконопочитатель, созвалъ соборъ, на которомъ была подтверждена святость 7-го вселенскаго собора, иконопочитаніе было восстановлено. За-

тѣмъ 19 го февраля 842 года, въ воскресенье на первой недѣлѣ Великаго поста была устроена торжественная процессія. Императрица Теодора повелѣла оповѣстить всѣхъ православныхъ — клириковъ и свѣтскихъ людей, чтобы они въ первое воскресенье Великаго поста собрались въ великую Константинопольскую церковь съ честнымъ крестомъ и святыми иконами. Когда безчисленное множество народа собралось въ великую церковь, прибылъ туда и самъ царь Михаилъ III-й со своею благочестивою матерію и всѣмъ синклитомъ. Патріархъ и всѣ собравшіеся съ пѣніемъ литіи пошли съ крестомъ и евангеліемъ къ „царскимъ вратамъ“ и здѣсь совершили ектенію съ молитвами и возгласами: „Господи, помилуй“. Здѣсь же священный соборъ изрекъ благословеніе почитателямъ св. иконъ и анагемъ, или отлученіе, икоборцамъ: первые были восхвалены и ублажены, послѣдніе осуждены и отлучены. . Послѣ этого крестный ходъ возвратился прежнимъ порядкомъ въ великую церковь для совершенія литургій. Этотъ день (19 февраля 842 г.) навсегда остался днемъ торжества церкви надъ всѣми ересями — днемъ православія. Тогда же патріархомъ Меодіемъ былъ составленъ чинъ православія.

— Въ настоящее время торжество православія совершается по чину, пересмотрѣнному и изданному въ 1869 г. Оно совершается въ каедральныхъ церквахъ, по прочтеніи часовъ или предъ окончаніемъ литургій, — на среднѣ храма предъ иконами Спасителя и Божіей Матери, возлежащими на аналоѣ. Послѣ обычнаго начала читается пс. 74, въ которомъ псаломѣвецъ прославляетъ Господа за чудеса и убѣждаетъ враговъ своихъ не гордиться, потому что не въ людяхъ, а въ Богѣ сила и могущество, и Онъ погубитъ нечестивыхъ. Затѣмъ произносятся великая ектенія, къ которой прилагается прошеніе, чтобы Господь призрѣлъ на св. церковь и соблюлъ ее невредимой и непреборимой отъ ересей и суетвѣрій, присоединилъ къ ней отпадшихъ отъ нея, а вѣрныхъ укрѣпиль и сохранилъ въ православіи. Послѣ „*Богъ Господь*“ читается Апостоль (121 зач.), въ которомъ ап. Павелъ убѣждаетъ христіанъ блюстись отъ творящихъ распри и раздоры и уклоняться отъ нихъ, и Евангеліе (зачало 75 отъ Мѳ.), въ которомъ припоминается божественная власть церкви вязать и рѣшать. Въ сурубой, послѣ этихъ чтеній, ектеніи церковь проситъ Господа обратить заблуждающихся къ истинѣ для общаго со всѣми вѣрными прославленія Господа истинною вѣрою и благочестіемъ, для

прекращеніи ненависти, вражды и прочихъ беззаконій и воцаренія въ сердцахъ всѣхъ истинной любви. Въ слѣдующей затѣмъ молитвѣ церковь снова молится объ укрѣпленіи вѣрныхъ въ правой вѣрѣ, о просвѣщеніи заблуждающихся, о дарованіи пастырямъ церкви ревности къ обращенію невѣрныхъ. Послѣ молитвы протодіаконъ возглашаетъ: *Кто Богъ велий* (3-жды) и приглашаетъ всѣхъ вѣрныхъ славить Вяшовипка всѣхъ благъ—Бога, еще въ раю положившаго основаніе церкви и даровавшаго намъ спасительное откровеніе, послѣдующе которому мы вѣруемъ: *во единого Бога Отца Вседержителя...* Читается весь символъ вѣры, по окончаніи котораго протодіаконъ возглашаетъ: *сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди...* Затѣмъ произносится анае́ма: отрицающимъ бытіе Божіе и Промыслъ; духовность существа Божія и его свойства; равносущіе и равночестность Сына Божія и Св. Духа Богу Отцу; отвергающимъ необходимость пришествія на землю, страданія и смерти Сына Божія для спасенія человѣка; не прие́млющимъ благодати искупленія; отвергающимъ приснодѣвство Пресвятой Богородицы; не вѣрующимъ, что Духъ Святый дѣйствовалъ чрезъ пророковъ и апостоловъ и нынѣ пребываетъ въ сердцахъ истинныхъ христіанъ и наставляетъ ихъ на всякую истину; отрицающимъ безсмертіе души, кончину вѣка, судъ и вѣчное возданіе по дѣламъ; отметающимъ таинства; отвергающимъ соборы и ихъ преданія; государственнымъ преступникамъ и измѣнникамъ и, наконецъ, отметающимъ и хулящимъ св. иконы. Всѣхъ анае́матствованій 12. Послѣ каждаго возглашенія протодіакона, соборъ лицъ, имѣющихъ право вязать и рѣшить произноситъ: *анае́ма*—трижды. Послѣ отлученія отъ общенія неправомыслящихъ, церковь вспоминаетъ вообще всѣхъ, подвизавшихся въ православіи словомъ, писаніемъ и жизнью, и произноситъ имъ вѣчную память, не называя ихъ всѣхъ по именамъ. Въ частности вѣчная память возглашается: равноапостольнымъ Константину и Еленѣ, Θεодосію Великому и Θεодосію Юнѣйшему, Юстиніану и прочимъ царямъ и царицамъ греческимъ; равноапостольнымъ Владимиру и Ольгѣ и всѣмъ правовѣрнымъ отъ рода царей и князей россійскихъ; благочестивѣйшимъ государямъ императорамъ и императрицамъ, которые всѣ по имени воспоминаются; патріархамъ, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ; накопедъ, убіеннымъ на брани за вѣру и отечество и всѣмъ православнымъ христіанамъ, въ истин-

ной вѣрѣ и благочестіи скончавшимся. вмѣстѣ съ тѣмъ церковь восхваляетъ подвиги тѣхъ, которые, вѣрою и добродѣтелию приготавливали себя къ вѣчному блаженству, утверждаютъ на землѣ православіе. Поэтому она возглашаетъ долгоденствіе и благоденствіе прежде всего ревнителю христіанскаго благочестія, защитнику и покровителю церкви Христовой Государю Императору, потомъ Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику и всему царствующему дому, святѣйшему синоду, восточнымъ патріархамъ и мѣстному епископу, митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ и всему освященному причту, правительствующему синклиту, военачальникамъ, градоначальникамъ, христіанскому войску и всѣмъ православнымъ христіанамъ, право содержащимъ святую вѣру и повнующимся Христовой церкви. Торжество оканчивается торжественнымъ пѣніемъ: *Тебе Бога хвалимъ* и цѣлованіемъ вконѣ. «Изъ уч. Леб.».

— Въ воскресенье, 17 февраля, въ первый разъ вечеромъ прибылъ въ Куряжскій монастырь новый его настоятель, преосвященный Стефанъ, епископъ Сумской, викарій Харьковской епархіи, и былъ торжественно встрѣченъ у святыхъ воротъ казначеемъ обители съ братією. Совершивъ оттуда шествіе „со славою“ до Георгіевскаго храма и переступивъ его порогъ, владыка былъ привѣтствованъ рѣчью о. казначея, которую онъ окончилъ поднесеніемъ иконы Озерянской Божіей Матеріи, покровительницы обители. Приложившись къ св. вконѣ и прослѣдовавъ на солею, владыка передалъ свое архипастырское наставленіе монашествующимъ, послѣдовательно и подробно напомнивъ имъ данныя Богу обѣты, съ требованіемъ неуклонно ихъ исполнять для спасенія своей души. Послѣ того владыка соборнѣ совершилъ всеобщее бдѣніе, окончившееся въ 10-мъ часу вечера, и прослѣдовалъ въ свои покои, сопровождаемый старшею братією. На утро владыка съ братією и нѣкоторыми городскими священниками отслужилъ божественную литургію и принималъ у себя высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Флавіана.

— Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Стефанъ, епископъ Сумской, на второй недѣлѣ Великаго поста знакомился съ мѣстными мужскими духовно-учебными заведеніями. Въ началѣ недѣли Его Преосвященство посѣтилъ духовное училище, а въ концѣ, 9-го марта, и семинарію. Побывавъ у о. Ректора въ его квартирѣ, Преосвященнѣйшій Стефанъ потомъ присутствовалъ на урокѣ Основнаго Богословія, а затѣмъ осмотрѣлъ всѣ помѣщенія для

воспитанниковъ семинаріи: спальни, занятныя комнаты, столовую, больницу и проч.

— Въ воскресенье, 3 марта, по благословенію Высокопреосвященнаго Флавіана, въ Александро-Невской церковно-приходской школѣ (на Запковкѣ) состоялось первое религіозно-нравственное чтеніе для прихожанъ мѣстной церкви и другихъ сосѣднихъ церквей. Предъ началомъ чтеній преосвященный Стефанъ, епископъ сумскій, соборивъ съ мѣстнымъ причтомъ, свещ. Д. Поповымъ и свещ. П. Скубачевскимъ совершилъ въ церкви акаѳистъ, затѣмъ, открылъ въ школѣ чтеніе своею рѣчью о томъ, какъ христіане должны проводить праздники. Въ заключеніи рѣчи Преосвященный Стефанъ указалъ на благовременность открываемыхъ чтеній и бесѣдъ для наученія въ словѣ Божіемъ и истинахъ правой вѣры, особенно для людей неграмотныхъ, а равно и для колеблющихся въ истинахъ православія, и призвалъ Божіе благословеніе на пастырей, желающихъ потрудиться для столь великаго и святаго дѣла, и на слушателей, готовыхъ внимать назиданію своихъ пастырей. Затѣмъ, священники: о. Д. Поповъ и о. П. Скубачевскій говорили—первый объ исторіи возпикновенія чина православія и значеніи аваѳематствованія православной церкви, а второй,— о почитаніи св. иконъ на основаніи Слова Божія, предація церкви и потребностей души человѣческой. Въ концѣ было предложено свещ. с. М. Слуцкимъ чтеніе съ туманными картинами „Троицко-Сергіевская лавра и значеніе ея для русскаго народа“. Чтенія и бесѣды сопровождалась пѣніемъ церковнаго хора приличныхъ случаю пѣснопѣній и были закончены общимъ пѣніемъ „Достойно есть“ и преподаніемъ Святительскаго благословенія. Количество молящихся во храмѣ при служеніи вечерни и акаѳиста и слушателей въ школѣ и ихъ отношеніе къ устройству чтеній превзошли всякія ожиданія. Храмъ былъ полонъ молящимися; масса народа осталась на наперти и въ оградѣ, а на чтенія попало не болѣе 5-й части изъ всѣхъ желающихъ. Все это говоритъ за благовременность чтеній, и свидѣтельствуетъ о той жадѣ, какая замѣтна въ простомъ народѣ къ слову наученія и назиданія. Многіе изъ народа горячо благодарили священниковъ за устройство чтеній, а нѣкоторые изъ молодыхъ людей просили указать мѣста изъ Библіи въ подтвержденіе истины иконопочитанія и въ отраженіе отрицателей этого догмата. Чтенія и бесѣды будутъ происходить на Запковкѣ во всѣ воскресные дни поста. Такія же чтенія открыты съ 3 марта группою

харьковскихъ священниковъ и на Основѣ. Предположено вести бесѣды по воскресеньямъ Великаго поста съ участіемъ церковныхъ хоровъ и туманными картинами. Первая бесѣда была предложена священникомъ Спасо-Преображенской церкви о. Петромъ Ѳоминымъ объ иконопочитаніи. Слушателей оказалось такъ много, что залъ Квиткинскаго дома не вмѣщалъ всѣхъ, корридоръ и сосѣдніе школьные классы были наполнены посѣтителями. Порядокъ былъ образцовый и во время бесѣды тишина невозмутимая: весьма замѣтно было благоговѣйное и серьезное настроеніе слушателей. О. Ѳоминымъ, послѣ вступительныхъ словъ о предстоящихъ бесѣдахъ и характерѣ ихъ, было предложено при началѣ и въ заключеніе бесѣдъ пѣть общимъ хоромъ церковныя пѣснопѣнія. Опытъ оказался чрезвычайно удачнымъ. Многочисленная масса слушателей съ неожиданною стройностью и единодушіемъ пропѣла «Царю небесный», а потомъ въ среднѣ бесѣды «Спаси, Господи» и въ концѣ «Достойно есть»... Церковнымъ хоромъ Преображенской церкви подъ управленіемъ регента И. Я. Евтушенко было исполнено нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній и концертъ. Послѣ перерыва опять около получаса продолжалась бесѣда о. Петра, закончившаяся призывомъ къ усердію въ иконопочитаніи, къ благоговѣнію и любви къ святынямъ церкви и къ заботливому вниманію къ своимъ домашнимъ св. иконамъ... Вся бесѣда продолжалась 1½ часа и доставила глубокое удовольствіе слушателямъ, которые горячо благодарили организаторовъ и участниковъ этихъ назидательныхъ бесѣдъ. Въ основянскихъ бесѣдахъ принимаютъ живое участіе, кромѣ мѣстныхъ священниковъ, и нѣкоторые законоучители гимназій.

— Докторомъ медицины Н. Я. Песковскимъ, небезызвѣстнымъ и въ богословской литературѣ, годъ тому назадъ составлена брошюра: „Христіанскій постъ съ медицинской точки зрѣнія“. Брошюра эта невелика — въ ней всего восемь страничекъ, но она такъ интересна и поучительна своимъ содержаніемъ, что заслуживаетъ самаго широкаго распространенія въ русскомъ обществѣ.

Написать брошюру о христіанскомъ постѣ, какъ видно изъ первыхъ же строкъ ея, побудили автора тѣ отрицательные взгляды, которые нерѣдко высказывались и высказываются нынѣ современными либералами по вопросамъ догматическимъ и обрядовымъ христіанской вѣры. По свидѣтельству автора, этими людьми постъ

признавъ „анахронизмомъ“, безсмысленнымъ и зловреднымъ для здороваго человѣка обрядовымъ учрежденіемъ. Фальшиво прикрываясь именемъ науки для отрицанія поста, этого необходимаго и полезнаго учрежденія христіанской религіи, современные невѣры воспѣваютъ „всевозможные сателиты по адресу мяснаго питанія и не стыдятся злословить христіанскій постъ, при чемъ не брезгаютъ ни юморомъ, ни сарказмомъ, ни, наконецъ, самыми грязными инсинуаціями“.

Отразить однимъ и тѣмъ же оружіемъ, т. е., наукою же, эти ожесточенные нападки невѣрія на христіанскій постъ авторъ и ставитъ цѣлю своего труда. Дословно онъ опредѣляетъ его такъ: „мы“—говоритъ онъ,—„уже не будемъ касаться божественнаго авторитета Церкви Христовой, примѣра сорокадневнаго поста Самого Христа Спасителя, не будемъ говорить также о томъ нравственно-религіозномъ значеніи поста, какое ему даетъ сама Церковь, ея іерархи и великіе подвижники. Наша цѣль значительно скромнѣе“, продолжаетъ онъ. „Мы имѣемъ въ виду показать, что всѣ ухищренія невѣрія противъ христіанскаго поста, якобы опирающіяся на науку и особенно на медицину и гигиену, передъ судомъ именно этихъ наукъ являются ни больше, ни меньше, какъ потугомъ Крыловской лягушки“.

Руководясь этою цѣлю, авторъ прежде всего признаетъ необходимымъ указать слѣдующія три степени или вида христіанскаго поста: а) постъ абсолютный, когда въ нѣкоторые дни Церковь повелѣваетъ совершенно воздерживаться отъ пищи; б) постъ—сухоядѣніе, когда Церковью дозволяется употреблять въ пищу хлѣбъ и овощи, но безъ варена и масла и в) постъ, разрѣшающій вкушать рыбу или вареную растительную пищу. Поименовавъ эти виды поста, онъ далѣе приводитъ научные примѣры въ пользу необходимости для здоровья человѣка каждаго изъ нихъ. Что кратковременный (періодическій) абсолютный постъ необходимъ для человѣка, авторъ находитъ подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ опытовъ, произведенныхъ въ послѣднее десятилѣтіе, какъ надъ животными, такъ и надъ людьми. Въ виду того, что опыты надъ животными, не смотря на общую ихъ физическую организацію съ нами, могутъ почему нибудь показаться не всѣмъ убѣдительными, мы не будемъ здѣсь упоминать о нихъ, а укажемъ только на опытъ, произведенный, по словамъ г. Песковскаго, докторомъ Зеландомъ надъ самимъ собою.

Этотъ ученый страдалъ сильными приступами головной невралгіи, сопровождавшейся затѣмъ удрученнымъ меланхолическимъ настроеніемъ духа. Работая по вопросу о голоданіи надъ различными животными и получивъ благоприятные результаты, д-ръ Зеландъ рѣшилъ подвергнуть самого себя разъ въ недѣлю абсолютному голоданію въ теченіе 36 часовъ. Въ первыя двѣ недѣли опытовъ невралгія какъ будто бы даже увеличилась, но затѣмъ приступы стали повторяться значительно рѣже, а интенсивность боли постепенно сходилла на-нѣтъ. Черезъ полгода такого оригинальнаго лѣченія д-ръ Зеландъ совершенно освободился отъ своей жестокой болѣзни, которую онъ раньше въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тщетно лѣчилъ всевозможными способами. Важно при этомъ отмѣтить еще то, что уже въ первыя недѣли такого періодическаго поста настроеніе духа больного доктора совершенно измѣнилось: меланхолія какъ не бывало, тоска и грусть смѣнились веселымъ, бодрымъ настроеніемъ. Замѣчательно и то, что бодрость духа и веселость особенно проявлялись у д-ра Зеланда непосредственно послѣ поста“.

Доказавъ на этомъ примѣрѣ необходимость въ соблюденіи абсолютнаго поста (періодически, конечно), авторъ переходитъ къ сужденіямъ о другихъ его двухъ видахъ. Общее ихъ требованіе,—говоритъ онъ,—какъ извѣстно, сводится къ запрещенію употреблять въ пищу мясо. Разумно ли это требованіе, временами предъявляемое къ намъ, христіанамъ? Да, разумно,—отвѣчаетъ онъ,—и вотъ почему: „обильное употребленіе мяса образуетъ въ глубинѣ тканей организма многочисленныя яды (токсины, левкомаины, птомаины, различныя кислоты), которые на него разрушительно дѣйствуютъ, отравляя въ особенности нервную систему человѣка. Различныя нервныя болѣзни, болѣзни сердца и сосудовъ, ожвръніе, подагра и даже ревматизмъ въ значительной степени зависятъ отъ злоупотребленія людьми мясною пищею“. Чтобы не быть голословнымъ въ своемъ утвержденіи, что при обильномъ употребленіи мясная пища вредна для человѣка, авторъ ссылается на д-ра Ламана, который лѣтъ десять тому назадъ основалъ санаторію около Дрездена, куда стекаются теперь во множествѣ разнаго рода больные. Въ этой оригинальной санаторіи, лѣкарственное лѣченіе вообще не имѣетъ мѣста, такъ какъ основатель ея лѣчитъ своихъ больныхъ лишь гигиеническимъ и пищевымъ режимомъ, въ которомъ мясо стоитъ на послѣднемъ планѣ, тогда какъ овощи, салатъ

и фрукты являются главнѣйшимъ пищевымъ веществомъ всѣхъ его паціентовъ. Вотъ подлинныя слова д-ра Ламана, которыя мы находимъ въ брошюрѣ: „можно“, говорятъ опъ „быть совершенно спокойнымъ насчетъ своего питанія, если въ обѣдъ п ужинъ съѣдать по мискѣ правильно сваренныхъ зеленыхъ овощей, или миску салата, а затѣмъ немного картофеля и стручковыхъ плодовъ (горохъ, бобы, чечевица) и свѣжихъ или сушеныхъ фруктовъ“. „Понстинѣ приходится пзумлять“,—замѣчаетъ въ слѣдующихъ строкахъ составитель брошюры, „что Ламанъ устанавливаетъ какъ разъ тотъ пищевой режимъ, какимъ пользовались великіе пустычники и аскеты“. Да дѣйствительно, сходство это поразительно!

Итакъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области медицины и гигиены въ лицѣ лучшихъ ея представителей соблюденіе поста и, именно, поста Православной Церкви признается чрезвычайно необходимымъ условіемъ для благотворнаго воздѣйствія, какъ на духовную, такъ и тѣлесную природу человѣка.

Далѣе, авторъ пишетъ въ своей брошюрѣ, что въ полномъ соотвѣтствіи съ научными данными о христіанскомъ постѣ находится п статистика. Эта наука показываетъ, что «наибольшее количество столѣтнихъ людей падаетъ на тотъ бѣдный людъ, который рѣдко за столомъ своимъ видитъ мясо, а по преимуществу питается растительною пищей да еще впроголодь».

Прекрасное заключеніе брошюры выражено слѣдующимъ образомъ: «пость»,—говорится въ ней,—«окрыляя духъ человѣка, направляя духовныя взоры его къ міру Свѣта Христова, вмѣстѣ съ тѣмъ является лучшимъ временемъ, когда даже бѣдный человѣкъ можетъ удѣлать изъ своего достатка что нибудь немущимъ. Такимъ образомъ, пость является однимъ изъ могучихъ соціальныхъ орудій для улучшенія быта всѣхъ алчущихъ, если только христіанинъ пожелаетъ въ святые дни его протянуть немущимъ свою руку отъ избытка своего». «Вѣстн. Военн. Дух.».

— Животрепещущимъ въ духовномъ вѣдомствѣ вопросомъ является, несомнѣнно, вопросъ о новыхъ пенсіяхъ нашему духовенству, и оно съ понятнымъ, захватывающимъ интересомъ слѣдитъ за скудными вѣстями, проникающими иногда въ печать о положеніи этого важнаго дѣла. Много вопіющихъ нуждъ у нашего духовенства, много тревожныхъ заботъ гнететъ его, но больше всего беспокоитъ cadaго вопросъ: какъ будемъ жить на старости лѣтъ, когда ослабѣютъ жизненныя силы и, по выраженію Екклесіаста, «подвигнутся стражіе дому, и раз-

вратятся мужіе силы, и упразднятся мелющія, яко умалишася, и помрачатся зрящія въ скважняхъ? Какая судьба постигнетъ жену, дѣтей, когда они потеряютъ отца-кормильца? Поэтому горячею благодарностію забылись сердца всѣхъ духовныхъ, когда они услышали о готовящемся проектѣ новыхъ правилъ о пенсіяхъ духовенству, а особенно о томъ, что иредставленіе объ утвержденіи проекта новаго пенсіоннаго устава уже внесено въ Государственный Совѣтъ, находятся, такъ сказать, на порогѣ окончательнаго рѣшенія! По старому уставу псаломщики наши были совсѣмъ обездолены: ихъ служба не только сама по себѣ не давала имъ права на пенсію, но и не зачислялась въ срокъ пенсіонной выслуги въ случаѣ посвященія ихъ въ діаконы или священники. Новый уставъ предполагаетъ назначеніе пенсій не только священникамъ и діаконамъ, но и псаломщикамъ. Нельзя не порадоваться за низшихъ служителей церкви; несомнѣнно, назначеніе имъ пенсій и зачетъ ихъ службы при переходѣ на высшую должность будетъ способствовать между прочимъ и вступленію въ ихъ ряды людей лучшихъ и болѣе образованныхъ: какъ хотите, при прежнемъ положеніи вещей не всякій рѣшался поступить псаломщикомъ и такимъ образомъ потерять для пенсій нѣсколько лишнихъ лѣтъ. Теперь в срокъ пенсіонной выслуги вмѣняются къ лучшему. Хотя срокъ для выслуги полной пенсій остается прежній, общій и для чиновниковъ—35 лѣтъ, но кромѣ того вводится два сокращенныхъ срока: человекъ, вышедшій въ отставку послѣ 30 лѣтъ службы, получаетъ $\frac{2}{3}$ полного оклада пенсій, а прослужившій только 20 лѣтъ— $\frac{1}{3}$ оклада. Открывается даже возможность, въ случаяхъ исключительныхъ, получать пенсію и въ этихъ срокахъ: по болѣзни сроки пенсіонной выслуги сокращаются. Прежде предполагалось ввести нѣкоторую разницу въ размѣрѣ пенсій между духовенствомъ городскимъ и сельскимъ, и на страницахъ „Церковнаго Вѣстника“ появилось нѣсколько статей, въ которыхъ высказывались мысли о нежелательности предпочтенія городского, болѣе состоятельнаго духовенства сельскому. По новому проекту эта разница сглажена: кафедральнымъ протоіереямъ положено 500 руб., протоіереямъ (штатнымъ) 400 руб., священникамъ городскимъ и сельскимъ и протодіаконамъ кафедральныхъ соборовъ—300 руб., діаконамъ 200 руб. и псаломщикамъ 100 руб. Предполагается значительное повышеніе пенсій и семействамъ духовенства, осиротѣвшимъ послѣ смерти отца. Вдова получаетъ половину

пенсію мужа, а каждый изъ ея дѣтей по $\frac{1}{3}$ другой половины, такъ что вдова, вмѣющая трехъ и болѣе дѣтей, получаетъ полную пенсію мужа. Не забыты и такіе случаи, когда нуждающееся въ помощи лицо изъ духовнаго сословія не имѣетъ никакихъ правъ на полученіе постоянной пенсіи: такимъ лицамъ, не пріобрѣтшимъ права на полученіе пенсіи, выдается единовременное пособіе.

Итакъ, надежды духовенства близки къ осуществленію. Дѣло обезпеченія духовенства, начатое прпснопамятнымъ Царемъ-Миротворцемъ, продолжается Его преемникомъ, твердо идущимъ по его стопамъ. Едидушныя молитвы духовенства предъ престоломъ Божиимъ помогутъ осуществиться этому святому дѣлу. «Церк. Вѣстн.»

Некрологъ протоіерея Георгія Ивановича Волобуева.

23 февраля сего года опущено въ могилу тѣло, скончавшагося 21-го февраля, на 66-мъ году жизни, священника Харьковской кладбищенской Иоанно-Усѣкновенской церкви, члена Харьковской Духовной Консисторіи, протоіерея Георгія Ивановича Волобуева. Усопшій былъ сынъ священника Церкви Харьковскаго Благотворительнаго Общества. Обучался въ Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ и въ Харьковской Духовной Семинаріи, въ которой окончилъ курсъ въ 1857 году. Въ 1858 году, 15 августа, послѣ женитьбы на дочери священника слободы Лянецъ, Харьковскаго уѣзда, Аннѣ Евѣимовнѣ Селезневой, рукоположенъ во священника къ Покровской церкви той же слободы. Но семейное счастье усопшаго было очень непродолжительно: чрезъ девять мѣсяцевъ жена его умерла отъ родовъ. Тяжело было положеніе молодого вдовца въ одиночествѣ, въ деревенской глуши, безпомощно было и положеніе грудного младенца, его сына. Поэтому отецъ усопшаго исходатайствовалъ ему переводъ поближе къ себѣ, къ церкви Харьковскаго Духовнаго Училища (11 марта 1860 года). Вскорѣ послѣ этого, 31 мая 1860 года, онъ былъ назначенъ законоучителемъ школы Харьковскаго Благотворительнаго Общества и оставался имъ по 16 августа 1871 года. Одновременно съ этимъ онъ былъ учителемъ Харьковскаго Духовнаго Училища и, безвозмездно, тамъ же помощникомъ инспектора (съ 1862—1866 годъ) и бібліотекаремъ (съ 1864 по 1866 годъ). Свободные отъ занятій въ Духовномъ Училищѣ и Благотворительномъ Обществѣ часы онъ посвящалъ на преподаваніе Закона Божія въ Алексапдровской школѣ и въ нѣкоторыхъ частныхъ пансіонахъ. Послѣ смерти отца усопшій переведенъ на его мѣсто къ церкви Благотворительнаго Общества и оставался при ней съ 24 іюля 1869 года по 16 авгу-

ста 1871 года, когда, по прошенію, опредѣленъ священникомъ кладбищенской Іоанно-Усѣвковенской церкви и помощникомъ законоучителя въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ; первую изъ этихъ должностей онъ занималъ до самой смерти, а вторую въ теченіе 25 лѣтъ, послѣ чего, по прошенію, уволенъ отъ нея, съ полной пенсіей, 18 сентября 1896 года. Преподавая въ низшихъ классахъ училища уроки Закона Божія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ въ немъ должность дѣлопроизводителя (съ 1871—1876 годъ) и, безвозмездно, казначея (съ 1871—1901 годъ) и исполнялъ обязанности священника училищной церкви (съ 1871 по 1898 годъ), духовника воспитаницъ (по 1901 годъ) и члена Совѣта Училища отъ духовенства (съ 1891—1892 годъ). Въ 1892 году усопшій былъ назначенъ сверхштатнымъ членомъ Харьковской Духовной Консенсторіи, а въ 1897 году утвержденъ штатнымъ ея членомъ, и оставался имъ до смерти. За свою долготѣльную усердную службу усопшій неоднократно удостоивался благословенія Св. Синода и Архипастырской благодарности и получалъ всѣ награды, которыя даются духовнымъ лицамъ, до сана протоіеря (въ 1892 году) и 4-й степени ордена св. Владиміра (въ 1900 году) включительно. Кроме того, за безвозмездное исправленіе требъ для раненыхъ и больныхъ воиновъ въ Харьковскомъ военномъ госпиталѣ и въ лазаретѣ Общества Краснаго Креста во время войны 1877—1878 года, получалъ въ 1879 году знакъ Краснаго Креста.

Первые шаги о. Георгія на поприщѣ служенія Церкви въ званіи приходскаго священника показали, съ какимъ настроеніемъ онъ вступилъ въ самостоятельную жизнь. Не довольствуясь совершеніемъ Богослуженія и исправленіемъ требъ для своей паствы, онъ захотѣлъ также и просвѣщать ее, гачавши съ младшаго поколѣнія, почему и принялъ на себя обязанности законоучителя и учителя въ мѣстной сельской школѣ. За исправленіе требъ онъ никогда не назначалъ опредѣленной платы, а довольствовался тѣмъ, что ему давали, почему и получалъ такъ мало, что едва могъ пропитываться, не смотря на простоту своей жизни и ограниченность своихъ потребностей. Такое идеальное настроеніе развивалось и укрѣплялось въ усопшемъ и дальнѣйшею его служебною дѣятельностію. Она состояла главнымъ образомъ въ преподаваніи дѣтямъ Закона Божія. Это преподаваніе постоянно держало его душу въ премірныхъ областяхъ Божія Откровенія и Божіихъ заповѣдей и такимъ образомъ отрѣшало ее отъ житейской суеты, а постоянное общеніе съ чистыми дѣтскими душами очищало и просвѣтляло ее. Его религіозныя познанія, не отличаясь особенною широтою и научностію въ смыслѣ знакомства съ западною богословскою литературою и съ отрицательными западными религіозными ученіями, всецѣло основывались на строго-церковномъ святоотеческомъ любомудрїи и

были въ высшей степени опредѣленны и прочны, а его убѣжденія непоколебимы до такой степени, что ничто не въ состояніи было ихъ пошатнуть. Законоучительская дѣятельность усопшаго способствовала развитію въ немъ и другихъ идеальныхъ чертъ характера и поведенія. И всякая вообще преподавательская дѣятельность требуетъ отъ добросовѣстно относящагося къ своему дѣлу учителя особенной опредѣленности, точности и осторожности рѣчи, сообщаетъ и самой наружности его, его осанкѣ, движеніямъ и проч. особую серьезность, сановитость; тѣмъ болѣе такая внимательность къ себѣ требуется отъ законоучителя, устами котораго говорить дѣтской душѣ какъ бы самъ Богъ, вся личность котораго должна представлять для дѣтей видимое осуществленіе и олицетвореніе Закона Божія. Усопшій глубоко понималъ это и, при своей живой вѣрѣ, при свойственной ему безукоризненной чести и добросовѣстности, старался осуществлять эти требованія на дѣлѣ. Оттого то и рѣчь его въ классѣ, точная, ясная, благоговѣйная, отличалась особеннымъ, такъ называемымъ, „помазаніемъ“, и самая осанка и движенія его—благолѣпіемъ. Эти же свойства изъ класса онъ переносилъ и во всю остальную свою жизнь и дѣятельность, общественную и частную, такъ что вездѣ и всегда являлся не простымъ только человѣкомъ, но истиннымъ, типичнымъ пастыремъ Церкви.

Законоучительская дѣятельность усопшаго преимущественно въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, постоянное духовное общеніе съ сердцами и совѣстію дѣвочекъ, способствовали развитію въ его настроеніи и обращеніи, можно сказать, чисто женской ласковости, мягкости, отзывчивости, чуткости, которыя онъ проявлялъ потомъ и по отношенію ко всѣмъ людямъ. Отъ природы человѣкъ очень умный, усопшій постояннымъ самонаблюденіемъ, сосредоточіемъ вниманія на самыхъ внутреннихъ движеніяхъ своей мысли и чувства, достигъ высокой степени мудрости. Онъ до тонкости понималъ всѣ слабости человѣческаго сердца, видѣлъ ясно тайныя пружины самолюбія и своекорыстія, которыя столь часто движутъ самыми, повидимому, идеальными дѣйствіями людей. Но это знаніе, при врожденной ему добротѣ, раждало въ немъ только снисходительность къ людямъ, на слабости которыхъ онъ смотрѣлъ такъ же благодушно, какъ взрослые смотрятъ на мелкія ухищренія дѣтей, оно же, вмѣстѣ со смиреннымъ сознаніемъ своихъ собственныхъ слабостей и своего недостойнства, развило въ немъ замѣчательный тактъ въ обращеніи съ людьми, направленный къ тому, чтобы никого не оскорбить, не затронуть ни чьего самолюбія, никому не причинить непріятности.

Усопшій былъ образцомъ родственной любви. Съ глубокимъ почтеніемъ, покорностію и преданностію относился онъ къ своимъ родителямъ, съ нѣжною любовію къ своему сыну, съ родственнымъ радушіемъ ко всѣмъ

другимъ приснымъ. Изъ послѣднихъ съ особенною широтою проявлялась эта любовь по отношенію къ дѣтямъ и внукамъ его брата—близнеца. Многихъ изъ нихъ онъ воспитывалъ на свои средства, иныхъ выдалъ замужъ, другихъ устроилъ въ жизни; его домъ былъ для всѣхъ ихъ какъ бы вторымъ родительскимъ домомъ. Любилъ онъ также дѣтей, своихъ учениковъ и ученицъ, снисходительно относился къ ихъ слабостямъ, обращаясь съ ними всегда ласково, спокойно, благодушно, скорбѣлъ съ ними при ихъ неудачахъ въ школьной жизни, баловалъ ихъ щедрыми пожертвованіями на развлечения и лакомства. Любилъ онъ и всѣхъ людей и сослуживцевъ, и подчиненныхъ, и чужихъ, для всѣхъ былъ доступенъ, со всѣми и всегда обращаясь въ высшей степени ласково и вѣжливо, ко всѣмъ былъ снисходителенъ, всѣмъ готовъ былъ оказать возможную для него услугу. Оттого-то и отъ всѣхъ онъ пользовался и глубокимъ уваженіемъ, и искреннею любовію. Никому онъ не причинилъ какого-либо зла. Враговъ у него не было, да и самъ онъ ни къ кому не питалъ вражды. Поэтому и кончина его вызвала у всѣхъ искреннее сожалѣніе, а у нѣкоторыхъ даже непритворныя слезы.

Высшимъ, самымъ яркимъ отраженіемъ свѣтлой души усопшаго было совершеніе имъ Богослуженія. Онъ былъ замѣчательный, образцовый молитвенникъ: предстоялъ престолу Господню въ высшей степени благоговѣйно, священнодѣйствовалъ чинно, торжественно, благолѣпно, пропозносилъ слова молитвы ясно, раздѣльно, выразительно, голосомъ мягкимъ, прямо проникавшимъ въ душу. Оттого-то его духовныя чада съ особеннымъ услажденіемъ душевнымъ присутствовали въ храмѣ, когда онъ служилъ, и при этомъ испытывали особенное молитвенное умиленіе и отраду; его высокое душевное настроеніе, его вѣра, какъ бы переливалась въ сердца молящихся и переносила ихъ въ міръ высочайшей чистоты, милосердія, всепрощающей любви, давая переживать еще на землѣ минуты высокаго, неземного блаженства.

Господу угодно было посѣтить усопшаго многими тяжкими испытаніями. Первымъ изъ нихъ была одновременная и внезапная потеря пѣкно любимой жены, а затѣмъ слѣдовали постепенно одно за другимъ потеря отца, матери, несчастнаго брата, безъ вѣсти пропавшаго, смерть любимой сестры, огорчительное для родительскаго сердца поведеніе, а затѣмъ ранвременная и неожиданная, во цвѣтѣ лѣтъ, смерть единственнаго сына—неудачника, смерть, одного за другимъ, двухъ братьевъ—священниковъ. Но эти испытанія не ожесточили его сердца. Онъ, вѣрующій и смиренный, покорно переносилъ ихъ, не позволяя себѣ ни одного слова ропота противъ неизслѣдимыхъ путей Промысла Божія. Испытанія эти только все болѣе и болѣе отрѣшали его отъ земли съ ея радостями и удовольствіями и со-

средоточивали его жизнь исключительно только на исполненіи пастырскихъ, учительскихъ и другихъ служебныхъ обязанностей, на внутренней работѣ самоиспытанія и самоусовершенствованія, на постепенномъ приготовленіи къ жизни будущей, такъ что въ послѣдніе годы онъ сталъ, можно сказать, человекомъ не отъ міра сего. Въ высшей степени трудолюбивый, добросовѣстный, исполнительный и необыкновенно аккуратный онъ все часы дня посвящалъ или совершенію Богослуженія или занятіямъ казенной частью въ епархіальномъ женскомъ училищѣ, или службѣ въ духовной консисторіи. Отдыхомъ, и то только вечеромъ, служило для него чтеніе духовныхъ книгъ. Всякія развлеченія сдѣлались для него и совершенно чуждыми, и невозможными. У него почти никогда не падалось времени даже на посѣщеніе своихъ добрыхъ знакомыхъ и друзей.

Но многообразные труды служебные, выѣстъ съ перенесенными успѣшнымъ тяжкими испытаніями, мало по малу разстроили его здоровье, отъ природы очень крѣпкое. Болѣзнь прежде всего поразила его сердце и причиняла ему временами тяжкія страданія. Припадки, вначалѣ довольно рѣдкіе, постепенно учащались. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, пока, наконецъ, прошедшимъ лѣтомъ разстройство, перешло и на другіе важнѣйшіе органы: почки, печень. Больной сталъ готовиться къ смерти: пересмотрѣлъ и исправилъ духовное завѣщаніе, первыми пунктами котораго назначилъ суммы на свое погребеніе, на поминновеніе, сорокадневное и вѣчное, на поддержаніе въ порядкѣ мѣста упокоенія своего и своихъ родныхъ, на помощь бѣдныхъ духовнаго званія и бѣднымъ чиновникамъ консисторіи; въ свѣтлые отъ болѣзни промежутки совершалъ Богослуженіе, въ тяжелые ея періоды на дому причащался Св. Таинъ. Съ половины ноябрю больной окончательно слегъ и уже не поднимался съ одра болѣзни до самой смерти. Не смотря на тяжкія страданія, онъ поражалъ всѣхъ видѣвшихъ его необыкновеннымъ терпѣніемъ и необыкновенною деликатностью. Чтобы не обезкопоть никого изъ своихъ многочисленныхъ родныхъ, онъ никого изъ нихъ не приглашалъ ухаживать за собою, и оставался во все время болѣзни только съ прислугою и нанятою сидѣлкою. Въ теченіе этого времени онъ сподобился таинства Елеосвященія и многократнаго причащенія Св. Таинъ. Полное сознаніе не оставляло больного до самой смерти. Пользуясь этимъ, онъ въ болѣе спокойныя отъ страданій минуты молился, углублялся въ себя, пыталъ свою душу, и въ такомъ настроеніи 21 февраля, около 6 часовъ утра, спустилъ духъ.

Быстро распространилась вѣсть объ его кончинѣ. По распоряженію благочиннаго, которому немедленно дано было знать о печальномъ событіи, стали прибывать отцы діаконы для облаченія умершаго и чтенія надъ нимъ евангелія; стали приходить и почитатели усопшаго; отъ времени до

времени тѣмъ или другимъ изъ приходившихъ священниковъ совершались панихиды; торжественную панихиду совершилъ и Предѣдатель Совѣта Епархіального Женскаго Училища, въ сослуженіи съ Инспекторомъ классовъ, въ присутствіи воспитаницъ старшихъ классовъ, нѣкоторыхъ начальствующихъ въ Училищѣ и при пѣніи хора воспитаницъ. Вѣсть о смерти усопшаго дошла и до Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, нашего Архіепископа, и Владыка, къ утѣшенію и радости всѣхъ почитателей умершаго, изъявилъ желаніе лично совершить отпѣваніе.

22-го февраля, въ 5 часовъ пополудни, совершена надъ тѣломъ умершаго литія и затѣмъ выносъ его въ кладбищенскую церковь, въ которой участвовало болѣе 20 священниковъ; на пути къ церкви по обѣ стороны дороги стояли, вмѣстѣ со своими начальствующими, воспитаницы епархіального женскаго училища, а за гробомъ шли съѣхавшіеся къ тому времени его родственники и многочисленная толпа почитателей усопшаго. По прибытіи гроба въ церковь, послѣ краткой литіи, совершено было всенощное бдѣніе, а 23 числа въ 9 часовъ утра, началась Божественная литургія, которую совершали 8 священниковъ во главѣ съ кафедральнымъ протоіереемъ. Къ концу литургіи прибылъ прямо въ алтарь, Высокопреосвященнѣйшій Владыка. Вмѣсто причастнаго стиха сослуживцемъ умершаго, протоіереемъ Н. Ошквичемъ, сказано было слово, въ которомъ очерченъ нравственный образъ почившаго. Слово это напечатано въ настоящей книжкѣ ж. «В. и Р.» Непосредственно послѣ литургіи началось отпѣваніе Владыкою въ сослуженіи болѣе чѣмъ 30 священниковъ и 10 діаконовъ, при пѣніи архіерейскаго хора. Торжественный, умиленный и трогательный чинъ священническаго погребенія и всегда производитъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ; но въ настоящемъ случаѣ впечатлѣніе еще усилилось участіемъ самого Владыки и сослуживіемъ ему такого многочисленнаго лика священниковъ, какого мы не помнимъ ни при одномъ изъ прежнихъ погребеній харьковскихъ священниковъ. Послѣ „Святыхъ упокой“ членъ Совѣта епархіального женскаго училища, священникъ Н. Любарскій, въ знакъ признательности отъ заведенія, которому умершій посвятилъ большую половину своей дѣятельности, произнесъ въ честь его похвальное слово, въ которомъ изобразилъ высокія качества его души, а по окончаніи погребенія духовенство и сослуживцы усопшаго были приглашены въ его бывшую квартиру на помпальную трапезу. Да будетъ же вѣчная память доброму дѣлателью на нивѣ Христовой. Да упокоитъ Господь, въ селеніяхъ праведныхъ почившаго собрата нашего и вѣрнаго служителя Своего, и да сподобитъ его царствія небеснаго, къ которому онъ всю жизнь такъ ревностно и неустанно готовился!

Отъ Государственнаго Банка.

1-го марта сего года былъ произведенъ тиражъ выигрышей и погашенія билетовъ
2-го внутренняго съ выигрышами займа.

Выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
00031	47	500	03552	26	500	06832	45	500	10699	36	500
00112	6	500	03588	6	500	06907	12	500	10735	48	500
00200	13	500	03860	9	500	07078	5	500	10803	13	200000
00222	48	500	03897	38	500	07144	25	500	10854	20	500
00226	43	5000	04054	43	500	07220	2	500	10855	5	500
00278	8	500	04066	16	500	07236	47	1000	10910	19	8000
00435	5	500	04093	33	500	07414	36	500	10930	20	5000
00495	33	500	04170	30	500	07437	3	500	10951	31	1000
00502	40	500	04351	44	1000	07447	33	500	10954	44	500
00533	8	500	04539	2	500	07474	2	500	10991	50	500
00569	9	1000	04554	9	500	07515	9	500	11044	5	500
00624	46	1000	04585	36	500	07555	2	500	11127	5	500
00671	28	500	04700	22	500	07895	20	500	11187	14	500
00721	34	500	04771	3	500	07917	6	500	11220	29	500
00754	42	500	04880	24	1000	07984	1	500	11343	11	500
00820	33	500	04953	22	500	08035	22	500	11367	37	500
00906	36	500	05002	41	500	08508	19	500	11413	22	500
00969	23	500	05065	48	1000	08526	35	40000	11588	46	500
01167	38	500	05078	25	500	08547	7	500	11609	2	500
01170	5	500	05098	41	500	08673	43	500	11648	19	1000
01331	31	500	05149	18	500	08704	38	500	11696	48	500
01336	34	500	05168	19	1000	08768	17	500	11728	36	500
01466	33	500	05173	40	500	08919	34	500	11747	31	500
01670	6	1000	05197	12	5000	09010	23	500	11788	47	500
01670	31	500	05264	10	500	09057	36	500	11821	16	500
01671	27	500	05287	5	500	09064	30	500	11831	43	500
01689	49	500	05299	1	500	09073	41	500	11859	10	500
01793	3	500	05364	43	75000	09078	13	500	11867	19	10000
01857	50	500	05391	45	500	09096	3	5000	11934	2	8000
01869	30	500	05544	18	500	09128	26	500	11992	15	500
01964	15	8000	05578	28	500	09146	15	500	12042	13	500
01981	33	500	05744	35	500	09146	39	500	12048	9	500
02060	47	500	05755	44	500	09162	17	1000	12069	24	500
02217	6	500	05783	48	500	09184	1	500	12088	17	1000
02265	21	500	05839	45	500	09252	21	500	12144	6	500
02337	31	500	05912	14	500	09421	38	1000	12150	42	500
02381	37	500	05953	27	500	09526	18	500	12175	7	500
02508	17	500	05981	38	500	09589	10	1000	12200	20	500
02563	4	500	06020	16	500	09597	40	500	12360	33	500
02613	45	500	06085	25	500	09707	4	500	12378	12	5000
02693	42	500	06138	26	500	09725	33	500	12500	33	5000
02728	29	500	06142	32	500	09733	15	500	12532	43	500
02928	47	500	06172	14	5000	09757	30	500	12540	5	500
03044	6	500	06200	1	500	09824	12	500	12669	35	500
03149	43	500	06290	32	500	09824	41	500	12713	47	500
03203	37	500	06331	47	500	09927	26	500	12951	20	500
03245	3	500	06345	48	500	10023	14	500	12991	1	500
03317	7	500	06653	38	500	10115	2	500	13018	13	500
03419	22	500	06672	2	500	10334	19	500	13029	6	500
03428	2	500	06761	26	500	10352	38	500	13055	38	500
03435	38	1000	06774	9	500	10480	44	500	13195	33	8000
03515	10	500	06826	49	500	10614	36	500	13290	11	500

Вышла въ свѣтъ: Памятная книжка здоровья. Стѣнные таблицы для Чайныхъ, Библіотекъ и Народныхъ школъ, сост. Профессоромъ И. А. Спекорскимъ. Изданіе Юго-Западнаго Общества трезвости. Складъ изданія: Кіевъ, въ Чайной Юго-Западнаго Общества трезвости, на Львовской (Сѣнной) площади. Цѣна таблицъ, наклеенныхъ на картонъ, 15 коп. съ пересылкой; безъ наклейки на картонъ 50 коп. съ пересылкой.

СОДЕРЖАНІЕ ТАБЛИЦЪ:

- Табл. I. Сохраняйте жизни, здоровье и чистую совѣсть!
- Табл. II. Всѣмъ. Проверка здоровья.
- Табл. III. Пища.
- Табл. IV. Пищевыя порціи и раціоны.
- Табл. V. Ыда и питье.
- Табл. VI. Свѣтъ. Воздухъ. Вода. Жилище. Одежда.
- Табл. VII. Чистота тѣла.
- Табл. VIII. Трудъ, сонъ, отдыхъ, праздники.
- Табл. IX. Вино и спиртные напитки.
- Табл. X. Табакъ.
- Табл. XI. Чай.
- Табл. XII. Хорошая и дурная жизнь.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ).

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью

Заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 г.

на духовно академическіе журналы

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ И ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ

съ приложеніемъ полного собранія твореній св. Іоанна Златоуста.

С.-Петербургская Духовная Академія, въ твердой рѣшимости и впредь служить по мѣрѣ силъ тому дѣлу, которому она служила до сихъ поръ посредствомъ своихъ журналовъ, будетъ издавать въ 1902 году „Церковный Вѣстникъ“ и „Христианское Чтеніе“ по слѣдующей программѣ. Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ печатаются: 1) Передовыя статьи, имѣющія своимъ содержаніемъ обсужденіе богословскихъ и церковно-историческихъ вопросовъ, какъ они выдвигаются запросами времени; 2) Статьи церковно-общественнаго характера, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ явленій, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; 3) Мнѣнія и отзывы—отдѣлъ, въ которомъ излагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніямъ факты и явленія церковно-общественной жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати; 4) „Въ области церковно-приходской практики“—отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики; 5) Корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни; 6) Обзорніе книгъ и журналовъ духовныхъ, а равно и свѣтскихъ, по вопросамъ изъ области религіозной и церковно-общественной жизни; 7) Постановленія и распоряженія правительства; 8) Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи и за границей на пространствѣ всего земного шара; 9) Разныя извѣстія и замѣтки,—разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ. Кроме того съ 1895 года редакція приступила къ изданію „Полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста“. Чтобы облегчить приобрѣтеніе этого цѣннаго изданія, редакція духовно-академическихъ журналовъ, рассматривая его какъ особое приложеніе къ послѣднимъ, находитъ возможнымъ предоставить своимъ подписчикамъ слѣдующія льготныя условія: а) подписчики на оба журнала получаютъ каждый томъ, издаваемый въ текущемъ подписномъ году, вмѣсто трехъ руб. за одинъ руб. (8+1=9 р.) и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 руб. 50 коп. (5+1 р. 50 к.=6 р. 50 к.), считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христианскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ приобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую бібліотеку богословской литературы ея золотого вѣка. Въ 1902 г. будетъ изданъ восьмой томъ въ двухъ книгахъ. Въ него войдутъ Бесѣды Св. Іоанна Златоуста на Ев. отъ Іоанна. Тѣ изъ гг. подписчиковъ, которые при подпискѣ или въ теченіе 1902 года пожелали бы получить и первые семь томовъ всѣ вмѣстѣ или порознь, уплачиваятъ за каждый томъ по два рубля (вмѣсто трехъ), въ переплетѣ по два руб. 50 к. съ пересылкой. Примѣчаніе. По этой льготной цѣнѣ каждый подписчикъ имѣетъ право получить только по одному экземпляру первыхъ семи томовъ. Условія подписки. Годовая цѣна въ Россіи: а) за оба журнала 8 (восемь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—9 (девять) руб., въ изящномъ переплетѣ—9 р. 50 к. б) отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—6 руб. 50 коп., въ изящномъ переплетѣ 7 руб.; за „Христианское Чтеніе“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 7 руб. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 10 (десять) руб.; съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—11 руб. 50 коп., въ переплетѣ—12 р.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—9 руб., въ переплетѣ 9 р. 50 к. Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христианскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА „ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

ВЪ 1902 ГОДУ (ГОДЪ ИЗДАНИЯ СОРОКЪ ТРЕТІЙ).

Журналъ „Труды Кіевской духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1902 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ дух. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по содержанію общедоступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ отгискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“. Къ январю 1902 года выходитъ 16-я часть творен. блажен. Іеронима. Указомъ Св. Синода отъ 8/29 февраля 1884 г. подписка на „Труды“ и „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для дух. семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10—15-ти листовъ. Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб. За прежніе годы „Труды“ продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы. Кромѣ того въ конторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія книги: „Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“: а) св. Кипріяна, еп. Каре., части 1 и 2, б) блаж. Іеронима, ч.ч. 1—15 и в) блаж. Августина, ч.ч. 1—8. Цѣна каждой части 2 руб. съ пересылкою, 9-й и 15-й частей творен. блаж. Іеронима, цѣна которыхъ по 1 р. 50 к. „Опытъ правосл. догматическаго Богословія“ еп. Сильвестра, т. 1 (изд. 3-е) ц. 1 р. 70 к., т. 2 (изд. 3-е) ц. 3 р. 30 к., т.т. 3, 4 и 5 (изд. 2-е) по 3 р. каждый. Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакціи проситъ обращаться непосредственно къ ней по слѣдующ. адресу: Въ редакцію журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ въ г. Кіевѣ. (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ профессоръ В. Ѡ. Пѣвницкій.

ОБЪ ИЗДАНИИ „ПРОПОВѢДНИЧЕСКАГО ЛИСТКА“

ВЪ 1902 ГОДУ.

Въ 1902 году поученія, помѣщаемыя въ „Проповѣдническомъ Листкѣ“ на всѣ воскресныя и праздничныя дни, будутъ издаваться въ прежнемъ видѣ: 1) они будутъ кратки, но содержательны; 2) по изложенію будутъ просты, общедоступны; 3) будутъ выходить за мѣсяць до того времени, на которое назначены.—Въ „Листкѣ“ будутъ помѣщаться также вѣщбогослужебныя собесѣдованія и поученія на различные случаи. Цѣна „Проп. Листка“ одинъ рубль за годъ. За прежніе—годы—1882, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 900 и 901 можно получать „Пропов. Листокъ“ по одному рублю за годъ. Выписывающіе не менѣе, какъ за 5 лѣтъ, прилагаютъ по 80 коп. за годъ „Катехизич. собесѣдованія“, издан. при „Проп. Л.“ за 94 и 95 годы, высылаются за 80 коп., а Житія Святыхъ за январь и февраль мѣсяцы, издан. при „Проп. Лист.“, высылаются за 1 руб. 50 коп. Съ требованіями обращаться на имя редактора издателя, профессора Кіевской Духовной Академіи, Маркелліана Алексѣевича Одесницкаго. Училищ Совѣтомъ при Свят. Синодѣ „Проп. Листокъ“ допущенъ въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ. Допущены въ эти библіотеки и издан. при „Проп. Листкѣ“ „Катехиз. собесѣдованія“ и Житія Святыхъ за янв. и февр. (см. Церк. Вѣдом. № 31, 1901 г.). Ученнымъ Комит. Минист. Народ. Просв. „Проп. Листокъ“ и изд. при немъ „Катех. собес.“ и Житія Свят. допущены въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованіи прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каледонской православной Церкви, съ указаніемъ равенствъ, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованіе еврей въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Западна и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западна средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мирянъ на управленіе церковными имуществомъ?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народнои школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодопріиженіяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О нововъ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свѣдѣніи Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. О. Г. О.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. Б.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли integer simon, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартинова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линдквиста. М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.